

ФГБОУ ВПО «Курганский государственный университет»

На правах рукописи

**Чумакова Дарья Михайловна**

**ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ ЛИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО  
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СЕМЬЕ**

Специальность 19.00.05 – социальная психология

Диссертация на соискание ученой степени  
кандидата психологических наук

Научный руководитель:  
доктор психологических наук,  
профессор,  
Овчарова Р.В.

Курган 2014

**ОГЛАВЛЕНИЕ**

|  |     |
|--|-----|
| ВВЕДЕНИЕ.....  | 3   |
| ГЛАВА 1. Теоретический анализ проблемы религиозности личности и социального взаимодействия .....   | 14  |
| 1.1. Религиозность личности в различных психологических подходах.....  | 14  |
| 1.2. Религиозность в системе социально-психологических качеств личности .....  | 39  |
| 1.3. Социальное взаимодействие и его взаимосвязь с личностными качествами..  | 59  |
| 1.4. Социальное взаимодействие в семье и религиозность личности родителей...   | 74  |
| ГЛАВА 2. Организация и методы исследования.....  | 84  |
| ГЛАВА 3. Эмпирическое исследование взаимосвязи религиозности личности родителей и социального взаимодействия в семье.....  | 96  |
| 3.1. Религиозность личности родителей, удовлетворенность семейной жизнью и частота применения практик наказаний к детям.....                                       | 96  |
| 3.2. Эмпирический анализ типов испытуемых по параметрам религиозности личности, удовлетворенности семейной жизнью, стресса и частоты использования наказаний ..... | 114 |
| 3.3. Эмпирический анализ религиозности в структуре личностных качеств .....  | 126 |
| ВЫВОДЫ .....   | 139 |
| СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....   | 141 |
| ПРИЛОЖЕНИЕ А .....   | 159 |
| ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....  | 160 |
| ПРИЛОЖЕНИЕ В .....   | 161 |
| ПРИЛОЖЕНИЕ Г .....   | 163 |

## ВВЕДЕНИЕ

**Актуальность исследования.** Актуальность вопросов, связанных с психологией религии, в современной России не вызывает сомнений. Проблемы, обусловленные социально-психологическими аспектами религиозности личности, часто попадают в фокус общественного внимания и становятся предметом дискуссии. Спектр мнений довольно широк, но ощущается недостаток аргументов, основанных на эмпирически установленных фактах. Только тщательное изучение взаимосвязи религиозности личности и социальных систем, а также формирование религиозности личности внутри этих систем может создать надежный научный фундамент для решения общественных проблем.

Высокая общественная значимость проблем социальной психологии религии сочетается с относительно небольшим числом исследований в этой области. Ощущается недостаток эмпирических данных, касающихся прояснения положения религиозности в структуре личности, ее взаимосвязей с социальным взаимодействием, в частности с семейным социальным взаимодействием. В исследованиях по социальной психологии лучше прояснен вопрос о влиянии семьи на развитие религиозности личности ребенка и существенно меньше работ, посвященных взаимосвязи религиозности личности родителей и параметров социального взаимодействия в семье. Вместе с тем данный вопрос имеет существенное значение не только для психологии религии, но и для социума. Постановка проблемы выводит исследование за рамки психологии религии в область социальной психологии. Актуальность избранной темы подтверждается тем, что в последние годы в отечественной психологии увеличилось число работ, посвященных проблемам религиозности личности, социально-психологическим особенностям религиозных групп, взаимосвязи религиозности и духовности. Это работы В.М. Аллахвердова, Б.С. Братуся, Ф.Е. Василюка, А.Н. Ждан, Ю.М. Зенько, В.И. Слободчикова, В.Д. Шадрикова и др. В работах Н.А. Батурина, В.Е. Орла, И.Г. Сенина, В.В. Столина, А.Г. Шмелева и других авторов получила

развитие психометрика, позволяющая осуществлять тестометрические подходы к изучению религиозности личности.

**Степень научной разработанности проблемы.** Проблема религиозности личности и ее связи с социальным взаимодействием изучается в русле таких отраслей психологии, как социальная психология, психология развития, психология личности. Общепсихологические основания изучения религиозности личности заложены в трудах В.М. Аллахвердова, Б.С. Братуся, Ф.Е. Василюка, У. Джеймса, А.В. Карпова, Д.А.Леонтьева, Г. Олпорта, Т. Флурнуа, В.Д. Шадрикова и др. Религиозность личности исследовалась такими авторами, как Д. Вульф, Р.М. Грановская, В.Н.Дружинин, Ю.М. Зенько, В.В. Знаков, В.В. Козлов, А.А. Мелик-Пашаев, С.Мк.Фадден, Ф. Озер, В.Ф. Петренко, К.К. Платонов, М.А. Попова, Б. Спилка, Д.М.Угринович, Д. Фаулер, З. Фрейд, Э. Фромм, К.Г. Юнг, Е.Ф. Яценко. Можно констатировать, что исследование религиозности личности сложилось как самостоятельное направление в социальной психологии. Затрагиваются вопросы связи религиозности личности и духовности (Л.Я. Дорфман, В.В. Знаков, Н.В. Ключева, Г.М. Нажмудинов, Г.В. Ожиганова, В.В. Семикин, В.Д. Шадриков и др.), религиозности личности и морали (Б.С. Братусь, Л. Колберг, Ф. Озер и др.), религиозности и ответственности (В.В. Томашов), религиозности и творчества (А.А. Мелик-Пашаев). Проблематика социального взаимодействия разрабатывается такими психологами как Г.М. Андреева, В.В. Рубцов, В.Г. Грязева-Добшинская, Е.Л. Доценко, А.Л. Журавлев, М.М. Кашапов, Н.В. Ключева, С.Л. Леньков, Н.И. Леонов, А.В. Мазилев, С.А. Минюрова, В.Н. Мясищев, В.В.Новиков, Р.В.Овчарова, Т.М. Панкратова, А.Н. Перре-Клермон, А.В. Петровский, В.А. Петровский, Е.Л. Солдатова, Н.П. Фетискин и др. Ряд исследований посвящены влиянию социума и семьи на формирование религиозности личности (В.Н. Дружинин, Т.А. Казанцева и др.). Идея связи религиозности личности и социального взаимодействия вытекает из логики исследования этих феноменов. В большей степени изучена проблема влияния семьи на формирование религиозности личности детей. В процессе социализации религиозные установки

передаются от родителей и других членов семьи детям. Проблема взаимосвязи религиозности личности родителей с самими параметрами социального взаимодействия в семье фактически не изучена. Особенно обращает на себя внимание малое количество эмпирических исследований в данной области.

Таким образом, существует противоречие между значительным интересом со стороны общества и психологической науки к феномену религиозности в связи с социальным взаимодействием и отсутствием прочного эмпирического фундамента для выявления социально-психологических закономерностей данного явления. В связи с этим возникает научно-исследовательская проблема теоретического обоснования и эмпирического установления взаимосвязей религиозности личности родителей и особенностей социального взаимодействия в семье.

**Цель диссертационной работы** - выявить психологические взаимосвязи религиозности личности и параметров социального взаимодействия в семье.

Для конкретизации цели были поставлены следующие **задачи исследования**.

- 1 Провести психологический анализ основных направлений исследования религиозности личности, изучить особенности социального взаимодействия в контексте личностных качеств и выявить теоретические и методические подходы к исследованию взаимосвязи религиозности личности и социального взаимодействия в семье.
- 2 Осуществить перевод, апробацию на русскоязычной выборке и психометрическую проверку тестов, направленных на измерение религиозности личности.
- 3 Выявить, как взаимосвязана религиозность родителей с семейным воспитанием, в частности со склонностью родителей применять физические наказания к детям.
- 4 Выявить, как взаимосвязана религиозность личности с удовлетворенностью супругов различными сферами семейной жизни.

5 Выявить структуру взаимосвязей параметров религиозности личности и социального взаимодействия в семье. Определить параметры, опосредующие влияние религиозности личности на частоту применения наказаний к детям.

6 Эмпирически выявить и описать типы испытуемых, различающихся по параметрам религиозности и социального взаимодействия в семье.

7 Определить положение религиозности в структуре личностных качеств.

**Объект исследования** - психологические особенности семьи как социальной системы.

**Предмет исследования** - взаимосвязи характеристик социального взаимодействия в семье и религиозности личности родителей, а также параметры, которыми они опосредуются.

**Основная гипотеза исследования** заключается в том, что религиозность личности имеет закономерные взаимосвязи с социальным взаимодействием в семье. Эти взаимосвязи опосредованы копинговыми стратегиями, субъективным благополучием, структурой личностных качеств.

**Частные гипотезы:**

1 Особенности применения наказаний родителями к детям связаны с религиозными особенностями их личности. Родители с более высокими показателями по шкале религиозности реже наказывают своих детей.

2 Испытуемые, имеющие высокие показатели по шкале субъективного благополучия в религиозной сфере, в большей степени удовлетворены различными сферами семейной жизни. Они чаще используют религию как копинг стресса и менее подвержены эмоциональному стрессу. Копинг с опорой на религию и субъективное благополучие опосредуют связи религиозности личности родителей и социального взаимодействия в семье.

3 Сочетание параметров религиозности личности и социального взаимодействия в семье позволяет выделить типы испытуемых. Совокупность параметров, образующих типы, может быть благоприятной и неблагоприятной для личности и социального взаимодействия.

4 Религиозность личности является элементом структуры личностных качеств. Устойчивое сочетание религиозности личности и других личностных качеств определяет характер ее взаимосвязей с социальным взаимодействием в семье.

**Теоретические и методологические основы исследования.** Теоретическим и методологическим основанием работы являются принципы системно-структурного подхода как общенаучной исследовательской парадигмы (П.К.Анохин, В.А. Барабанщиков, А.В. Карпов, Б.Ф. Ломов, Ю.К. Стрелков, В.Д.Шадриков и др.); Работы по социальной психологии (Г.М. Андреева, А.Л.Журавлев, Н.Л. Иванова, М.М. Кашапов, Н.В. Ключева, Н.И. Леонов, А.В. Мазиллов, В.И. Назаров, В.В. Новиков, Р.В. Овчарова, В.И. Панов, Н.П. Фетискин, Е.Ф. Ященко и др.); Общепсихологические положения теории личности (Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов, Л.Я. Дорфман, Е.Л.Доценко, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Е.Л. Солдатова); Социально-психологические и общепсихологические положения современных теорий религиозности личности (Б.С. Братусь, А. Вергот, К.К.Платонов, Г. Олпорт, Ф. Озер, Д.Н. Угринович, В.Д. Шадриков, Т.Флурнуа и др.); Работы в области психологии оценивания и оценки, психодиагностики, служащие основой диагностики религиозности личности и социального взаимодействия в семье (Н.А. Батулин, В.Е. Орел, М. Перре, В.В. Столин, А.Г.Шмелев и др.).

**Методы исследования.** На этапе теоретической проработки проблемы применялись методы теоретического анализа, сравнения и обобщения различных методологических и теоретических исследований.

В качестве методов сбора эмпирических данных использовался метод тестов.

В качестве методов математической обработки и анализа данных использовался кластерный анализ, коэффициент корреляции Пирсона, методы изучения значимости различий с помощью параметрических и непараметрических критериев.

Расчеты осуществлялись с помощью компьютерной программы SPSS.

**Методики исследования.** Для диагностики различных параметров религиозности личности были переведены, психометрически проверены,

адаптированы и использованы ряд методик. Это следующие методики: шкала субъективного благополучия в религиозной сфере (Paloutzian, Ellison); шкала копинга, основанного на религиозности (Pargament, Ensing, Falgout, Olsen, Reilly, Van Haitsma, Warren); шкала измерения общей религиозности личности (DeJong, Faulkner, Warland) [211].

Для выявления параметров социального взаимодействия в семье была использована батарея тестов М. Перре [179; 221].

Для изучения религиозности в структуре личностных качеств применялись следующие методики:

- 1 Психодиагностическая методика определения индивидуальной меры рефлексивности (А.В. Карпов).
- 2 Методика исследования самоотношения (С.Р. Пантеев).
- 3 Личностный опросник «НЭП» Г. Айзенка (адаптация А.А. Рукавишников, Л.А. Сосниной).
- 4 Калифорнийский психологический опросник CPI Х.Г. Гау (адаптация Н.А. Батурина, И.М. Дашкова, Н.А. Курганского).
- 5 Опросник определения уровня субъективного контроля (Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, Л.Н. Эткинд).

#### **Этапы исследования:**

2005–2007 гг. Теоретическое исследование основных подходов к религиозности личности и определение методологических основ изучения проблемы, анализ категории социального взаимодействия, постановка целей и задач исследования, формулирование гипотез.

2008–2009 гг. Перевод, психометрическая проверка и апробация на русскоязычной выборке диагностического инструментария.

2010–2011 гг. Сбор, обработка, обобщение и интерпретация эмпирических данных.

2012–2014 гг. Подведение итогов эмпирического исследования, уточнение отдельных теоретических положений. Апробация результатов исследования.



**Эмпирическая база исследования.** Исследование проводилось в течение 2005–2014 гг. В указанное время определялась процедура исследования, осуществлялся перевод, психометрическая проверка и адаптация методик диагностики религиозности личности, осуществлялись сбор, обработка и интерпретация полученных эмпирических данных. Исследование проводилось на базе Курганского государственного университета, средних общеобразовательных школ, дошкольных образовательных учреждений (г. Курган), а также на базе приходов РПЦ Курганской области. Совокупная выборка составила 358 человек. Выборка 201 человек была представлена родителями, имеющими детей в возрасте до 16 лет.

**Достоверность данных,** полученных в работе, обеспечивалась всесторонним анализом проблемы, опирающимся на обоснованную теоретико-методологическую базу исследования; использованием комплекса методов, адекватных предмету, цели и задачам исследования; репрезентативностью выборки и статистически значимым характером полученных результатов; корректным применением методов математической обработки и анализа данных; использованием компьютерных статистических программных пакетов.

**Научная новизна исследования** заключается в том, что эмпирически исследованы ряд параметров социального взаимодействия в семье в связи с религиозностью личности родителей. Впервые эмпирически выявлены некоторые опосредующие параметры, объясняющие взаимосвязь религиозности личности родителей и частоты наказаний детей. Религиозность личности расширяет набор копинг - стратегий и способствует субъективному благополучию. Субъективное благополучие оптимизирует удовлетворенность семейной жизнью, сочетается с низкими показателями эмоционального стресса и низкой частотой наказаний детей. Выявлены устойчивые связи религиозности личности с другими личностными качествами. Впервые показана взаимосвязь религиозности личности и рефлексивности. Религиозность личности связана с социальным взаимодействием как элемент структуры личностных качеств. Выявленная структура не была ранее описана в психологической литературе. Взаимосвязь

религиозности личности и социального взаимодействия проясняется через систему взаимосвязей личностных качеств, в которой религиозность личности занимает базовое положение. Адаптирован и психометрически обоснован комплекс диагностики религиозности личности. Впервые переведены на русский язык, психометрически проверены и использованы в исследовательских целях шкала субъективного благополучия в религиозной сфере (Paloutzian, Ellison) [211]; шкала копинга, основанного на религиозности (Pargament, Ensing, Falgout, Olsen, Reilly, Van Haitzma, Warren) [211]; шкала измерения общей религиозности личности (DeJong, Faulkner, Warland) [211].

**Теоретическая значимость** работы определяется тем, что религиозность личности представлена как сложный феномен, включенный в систему психической организации индивида. Рассмотрены параметры, опосредующие это взаимодействие. В работе осуществлен переход с философского на эмпирический уровень анализа. Теоретические положения наполнены эмпирическим содержанием и верифицированы. В работе научно обоснованы и впервые эмпирически доказаны взаимосвязи параметров религиозности личности родителей и социального взаимодействия в семье, показано качественное своеобразие этих взаимосвязей. Расширено теоретическое представление о взаимосвязях качеств личности родителей и социального взаимодействия в семье на примере такого параметра, как религиозность личности.

**Практическая значимость.** Результаты, полученные в исследовании, имеют практическое значение для системы семейного воспитания и системы образования. Исследование позволяет расширить набор копинг-стратегий, направленных на снижение семейного стресса и повышение субъективного благополучия в семейной сфере. Комплекс методик, адаптированных и психометрически обоснованных в исследовании, позволяет диагностировать параметры религиозности в практических целях, например для измерения религиозности в какой-либо группе населения, прослеживания динамики изменения религиозности личности. Результаты исследования могут быть использованы в психолого-педагогическом сопровождении семьи и семейном

консультировании. Результаты используются при чтении курсов социальной психологии и психологии религии в университетских программах психологической подготовки.

### **Положения, выносимые на защиту**

1 Религиозность личности родителей связана с такими параметрами социального взаимодействия в семье, как практики наказания и частота их применения по отношению к детям. Родители с более высокими показателями по шкале религиозности реже наказывают своих детей, в том числе физически.

2 Религиозность расширяет спектр копинговых стратегий, увеличивая показатели субъективного благополучия личности. Субъективное благополучие, взаимосвязанное с показателями эмоционального стресса и удовлетворенности семейной жизнью, сочетается со снижением частоты наказаний, применяемых к детям.

3 Эмпирическим путем выявлены типы испытуемых по параметрам религиозности личности, субъективного благополучия и частоты применения наказаний к детям. Первый тип характеризуется высокой религиозностью личности, высоким субъективным благополучием, высокой удовлетворенностью семейной жизнью и низкой частотой наказаний, применяемых к детям. Второй тип характеризуется низкой религиозностью, низким субъективным благополучием, низкой удовлетворенностью семейной жизнью, тенденцией к эмоциональному стрессу и высокой частотой наказаний детей.

4 Религиозность личности входит как компонент в структуру личностных качеств и занимает в ней базовое положение. Взаимосвязи с социальным взаимодействием обусловлены совокупностью личностных качеств. Религиозные испытуемые более рефлексивны, экстернальны, коммуникабельны. Они обладают более высоким уровнем социализации и самоконтроля. Совокупность качеств, характерная для личности с высоким показателем религиозности, способствует толерантному, неагрессивному, ответственному социальному взаимодействию.

**Соответствие диссертации паспорту научной специальности.** Отраженные в диссертации научные положения соответствуют формуле специальности 19.00.05

«Социальная психология», содержанием которой является изучение закономерностей поведения и деятельности людей, обусловленных фактом включения людей в социальные группы; изучение психологических характеристик социальных групп и социальных движений; анализ социально-психологических проблем в различных сферах общественной жизни; социально-психологический анализ жизненных ситуаций. Содержание работы соответствует п.4 «Личностные и ситуативные детерминанты социального поведения» паспорта специальности 19.00.05 «Социальная психология».

**Апробация работы.** Основные положения диссертационного исследования обсуждались на II Национальной научно-практической конференции (Москва, Федерация психологов образования России, 2005); Всероссийской научной конференции «Психологическая теория и практика в изменяющейся России» (Челябинск, 2006); Всероссийской научной конференции «Современная психодиагностика в изменяющейся России» (Челябинск, 2008); ежегодных конференциях молодых ученых (Курган, 2008, 2009); X Региональной научно-практической конференции «Психология сегодня» (Екатеринбург, 2008); IV Международной научной конференции «Философия ценностей: религия, право, мораль в современной России» (Курган, 2008); XI Международной научно-практической конференции молодых ученых «Психология XXI века» (Санкт-Петербург, 2008); III Международной научной конференции молодых ученых «Психология - наука будущего» (Москва, ИП РАН, 2009); V Всероссийской научно-практической конференции «Психология образования: психологическое обеспечение "новой школы"» (Москва, Федерация психологов образования России, 2010); II Всероссийской научной конференции «Современная психодиагностика в период инноваций» (Челябинск, 2010); VI Всероссийской научно-практической конференции «Психология образования: социокультурный ресурс Национальной образовательной инициативы "Наша новая школа"» (Москва, Федерация психологов образования России, 2010); V съезде Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество» (Москва, 2012); Региональном конкурсе на лучшую научную работу

среди аспирантов и молодых ученых (Курган, 2012). VI Европейском конгрессе по семейной психологии (Лиллихаммер, 2013), Всероссийской молодежной научной психологической конференции «Много голосов – один мир» (Ярославль, 2013); Международном конгрессе Интернациональной ассоциации психологов религии (Лозанна, 2013).

На основании результатов анализа эмпирических данных разработан и проведен курс «Психология религии» для студентов-психологов Курганского государственного университета. За результаты научных исследований получена стипендия Правительства Российской Федерации.

По теме диссертационного исследования опубликовано 20 работ, из них 2 – за рубежом, 3 – в изданиях, рекомендованных ВАК.

#### **Структура и объем диссертационного исследования**

Диссертация состоит из введения, трех глав, выводов, заключения, списка литературы и приложений. Основное содержание работы изложено на 158 страницах, содержит 27 таблиц и 5 рисунков. Список литературы включает 229 наименований, из них 31 на иностранных языках.

# ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ ЛИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

## 1.1 Религиозность личности в различных психологических подходах

Религиозность как социальный феномен и религиозность личности является предметом изучения философии, теологии, психологии и других дисциплин. В психологии проблематика религиозности личности рассматривается в контексте социальной психологии, общей психологии, психологии развития, психологии религии и ряда других отраслей психологической науки. Религиозность рассматривали многие философы, в их числе Д. Юм, И. Кант, В. Гегель, С.Кьеркегор и др. Несмотря на разницу подходов к религиозности и трактовок веры, в философии выработались некоторые общие положения, отраженные в определении религии. Философский словарь дает следующее определение религии. «Религия – это мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение и специфические действия (культ), которые основываются на вере в существование (одного или нескольких) богов, «священного», т.е. той или иной разновидности сверхъестественного» [159, с.576]. Религия на уровне конкретного человека проявляется в виде религиозности личности. Понятие религии и религиозности личности тесно взаимосвязаны. Религиозность личности возникает как результат интериоризации постулатов религии в процессе социализации. Философский анализ проблемы религии послужил основанием для разработки соответствующей тематики в психологических исследованиях.

В концепциях психологов нет единого мнения в отношении природы религиозности человека. У. Джеймс, А. Маслоу, В. Франкл, Б.С. Братусь, С. Гроф в своих исследованиях находят подтверждения трансцендентной сущности религиозности человека. Отмечается психотерапевтический, самоактуализационный, смыслообразующий, творческий потенциал

религиозности. В то же время в концепциях З. Фрейда, К.Г. Юнга, Э. Фромма, Д.М. Угриновича рассматриваются в основном психологические и социально-психологические детерминанты формирования религиозности человека. Выделяются инстинктивный, невротический, психотерапевтический, нравственный и ценностно-ориентационный аспекты религиозности. На формирование религиозности и личностных особенностей верующего влияет религиозное воспитание в семье, осознанность прихода к вере, продолжительность включения в вероучение (формирование установок, стереотипов религиозного сознания и поведения), интенсивность религиозной мотивации (Д.М. Угринович и др.).

Психологические исследования религиозности личности намечены трудами многих крупных зарубежных и отечественных психологов. Существенный вклад в понимание психологической природы религиозности личности внес У. Джеймс, в чьих трудах психология религии зарождалась как научное направление[47]. Психология религии У. Джеймса отражает и преломляет его философские воззрения. Обосновывая идею прагматического критерия истинности, ученый утверждал истинность религии исходя из ее полезности. Отправной точкой анализа явлений для него был непосредственный чувственный опыт индивида. Выраженный эмпиризм У. Джеймса приводит его к идее, что все религиозные системы берут свое начало из опыта конкретных людей. Согласно У. Джеймсу, религия в своих истоках базируется на непосредственном чувственном опыте и лишь затем превращается в систему теологических и философских идей. Анализируя те или иные стороны религии, У. Джеймс опирается на личный опыт известных людей его времени. Метод, используемый У. Джеймсом, послужил основой для критики его взглядов со стороны представителей номотетических подходов в психологии. Однако в настоящее время, когда идеографические методы возвращаются в психологию, работы этого ученого вновь приобретают актуальность. Метод У. Джеймса в области психологии религии уязвим не только с этих позиций, но и в том случае, если принять естественные ограничения идеографического подхода. Даже с учетом сказанного было необходимо

дополнить анализ не только опытом выдающихся людей. Эта работа была проделана последователями У. Джеймса, которые подтвердили его основные выводы с опорой на непосредственный опыт более широкого и репрезентативного круга людей. Система взглядов У. Джеймса остается актуальной и востребованной для психологии религии. Сохраняют актуальность выделенные ученым характерные черты религиозного сознания, его представления о влиянии религии на личность человека в кризисные периоды развития и о соотношении религиозного опыта в психической патологии. У. Джеймс выделял религию как учреждение и религию как личное переживание, и именно этот второй аспект он определил как предмет исследования психологии религии. Религия по определению У. Джеймса, – это чувство, действие и опыт отдельной личности, а также ее отношение к тому, что она почитает в качестве божества. Он раскрыл особенности религиозного сознания, значение религиозности для развития личности, ее психического здоровья, подчеркивая, что существенным его компонентом является воля. У. Джеймс заложил основы научной психологии религии, которая не имеет конфессиональной принадлежности. Эта традиция развивалась в дальнейшем в трудах многих психологов и была в концентрированном виде выражена Т. Флурнуа, который сформулировал принципы психологии религии [177]. В своем анализе Т. Флурнуа опирался на те работы по психологии религии, которые с его точки зрения отвечают критериям научности. Эти критерии Т. Флурнуа сформулировал следующим образом. Во-первых, стремление выйти за рамки отдельных фактов и выявить законы или по крайней мере классифицировать факты. Второй критерий научности предполагает рассмотрение не только внешних проявлений религии, но и ее отражение в сознании субъекта. Третий критерий состоит в том, чтобы придерживаться установленных фактов, избегая наставлений или предвзятой защиты определенных богословских позиций. Как показал Т. Флурнуа в начале двадцатого века, число работ, отвечающих этим критериям в психологии религии относительно невелико. В формулировке принципов ученый опирается именно на них. Одним из принципов, сформулированных Т. Флурнуа, является принцип



биологического объяснения религиозных феноменов. Это не только определение психофизиологических основ психологических явлений, но и изучение феноменов психологии религии в их развитии, в сравнении их функционирования в норме и патологии, в динамике сознательного и бессознательного, в их отношении к другим психическим функциям. Таким образом, Т. Флурнуа заложил основы психологии религии как дисциплины генетической и сравнительной. Второй общий принцип, сформулированный Т.Флурнуа, - это принцип исключения трансцендентности. Согласно этому принципу, психология религии не должна вторгаться в теологические вопросы, отстаивая позиции той или иной религиозной или антирелигиозной доктрины. Ее задача - накопление психологических фактов и установление психологических законов. В нашем исследовании мы разделяем принципы, сформулированные ученым, которые не утратили своей актуальности в настоящее время.

Принципы Т.Флурнуа, в особенности принцип исключения трансцендентного, получили широкое распространение в современной психологии религии. Так, А.Вергот развивает этот принцип в положении о методологическом нейтралитете психологии религии. Согласно этому положению психология религии не может брать на себя ответственность за утверждение или отрицание реальности божественного и должна оставаться в позиции внешнего наблюдателя в отношении религиозных интенций и убеждений испытуемого. Психология религии не способна доказать или опровергнуть собственно религиозные истины. Как утверждает А. Вергот, выражения «Бог существует» или «Иисус воскрес» и другие, взятые в их религиозном значении, лишены для психологии смысла. [228]. Психологический смысл обретается, когда данные выражения становятся убеждениями конкретного человека, влияют на его эмоции, поведение. Религиозное и психическое, согласно А. Верготу, находятся в реципрокных отношениях. Психические процессы, явления, контактируя с религиозными символами, побуждают человека к их интерпретации, их принятию или отвержению. Этот процесс взаимодействия носит селективный и вариативный

характер. Человек активен в этом взаимодействии. С другой стороны, религиозные символы «отпечатываются» в психическом, влияют на него.

Еще одним положением принципа методологического нейтралитета является недопущение в интерпретационные схемы психологии понятия сверхъестественного. Конечно, психология должна учитывать, что верующие люди прибегают к категории сверхъестественного в своих интерпретациях реальности. Это такой же психологический феномен как и все прочие, нуждающийся в изучении. Однако эти утверждения не должны входить в категориальный аппарат самой психологии. Религиозные истины не могут быть ни верифицированы, ни опровергнуты эмпирической психологией. Можно сказать, что А. Вергот видит в трудности соблюдения принципа методологического нейтралитета в психологии религии одно из существенных препятствий для ее развития. Как справедливо отмечает А. Вергот, принцип нейтралитета сложнее соблюдать в психологии, чем в естественных науках, и еще сложнее в психологии личности, в особенности там, где касаются религиозности личности. В частности поэтому А. Вергот считает, что психология религии слабо представлена в структуре научных психологических конгрессов.

Психоаналитический подход к религиозности реализован в работах З.Фрейда, К.Г. Юнга, Э. Фромма и др. З. Фрейд квалифицировал религиозные учения как иллюзии, а религиозность личности связывал с отцовским комплексом.[161; 162]. Возникновение религии, согласно мнению З. Фрейда, связано с табу, запрещающим убивать тотемное животное, которое являлось идеализированной заменой отца. В процессе эволюции животное-тотем заменяется Богом. З. Фрейд считает, что в основе формирования религиозного мировоззрения лежит фактор человеческой беспомощности перед силами природы и внутренними инстинктами. Он полагал, что в будущем религия уступит свое место науке, а функции религии на уровне личности будут компенсированы в результате личностного роста. Позиция З. Фрейда следующая: религия как таковая приводит к тому, что человек не несет в полной мере ответственность за свое развитие, за улучшение собственной жизни, надеясь на помощь высших сил. К.Г. Юнг

придерживался иных взглядов по рассматриваемому вопросу. Разрабатывая концепцию коллективного бессознательного, присутствующего в психике каждого человека, он причислил религиозные символы и образы к важнейшим архетипам. В своих работах, К.Г. Юнг говорил о том, что религиозность личности способствует психическому здоровью и осмысленности жизни [194]. Под религиозным опытом он понимает подчинение человека высшим силам, сводя религию к психологическому феномену. Он видит функцию верований и церемоний в том, чтобы служить защитой от тех опасностей, которые таятся в бессознательном. Соотнося религию и науку, он не противопоставляет их друг другу. Человеческой психикой, которая по природе своей иррациональна, легче воспринимаются образные формы. Любая научная теория носит абстрактный характер, религиозные же догматы посредством образа выражают нечто иррациональное. По мнению К.Г. Юнга, религиозный догмат – это спонтанная и автономная деятельность объективной психики. Этот догмат эмоционально окрашен и остается неизменным веками. По этим причинам он является более эффективным средством психологической защиты нежели сменяющие друг друга и не учитывающие эмоциональный фактор научные теории. Идею божественного ученый рассматривает через архетипические образы. Главные символические фигуры любой религии выражают моральную и интеллектуальную установку. Сама же религия есть система отношений к сильнейшим по воздействию ценностям. Религия как таковая несет в себе значительную энергию, которой наделены божественные силы. Если человек отказывается от веры, по мнению К.Г. Юнга, то эта энергия должна найти некое иное выражение. В противном случае возможна диссоциация личности [195]. Общие представления в психоанализе в отношении религиозной веры сводятся к подчеркиванию бессознательного, отведении ему существенной роли в развитии религиозности личности. К.Г. Юнг полагал, что религиозность личности, являясь психологическим феноменом, достойна изучения вне зависимости от вопроса об истинности или ложности религиозной веры [194; 195].

Развивая в методологическом плане идеи К.Г. Юнга, В.А. Мазиллов утверждает объективное существование психического и то, что психическое имеет собственную логику развития [94]. Исходя из этого методологического положения перед исследователями встают важные вопросы о том, какова внутренняя логика развития личности, приводящая к появлению такого качества, как религиозность. Наше исследование направляет данную проблему в социально-психологическое русло, в сторону решения вопроса о том, как религиозность личности влияет на социальное взаимодействие. При этом несколько изменяется ракурс исследования по сравнению с тем, когда изучается, каким образом социально-психологические системы и институты, например семья, влияют на становление религиозности личности ребенка. Исследование того, каким образом религиозность личности родителей влияет на социальное взаимодействие в семье, задает дополнительный социально-психологический вектор, необходимый для всестороннего изучения проблемы взаимосвязи религиозности личности и социального взаимодействия в семье.

Э.Фромм дает широкое определение религии, понимая ее как любую систему взглядов, являющуюся для индивида основой осмысленного существования и объектом для преданного служения [165]. Тем самым Э. Фромм предполагает вывести религию за пределы ее конфессиональных форм и представить ее в качестве общечеловеческого феномена, свойства любой культуры [164]. Религиозность в таком понимании внутренне присуща личности, отвечая потребности в системе ориентации и служении. Ученый развивает понятие религиозности личности, выделяя типы религиозного опыта, и вводит психологические критерии в классификацию религиозных систем, разделяя их на авторитарные и гуманистические. Э. Фромм выделяет такие аспекты религии, как ритуал, переживание, научно-магический и семантический аспекты [165; 163]. Психологический, личностный компонент включается в любую религиозную систему как переживание.

В контексте социальной психологии понимает религиозность С. Московичи. Он рассматривает не только влияние социума на становление религиозности личности,

но и влияние религиозности на социально-психологические процессы. С. Московичи констатирует, что религиозность может служить источником психической энергии не только индивида, но и группы, толпы. Религиозность может катализировать механизмы заражаемости и подражания [97].

Традиция исследования религиозности личности в отечественной психологии прослеживается в трудах многих известных психологов. Серьезный анализ психоаналитического подхода к религиозности личности осуществлен в работах М.А. Поповой [126]. Религиозность личности определяется К.К. Платоновым с опорой на категории эмоций и чувств. Он характеризует ее как особое чувство, которое сопровождается иллюзией познания и восприятием продукта этого познания как реального [124]. В своем подходе Д.Н. Угринович анализирует религию и религиозность с марксистских позиций [154]. По его мнению, истоки религиозности лежат в сфере социальных отношений. Поэтому он подчеркивает важность и первостепенность социально-психологического анализа для понимания сущности религии и становления религиозности личности. Кроме этого, как подчеркивает Д.Н. Угринович, необходимо исследовать социально-психологические особенности сформированной религиозной личности, ее мотивы, ценности, особенности сознания и поведения. Он высказывает предположение о наличии различных типов верующих в зависимости от их социально-психологических особенностей и ценностей, а также различных типов семей в зависимости от религиозности ее членов. По этому критерию автор выделяет полностью религиозные семьи, частично религиозные, полностью нерелигиозные семьи. Констатируя первостепенное значение социальной психологии для понимания феномена религиозности личности, Д.Н. Угринович подчеркивает значимость микросреды в процессе ее становления. Как и ряд других авторов, Д.Н. Угринович акцентирует внимание на значении семьи в генезисе религиозности личности. Именно в семье закладываются социальные и мировоззренческие ориентации человека. Важную роль при этом играют детско-родительские отношения. Например, религиозная семья создает социально-психологические предпосылки, обуславливающие развитие религиозности

личности ребенка. Они еще более интенсивно влияют на развитие религиозности личности ребенка в том случае, если она воспитывается сознательно. В своем подходе автор связывает социально-психологические условия формирования религиозности личности с этапами формирования личности ребенка в онтогенезе. Д.Н. Угринович, будучи последовательным в своих взглядах, приходит к выводу о необходимости формирования научного мировоззрения личности, которое противопоставляется религиозному.

Б.С. Братусь наряду с понятием религиозности личности использует понятие веры. В его работах раскрывается диалектика связи религиозной и нерелигиозной веры, специфика различных форм веры при невротическом развитии личности. Автор раскрывает социально-психологические и общепсихологические основы таких явлений как религиозный фанатизм, суеверия.

Совместно с Н.В. Ининой, Б.С. Братусь разработал классификацию форм веры. Религиозные явления рассмотрены в системе координат параметров активности и осознанности. Четыре квадранта системы координат позволяют классифицировать психологическое пространство веры и включить в него такие явления, как предрассудки, суеверия, пиковые переживания, фанатизм и другие [32]. Вера рассмотрена ученым как общепсихологический феномен, связанный со смыслообразованием. Религиозная вера предстает как частный случай веры. Таким образом, религиозность включена Б.С. Братусем в категориальный аппарат общей и социальной психологии. Сопоставляя категории переживания, молитвы и деятельности, Ф.Е. Василюк включает религиозность личности в контекст общей психологии [36].

В психологической литературе наряду с понятием религиозности часто используется понятие духовности. Это понятие сравнительно недавно стало входить в категориальный строй психологической науки, однако используется в последнее время все более активно. В рамках психологии осуществляются исследования психологической структуры духовности и ее генезиса, основных психологических особенностей духовности личности. Анализ духовности в контексте психологического знания осуществляют В.М. Аллахвердов,

Ф.Е.Васильюк, А. Н. Ждан, В.В. Семикин, В.И. Слободчиков [6; 7; 36; 55; 139; 142]. Необходимо рассмотреть соотношение этих понятий, поскольку духовность часто связывают с религиозной направленностью личности. В социально-психологических исследованиях предпринимаются попытки приложения собственно психологической методологии к изучению духовности как характеристики личности с опорой на эмпирические данные. Духовность исследуется и на теоретическом уровне. Психологические направления изучения духовности классифицировал В.В. Знаков [62]. В изучении духовности Он выделяет собственно психологический, философско-психологический, культурологический и религиозный аспекты. С религиозностью личности непосредственным образом связан именно религиозный аспект духовной жизни. Духовность и религиозность в контексте христианской психологии рассматривает Б.С. Братусь и В.И. Слободчиков. Рассматривая психологические аспекты духовности и выделяя понятие духовного интеллекта, Г.В. Ожиганова разделяет понятие духовности и религиозности личности, хотя и отмечает их тесную связь. Некоторые духовные способности связаны с религиозностью, а некоторые нет. Это, например, эстетические духовные способности. Г.В. Ожиганова отмечает также связь духовного интеллекта и духовного опыта с развитием личности, ее психологическим благополучием и здоровьем. Духовный интеллект влияет на социальное поведение [110]. Таким образом, в практике психологических исследований духовности ее религиозный аспект является только частью предмета исследования. Духовная жизнь с этих позиций имеет и иные источники помимо религиозности личности. Например, одним из таких источников является приобщение к культурным ценностям, творческая активность. С теологических, богословских позиций религиозность личности и духовность также не являются тождественными понятиями. Истинная религиозность предполагает духовную жизнь как необходимое условие, но не отождествляется с ней целиком. Таким образом, понятия религиозности личности и духовности являются тесно связанными и пересекающимися, но не тождественными. В рамках нашего

исследования мы используем понятие религиозности личности как наиболее традиционное для социальной психологии религии.

В подходе В.Д. Шадрикова религиозность рассматривается как одна из форм духовности [182]. В свою очередь духовность является выражением человечности, ведущей действующей силой в ее становлении. Анализируя истоки духовности и развитие религии, В.Д. Шадриков приходит к выводу об их тесной связи. С его точки зрения духовность является скорее атрибутом не веры, а морали. Однако общественная мораль и религия возникают одновременно. В.Д. Шадриков отмечает, что древние формы религии по объему совпадают с моралью. Религия не единственный источник духовности, духовность может порождаться любовью. Именно любовь, с точки зрения В.Д.Шадрикова, отрывает духовность от религии. Ученый рассматривает религиозность всесторонне, системно. Он не ограничивается в своем анализе только выявлением связей между духовностью и религиозностью. Тем не менее религия и ее взаимодействие с духовностью рассматривается им достаточно всесторонне. Более того, В.Д. Шадриков констатирует, что религия усиливает духовность человека. Выделяя светскую духовность и духовность веры, он отмечает, что они связаны между собой. Динамика взаимодействия этих двух форм духовности действует в направлении от их единства к постепенному расхождению. Расхождение этих двух форм в настоящий момент находится в своем начале и светская духовность до сих пор в значительной степени связана с духовностью веры. В периодизации развития человечности можно увидеть значение религии в развитии социума и отдельного человека в перспективе. Второй этап становления человечности характеризуется эволюцией религиозных форм от языческих до четырех основных представленных в современном мире: иудаизм, буддизм, христианство, ислам. Третий и четвертый этапы развития человечности также связаны с религией очень тесно. Третий этап характеризуется быстрым распространением мировых религий и заканчивается периодом просвещения. Четвертый этап, граница которого относится ко второй половине XX века, характеризуется разделением светской духовности и духовности веры. Эти две формы духовности



остаются взаимосвязанными. Предстоит понять роль религии в индивидуализации общества, характерной для пятого этапа развития человечности. Теоретический подход В.Д. Шадрикова, обладающий достаточной широтой, позволил включить религиозность в общий контекст эволюции психики человека, его духовности и человечности. Таким образом, открываются перспективы для эмпирических психологических исследований религиозности личности. Рассматривая роль групповой жизнедеятельности в развитии человечности, В.Д. Шадриков отмечает, что человечность – это атрибут группы. Носителем опыта нравственного поведения в истории развития человека также является группа. Исходя из этих положений ученого, можно сделать вывод о необходимости исследования взаимосвязей религиозности личности и особенностей социального взаимодействия. В частности, является актуальным изучение религиозности личности в контексте семейных отношений.

П. Жане связывает религиозность с уровнями развития действия [54; 129]. Эволюция психической регуляции действий проходит ряд этапов и на определенном этапе регуляция осуществляется на основе веры. Первый уровень действия, называемый П. Жане рефлекторным уровнем, характеризуется автоматическим осуществлением, когда стимул превышает определенный порог. Действия на втором уровне, перцептивные действия, регулируются на основе целостно воспринимаемых объектов. Социально-личностный уровень развития действия на основе имитации позволяет реализовываться сексуальному поведению, а также осуществлять взаимопомощь. На стадии элементарного интеллекта начинает развиваться язык. Этот уровень предполагает появление новых объектов, отличных от природных. На пятом уровне развития появляются действия, порожденные верой. Под верой П. Жане подразумевает принятие некоторой реальности на основе внутренней убежденности. Эта убежденность может возникать без участия логики и не может быть устранена при помощи логики. Процессы, обеспечивающие регуляцию на данном уровне, лежат в основе религиозной веры. Дальнейший шаг в эволюции регуляторной основы действий приводит к появлению регуляции на основе логики. Эти действия П. Жане

называет действиями на основе рассуждения. Следующий уровень, уровень экспериментальных действий, предполагает использование и анализ прошлого опыта для коррекции последующих действий. Наконец, восьмой уровень развития действия предполагает учет случайности, вероятностное прогнозирование. Итак, вера вообще, и религиозная вера в частности, появляется как определенная ступень в эволюционном развитии психики. Каждая такая ступень предполагает более высокий уровень равновесия между действием и ситуацией. Внутренняя убежденность, о которой говорит П.Жане как о некоторой основе религиозной веры, отмечается некоторыми авторами как одно из свойств сознания [70].

Исследование М.А. Абрамовой посвящено анализу религиозности в системе мотивации поведения. Автор рассматривает религиозность как мотив поведения в различных сферах жизнедеятельности, в частности в семейной жизни. Как отмечает исследователь, религиозная мотивация может присутствовать у людей, не относящих себя к числу религиозных или даже имеющих некоторые антирелигиозные убеждения. По мнению автора, религиозная мотивация у таких людей проявляется в кризисных социальных ситуациях. Религиозность в этом случае становится основной движущей силой поведения. Автор отмечает динамику этических взглядов индивида на протяжении всего жизненного пути. Значительное влияние на эти изменения оказывают внутрисемейные отношения. Именно семья играет значимую роль в формировании религиозной направленности восприятия индивида. В то же время существует и обратная связь, проявляющаяся во влиянии ценностных установок индивида на взаимодействие в семье [2].

В своем исследовании Т.А. Казанцева рассматривает различные структурные модели веры и механизмы ее формирования. Непосредственно веру автор понимает как «систему когнитивных, ценностных, мотивационных, установочных и аффективных элементов, позволяющую производить фильтрацию и принятие информационного содержания вне рациональной аргументации» [63, с.8]. Автор рассматривает феномен веры как совокупность ценностных ориентаций, психологических установок, мотивационной и познавательной сфер личности.

Существенную роль в формировании веры Т.А. Казанцева отводит суггестии. Однако она подчеркивает, что внушение как механизм оказывает еще большее влияние на личность тогда, когда основные этапы формирования веры уже пройдены. В структуре веры автор выделяет ее особый компонент – верование, в основе которого лежит некритичное, логически не обоснованное принятие неких религиозных убеждений. Исследователь подчеркивает, что вера является социально-психологическим феноменом, который служит связующим звеном между личностью и социальной группой. Основные положения религиозного мировоззрения интериоризуются личностью. Удовлетворенность ментальных потребностей является основным критерием формирования веры. Внушение также представляет собой компонент формирования веры, но зависит от психологических особенностей личности и ситуативных факторов.

Особенности преодоления верующими людьми трудных жизненных ситуаций исследовал Ю.П. Тобалов. Выборка исследования, проведенного ученым, была представлена двумя группами верующих (православные и мусульмане) и группой атеистов. Он подчеркивает важность выхода из стрессовых ситуаций с наименьшими психологическими затратами и рассматривает религиозность личности как копинговый механизм. Как отмечает Ю.П. Тобалов, религиозно-ориентированные люди субъективно иначе относят определенные жизненные ситуации к категории трудных. Среди стратегий, используемых православными людьми, основными являются поиск социальной поддержки и самоконтроль. Несколько реже используется стратегия противостояния.

Существуют три подхода к пониманию причин становления религиозности личности. К макросоциальному подходу он относит влияние системы этических норм, присущих обществу, в котором живет человек, традиции и обычаи этого общества. К макросоциальному подходу относится и подход В.Райха, который говорил о сдерживании сексуальной энергии человека государственными институтами, и отчасти подход Д. Угриновича, который подчеркивал искусственное замещение реальности иллюзиями. К микросоциальному подходу Ю.П. Тобалов относит подход З. Фрейда, в котором религиозность связывается с

Эдиповым комплексом, а также подход Д. Ольшанского, который подчеркивал влияние внушения на формирование религиозности личности. К индивидуальному подходу относятся подходы В. Франкла, который связывал религиозность с поиском смысла жизни и Э. Фромма, который говорил о религиозных инстинктах и потребностях. Отдельное внимание Ю.П. Тобалов уделяет психотерапевтической функции религии, о которой уже говорили такие ученые, как У. Джемс, К.Г. Юнг, отмечавшие, что молитва оказывает на людей психотерапевтический эффект. По результатам исследования Ю.П. Тобалова молитва является отличительной чертой религиозности как копингового механизма. Однако механизм ее воздействия однозначно не определен и различными учеными рассматривается по-разному. Согласно исследованию Ю.П. Тобалова, основным мотивом обращения к православной религиозной вере является потребность обрести поддержку, гармонию, покой, раскаяться в грехах, тем самым обрести спасение [151].

В своем диссертационном исследовании Ю.И. Щербакова рассматривает влияние религиозной идентичности на толерантность в межличностных взаимоотношениях [187]. Если говорить о православной конфессии, то она во многом способствует развитию толерантности, формируя стратегии терпимости в поведении человека. Идентификация с социальными группами, в частности религиозными, представляет собой значимый фактор формирования толерантности в межличностных взаимоотношениях [145; 185].

Толерантность в межличностных отношениях изучали Т. Адорно, Г. Олпорт и др. [8; 111]. Изучая толерантность в межличностных отношениях, Ю.И. Щербакова отмечает, что ее основным фактором является религиозная идентичность личности [187]. В религиозную идентичность личности она включает следующие компоненты: религиозную самоидентификацию, религиозное мировоззрение, религиозную мотивацию, религиозное поведение, религиозные чувства. Все эти компоненты оказывают влияние на толерантность в межличностных отношениях. Характер взаимосвязи религиозной идентичности личности и толерантности в межличностных отношениях определяется

выраженностью ее компонентов (уровнем религиозной идентичности). Православная традиция, как подчеркивает Ю.И. Щербакова, способствует формированию терпимости в поведении.

Субъективное благополучие как системообразующий фактор толерантности выделяла Н.К. Бахарева [24; 25]. Понятие «толерантность» включает в себя устойчивость и выносливость личности, способность к принятию, терпению, терпимости к поведению других людей, к стрессам. Субъективно благополучный человек проявляет доброжелательность и терпимость по отношению к другим людям. Субъективное благополучие рассматривается как интегральное психологическое основание толерантности. Толерантность, в свою очередь, понимается как многомерное личностное образование, связанное с субъективным благополучием как с его системообразующим фактором. В работах А.Г. Асмолова толерантность представляет собой стремление к взаимодействию в атмосфере терпимости и взаимопонимания. По его мнению, толерантность связана со свободой выбора и принятием права человека проживать свою жизнь так, как он считает нужным, если это не затрагивает интересов других людей [17]. Признаками субъективного благополучия являются следующие параметры:

- 1 Существование внутри индивидуального опыта.
- 2 Не только отсутствие негативных факторов, но и наличие позитивных показателей.
- 3 Глобальная оценка всех аспектов жизни личности в период от нескольких недель до десятков лет.

Эти признаки раскрыты в работах Э. Эриксона, Г. Олпорта, Т. Скрипкиной [191; 192; 111; 141]. Субъективное благополучие отражает отношение личности к возможности удовлетворения потребностей и ее способность приспосабливаться к внешним изменениям и самому себе [130; 85; 134; 183]. Субъективное благополучие инертно и является психологической предпосылкой личностной толерантности [4]. Структурно субъективное благополучие включает в себя когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Влияние субъективного благополучия на толерантность личности отмечается в

исследованиях К.А. Абульхановой-Славской, И.А. Джидарьян, А. Кэмпбелла, К. Муздыбаева, В. Франкла [3; 48; 81; 99; 160].

В своих работах Б.М. Куценок отмечает, что человек, обращаясь к религии, как правило, руководствуется своими эмоциями, а не разумом [82]. В. Вундт относил эти эмоции, называя их религиозным чувством, к разряду интеллектуальных чувств. Считая психотерапевтический эффект религиозности иллюзорным, Б.М. Куценок придерживается мнения о разделении эмоций и разума. Также он отмечает наличие большого количества дискуссий, затрагивающих тему эмоционального стресса. Понимая под стрессом адаптацию человека к изменяющимся условиям, он считает, что нужна борьба не с самим стрессом, а со стрессовым истощением. В истории существуют противоречивые данные по влиянию религиозности личности на стресс. Во многом это обусловлено влиянием идеологии. Так, к примеру, в 70-80 е годы было принято считать, что религиозность личности не только не способствует преодолению стресса, но, напротив, еще больше усиливает его. В следующее десятилетие ситуация изменилась. Религия стала испытывать меньше идеологического давления, возросло количество религиозно ориентированных людей. Стала признаваться некая польза религии, в частности ее положительное влияние на снижение эмоционального стресса. Учитывая влияние времени, а также обращение к религии людей с разными типами психических состояний Б.М.Куценок говорит о том, что религиозные устремления человека не избавляют его от стрессовых состояний, а возможно, и усиливают их, приводя к религиозному фанатизму [82].

Социально-психологическую функцию религии раскрывает Э. Фромм [163; 165]. Эта функция заключается в том, чтобы предотвращать психологическую независимость людей, морально подчинять народ власти. Необходимо, чтобы в массах не возникало недовольства, чтобы народ не хотел изменить свои позиции. Таким образом, другой важной функцией религии Э. Фромм видит формирование у людей удовлетворенности собственным положением, принятие жизни такой, какая она есть. Реальность продуцирует множество фрустраций, а религия

помогает справиться с ними. Согласно Э. Фромму, религия для всего человечества – это своего рода утешение за лишения судьбы.

Некоторые авторы рассматривают обращение личности к религии, религиозность личности как копинговый механизм. С.Мк. Фадден отмечает, что религия обеспечивает эмоциональную разрядку, способствует преодолению отрицательных переживаний, дает эмоциональное успокоение, актуализирует эмоцию радости [215]. Автор отмечает, что верующие люди вовлечены в поиск своего спасения, обращаются к Богу с благодарственной молитвой и, соответственно, не могут оставаться безэмоциональными. Она отмечает, что люди постоянно привносят эмоции в свою общественную и религиозную активность. Эмоциональный фактор способствует центростремительным тенденциям в динамике религиозных групп, причем большинство чувств, которые испытывают верующие, участвуя в религиозных группах, позитивны по своему характеру. Негативные эмоции, такие как страх, вина, тревога,отреагируются в религиозных группах, что повышает привлекательность этих групп для их членов. С.Мк. Фадден солидаризируясь с теорией Д. Эдвардса, считает любовь главным чувством в религиозном контексте. Автор констатирует благоприятное влияние социальной поддержки, получаемой верующими в религиозных группах, на психологическое состояние человека.

Как считают Р. Худ и Б. Спилка, религия может являться особенно важным человеческим ресурсом для совладания с кризисными ситуациями. Они задавались вопросом о том, что дает человеку религия и как она действует, когда человек обращается к ней в тяжелых жизненных ситуациях. Копинговый механизм носит динамичный характер. Первый этап этого процесса представляет собой оценку человеком сложившейся ситуации. Когда происходит некое событие, он задается вопросом о том, какое значение это имеет непосредственно для него, иными словами, позитивно или негативно оно влияет на текущую жизненную ситуацию? Если происходящие события носят стрессогенный характер и негативно сказываются на психологическом состоянии человека, он ищет пути совладания с ними. Негативные события могут рассматриваться как

утрата, угроза или же вызов. Верующий человек может видеть в сложившейся ситуации урок Бога или наказание за несправедное поведение. Непосредственное решение проблемы представляет собой второй этап копингового процесса. Для этого религиозно ориентированный человек склонен совершать определенные действия, поступки, помогающие, с его точки зрения, в преодолении трудной жизненной ситуации. Примером такого поведения может служить молитва. Помимо активности, направленной непосредственно на решение проблемы, человеку необходимо справиться с негативными эмоциями, которые у него возникают в связи со сложившейся ситуацией. Существует две стратегии решения проблем: избегание или же целенаправленное ее решение. Религиозная активность традиционно рассматривается как позитивный механизм борьбы со стрессом, хотя некоторые психологи видят в ней лишь способ контролировать эмоции. Другие же рассматривают религиозность как эффективный копинговый механизм и считают, что религиозная вера может являться чуть ли не единственным способом пережить серьезную трагедию, к примеру такую как смерть близкого человека. Так или иначе религия может выполнять функцию совладания с трудными жизненными ситуациями, в том числе и на эмоциональном уровне [224].

Еще одним направлением исследования религиозности личности является подход, в рамках которого религиозность рассматривается как структура, образованная совокупностью качеств личности, установок, особенностями мировоззрения и поведения. Религиозность в рамках данного подхода операционализируется в индикаторах, доступных наблюдению и измерению с помощью психологических тестов. Первоначально религиозность рассматривалась как одномерная величина. Вскоре Г. Олпорт выдвинул идею различных типов религиозности в зависимости от характера мотивации [200]. С этих позиций религиозность может быть внешней и внутренней. Причем продвижение в данном направлении привело исследователей к выводу, что внешняя и внутренняя религиозности являются не столько двумя полюсами одного континуума, сколько двумя независимыми измерениями. Дальнейшая



эволюция взглядов в рамках этого подхода привела к пониманию религиозности как многополярной величины. Различные авторы выделяют разное количество измерений религиозности. В своих исследованиях мы опираемся на многомерный подход к пониманию структуры религиозности личности, в основе которого лежит модель религиозности Р. Варланд, Г. Деянг, Дж. Фалкнер [203]. Согласно этой модели религиозность представляет собой совокупность показателей по следующим параметрам: религиозная вера, религиозный опыт, религиозное поведение, религиозные моральные принципы, религиозные знания, религиозные социальные нормы.

Многие психологи религии опираются на многомерный подход к религиозности. В настоящее время для выделения параметров религиозности используется факторный анализ, но предпосылки разделения религиозности личности на факторы возникли значительно раньше. Ф. Хугель выделял три элемента в структуре религии:

- 1 Традиционный или исторический элемент, который в значительной степени формируется в детские годы. Также немаловажную роль в становлении этого элемента религии играют чувства и воображение.
- 2 Рациональный, или системный, элемент, который возникает с появлением способности к рефлексии, поиску аргументов и абстрактному мышлению.
- 3 Интуитивный, или волевой, элемент. Данный элемент говорит о внутренней зрелости личности и согласованности внутренних побуждений и поведения [229].

Джемс Пратт разработал четырехкомпонентную модель религиозности, взяв за основу концепцию, предложенную Ф. Хугель. Первые два элемента – традиционный и рациональный – Д. Пратт оставил без изменений. Интуитивный элемент он разделил на мистический и практический (моральный). Как Ф.Хугель, так и Д. Пратт отмечает, что в каждом конкретном случае один из элементов религиозности может быть выражен наиболее ярко и даже находиться в конфликте с другими элементами, при этом сохраняя с ними фундаментальную связь. Еще одним представителем многомерного подхода к религиозности является Ч. Глок. Совместно с Р. Старком при помощи факторного анализа он

выделил в структуре религиозности личности пять гомогенных элементов или измерений:

1 Идеологический (измерение веры).

2 Ритуальный (религиозные практики).

3 Интеллектуальный (религиозные знания, содержание верований).

4 Эмпирический (религиозные чувства, религиозный опыт).

5 Косвенный или последовательный, который отражает эффекты влияния религиозности личности на другие стороны жизни [208]. В исследованиях этих авторов эмпирический и косвенный элементы тесно связаны с мистическим и практическим элементами, которые выделял Д. Пратт. Данные измерения имеют различный вес в структуре религиозности личности. С точки зрения данных авторов центральным в структуре религиозности является идеологическое измерение. Название идеологического измерения не вполне соответствует содержанию фактора. Речь идет не столько об идеологии, сколько об интимных субъективных убеждениях, значимых для верующих людей. Последующие исследования Ч. Глока и Р. Старка показали, что идеологическое измерение является ядром религиозности личности и во многом определяет четыре остальных измерения [210]. Данный вывод подтвердился и в исследовании Р. Клайтона и Дж. Гладдена, которые отмечают, что идеологическое измерение первично в структуре религиозности, а следование религиозным ритуалам, религиозная интерпретация опыта, религиозные знания и моральное измерение носят вторичный характер [206]. Развитие психологических исследований в русле факторной модели религиозности личности, содержащей пять измерений, приводит к рассмотрению взаимосвязи категорий социального взаимодействия и религиозности. Как отмечает А. Вергот, связь с божественным, лежащая в основе религиозности личности, реализуется в символической системе, к которой относятся, в частности, религиозные ритуалы [228]. Символическая система репрезентируется в эмоциональной сфере личности и способствует тем самым расширению религиозного опыта. Религиозный опыт личности, увязанный с элементами ее эмоциональной сферы, продуцирует правила поведения в рамках

социального взаимодействия. Религиозное измерение личности по своей сути, с точки зрения А. Вергота, является измерением социального взаимодействия. Конечно, в данном случае речь идет о социальном взаимодействии определенного типа. В системе этого социального взаимодействия существенную роль играет реципрокное взаимодействие личности с конечной инстанцией, которая в ряде религий имеет в том числе и личностное воплощение. Структура такого типа социального взаимодействия, которое можно назвать религиозным, показана, в частности, в исследовании Г. Веркрус [227].

Первостепенной задачей корреляционного подхода в психологии религии является разработка точных и надежных способов диагностики религиозности личности. Исследования религиозного опыта и поведения нуждаются в первую очередь в конкретных определениях этих проявлений. Это означает, что исследователь должен точно определить методы, которые будут использоваться им в работе. Поскольку религиозность личности может варьироваться, эти методы должны носить количественный характер и быть стандартизированными. Такие методы позволяют получить баллы, имеющие статистически значимые корреляции с рядом других переменных. Изучение, поиск взаимосвязей между личностными характеристиками, установками, моделями поведения и религиозностью – это вторая основная задача подобного рода исследований. Для измерения религиозности личности исследователи прибегают к оценке следующих параметров. Является ли человек членом какой-либо религиозной организации? Регулярно ли он посещает религиозные службы? Находятся ли в его доме картины религиозного содержания, иконы? Как часто он читает религиозно ориентированную литературу? Читает ли он молитву перед приемом пищи? Совершает ли другие религиозные ритуалы? В поисках ответов на эти вопросы мы получаем некоторые представления о степени религиозности личности, которые необходимо уточнять и систематизировать. Для научного исследования эти индикаторы религиозности являются сырыми, независимо от того, насколько внимательно было произведено наблюдение. Проявление активности в религиозной организации необязательно является следствием проявления

религиозной веры. Такое поведение может быть обусловлено стремлением к установлению дружеских или деловых контактов или выражением социально-экономических позиций. Находящиеся в доме предметы религиозного культа необязательно наделены сакральным смыслом для его обитателей, а служат лишь как предметы интерьера или, к примеру, являются памятными сувенирами. Религиозные книги и журналы могут оказаться ни разу не прочитанными подарками. Впрочем, и отсутствие подобного рода индикаторов невозможно трактовать однозначно: некоторые глубоко верующие люди не проявляют внешних признаков своей религиозности. Однако психологи религии используют эти сырые показатели, поскольку они доступны измерению. Многие исследователи религиозности личности ищут более точные методы ее оценки. Они признают поверхностность измерения исключительно внешних проявлений религиозности и стремятся разработать опросники, позволяющие выразить в количественных переменных не только поведенческие проявления человека, но и его убеждения, позиции, взгляды и верования, не являющиеся столь же очевидными. Владея достаточно точными методами диагностики религиозности личности, психологи имеют возможность решать основную задачу психологии религии: выявить и проанализировать корреляции между психологическими, социальными качествами личности и ее религиозностью.

В дальнейших исследованиях было обнаружено, что измерения религиозной ориентации, взятые из модели религиозности Ч. Глока, отражают основные паттерны поведения верующего человека, шаблоны отношения к возрасту, полу, образованию, социально-экономическому статусу. Психологические исследования показали, что существуют различные формы религиозности. Формальное следование религиозным ритуалам имеет тенденцию отрицательно коррелировать с религиозностью. Высокие корреляции наблюдаются между религиозностью и фундаментализмом. Тем не менее можно говорить о двух формах религиозности. Одной из таких форм является проявление внешних признаков религиозности, таких как следование ритуалам, обрядам, конфессиональным предписаниям. В нашей культуре такое поведение часто

рассматривается как признак истинной веры. К другой категории относятся люди, чья вера исходит «от сердца». Все их мировоззрение пронизано религиозной верой, без которой все религиозные ритуалы, по их мнению, лишены смысла. Легкость, с которой можно исследовать религиозность людей, относящихся к первой категории, склонила ученых взять в фокус внимания исключительно их. Религиозность в рамках корреляционного подхода рассматривается как качество личности, наряду с другими качествами, диагностируемыми методом тестов. В нашем исследовании мы придерживаемся в основном этого подхода. При этом мы понимаем всю сложность категорий религиозности, веры и не считаем, что религиозность личности может быть в полном объеме изучена средствами психометрики. Сведение религиозности только к качеству личности было бы упрощением проблемы. Однако избегать применять возможности, которые открывает психометрический подход, к анализу религиозности тоже неверно. Подход открывает широкие возможности получения эмпирических данных, которых, как утверждают некоторые авторы, нехватает в данной области [218]. Кроме того, психометрический подход открывает возможности диагностики большого числа испытуемых, что может быть полезным для прояснения ситуации в масштабах какой-либо социальной группы и прослеживания этой ситуации в динамике. Подход позволяет проводить кросскультурные исследования. Иными словами он открывает возможности проведения исследований именно в области социальной психологии.

Анализ направлений исследований феномена религиозности позволяет констатировать, что в психологии существует развернутая методологическая основа изучения религиозности личности. В психологическом объяснении феномена религиозности личности существуют значительные разногласия. Основное проблемное поле находится в области влияния религиозности на различные сферы личности, ее психологическое здоровье и благополучие, социальное взаимодействие.

Анализ основных подходов к объяснению религиозности личности раскрывает значительный дефицит эмпирических исследований в данной области,

существенный недостаток эмпирически установленных фактов. Многомерный подход к религиозности личности в совокупности с разработанным инструментарием диагностики открывает широкое поле для эмпирических исследований. В пространстве социальной психологии очень актуальными являются исследования взаимосвязи религиозности личности и семейных отношений, социального взаимодействия в семье.

На операциональном уровне религиозность включает определенное мировоззрение, ценностные ориентации, установки, мотивы, а также конкретные поведенческие проявления. Религиозность личности может быть осмыслена и измерена с позиций психометрического подхода. Мы понимаем, что данный подход, реализуемый в нашем исследовании, несколько ограничивает возможности изучения столь сложного предмета, как религиозность личности. С другой стороны, данный подход вносит в исследование необходимую точность и позволяет накапливать эмпирические данные. Религиозность личности может быть представлена в плоскости поведенческих проявлений, мировоззренческих установок и т.д. Именно в этом качестве она становится доступной для конкретного социально-психологического анализа. Религиозность не является некоторой однородной и неделимой данностью. Существуют индивидуальные различия в степени религиозности личности и в качественных особенностях этой религиозности. С позиций психометрического подхода на операциональном уровне религиозность личности понимается как совокупность следующих измерений: измерение веры, измерение опыта, поведенческое измерение, измерение морали, социальное измерение и измерение религиозного знания. Для реализации психометрического, корреляционного подхода к исследованию религиозности необходимо более тщательно рассмотреть переменную религиозности личности с социально-психологической точки зрения, раскрыть место религиозности в структуре личностных качеств.

## 1.2 Религиозность в системе социально-психологических качеств личности

В процессе социализации религиозность включается в сложную систему социально-психологических характеристик личности. В процессе развития могут быть интериоризованы те или иные элементы религиозной системы. Религиозность личности представляет собой сложную целостность, включенную в общий ансамбль личностных качеств и систему социального взаимодействия. Религиозность личности имеет определенную логику развития и становления, состоящую в последовательной смене этапов. Более высокие этапы развития религиозности личности соответствуют более высокому уровню личностной автономии, толерантности, зрелости и рефлексивности. Это, вероятно, приводит к более высокому качеству социального взаимодействия. Религиозность личности является сложным интегративным личностным образованием, включенным в регуляторную систему и влияющим на социальное взаимодействие. Религиозность личности может быть рассмотрена не только в контексте конкретного содержания отдельной религиозной доктрины, но и более универсально, как глубинная личностная структура.

Э. Фромм понимал религиозность не только как систему идей, систему мышления, но и как феномен, укорененный в структуре личности, имеющий свою «эмоциональную матрицу» [164]. Религиозность как элемент системы убеждений рассматривал П.Л. Дюбье [53; 204]. Этот автор приводит топографию религиозности и веры, классифицируя их по 4 категориям на основе двух полюсов. Первый полюс – это полюс Бога. Второй полюс – это полюс человека. Первую категорию топографической системы П.Л. Дюбье составляют верующие как в Бога, так и в человека. Вторую категорию – верующие в Бога, но не верящие в человека. К третьей категории относятся те, кто верит в человека, но не верит в Бога. Наконец, четвертую категорию людей составляют не верящие ни в Бога, ни в человека. Четвертую категорию людей можно назвать иными словами нигилистами. Предложенная классификация может показаться несколько

условной, однако автор утверждает, что она носит не абстрактный, а реальный характер. То есть действительно разделяет людей на типы. Через призму такой классификации П.Л. Дюбье анализирует социальные и социально-психологические проблемы. Так, представители четвертой категории могут пополнять число сторонников оккультных наук. Неверие в Бога и утрата веры в человека рассматривается как проблема XX и XXI века. Таким образом, существуют теологические и философские типологии религиозных людей. Однако выделяемых эмпирически социально-психологических типологий недостаточно. Анализ социально-психологических проблем, связанных с религией, сегодня осуществляется скорее на философской и теологической, чем на собственно социально-психологической, эмпирической основе.

В психологии сложилось направление изучения религиозности всех людей, а не только верующих в традиционном, конфессиональном смысле этого слова [218]. Это направление опирается на терминологию П. Тиллих, который рассматривал религию не столько в институциональном аспекте, сколько в личностном, субъективном смысле овладения экзистенциальными ситуациями [150]. В данном случае речь идет не столько о религии, сколько о религиозности. С позиций этого подхода все люди религиозны в той или иной мере, если они принимают понятие трансцендентного в том или ином виде. В сравнении с некоторыми определениями религии определение П. Тиллих является расширенным. С точки зрения этого автора, быть религиозным означает искать ответы на глубинные, экзистенциальные жизненные вопросы. Например, задаваться вопросом о смысле жизни и быть открытым к возможным ответам на него, которые могут привести к глубинным личностным потрясениям. При такой трактовке религия превращается в универсальное явление, не сводимое только к вере в существование богов и к институтам, обеспечивающим связь личности с божеством, которому она поклоняется. В подлинном смысле этого слова религия, согласно П. Тиллих, состоит в бытии человека, направленном на поиск смысла жизни, смысла своего существования [150]. В определениях религии такого рода религиозность личности понимается как глубинное экзистенциальное измерение,



не сводимое или не обязательно сводимое к какой-либо конкретной конфессиональной форме. С данных позиций человек религиозен, если он задается вопросами, куда он движется, откуда он пришел, что будет после смерти, какова роль случая в жизни, в чем смысл жизни и др.

Характеризуя поход, предложенный П. Тиллихом, В.В. Томашов отмечает его следование принципам христианской морали. В.В. Томашов подчеркивает, что П. Тиллих уходит от экзистенциального пессимизма, характерного для целого ряда исследователей, трактуя решение проблем свободы выбора и ответственности человека через оптимистическую по духу концепцию «отваги быть» [152; 153].

Г. Олпорт говорил о том, что базовой чертой зрелой личности является сформированность философского мировоззрения, отношения к жизни. Такое мировоззрение базируется на ценностных ориентациях личности. Беря за основу концептуальную модель ценностей Э. Шпрангера, он говорил о существовании религиозной ценностной ориентации как одной из шести черт глубокого уровня, присущих всем людям в той или иной степени. Религиозно ориентированных людей отличает взгляд на мир как на единое целое. Событиям, происходящим в их жизни и мире в целом, они склонны приписывать высший смысл.

А. Вергот в своем подходе также не выделяет религиозных людей в отдельную категорию и изучает верующих и неверующих в рамках одного исследования. Утверждая, что феномены веры и неверия принципиально доступны для изучения средствами психологии, А. Вергот говорит о том, что психологические процессы, функционирующие в том и другом случае, сходны. В его подходе на личностном уровне феномены веры и неверия представляют полюса некоторого континуума, граница между которыми может быть подвижной [228]. Автор допускает возможность, конечно до известной степени, обобщения данных, полученных на базе одной конфессиональной формы религии. Масштабное исследование религиозности личности, предпринятое этим ученым, основывается на представителях христианства. Вместе с тем А. Вергот избегает чрезмерных обобщений в определении религиозности личности в духе Т. Парсонса и Э. Фромма [163; 220]. Религиозность личности, с его точки зрения, в общем плане

представляет собой совокупность языковых, эмоциональных, поведенческих проявлений, основанных на связи личности со сверхестественным [228].

Выделяя типы индивидуальной религиозности, А.В. Романов также подчеркивает их внеконфессиональный характер, утверждая, что они могут соответствовать и христианству, и исламу, и даосизму [132]. Автор выделяет личностную, индивидуальную религиозность и конфессиональное, идеологическое измерение религиозности. Он отмечает: «Конфессионально религии идеологичны и конфронтационны, мотивационно – диалогичны и едины. Религиозный диалог возможен лишь в виде “гражданской инициативы”, на уровне отдельных людей, индивидуальной религиозности. Личностный уровень анализа религиозности позволяет конкретизировать проблему – преодолеть общий, конфессиональный, идеологический уровень ее рассмотрения, отделяя содержание от формы, зерна от плевел» [228, с.69]. С нашей точки зрения, такое противопоставление конфессиональных и личных форм религиозности может привести к искусственному «разрыванию» религиозности, чрезмерной поляризации отдельных сторон единого по своей сути социально-психологического феномена. Тем не менее выделение личностного уровня анализа религиозности, не привязанного жестко к конкретной конфессиональной форме, является, на наш взгляд, полезным для психологического уровня анализа проблемы.

Как отмечает Ф.Озер, религиозность состоит в поиске «конечного основания» и в этом смысле стоит у истоков человеческой цивилизации. В данном случае для описания феноменов религиозности используется термин «конечная инстанция», который позволяет избежать упоминания конкретных богов. Ф. Озер, говоря о религиозности личности, вводит понятие основной, базовой структуры. Он утверждает, подкрепляя это эмпирическими данными, что религиозность нельзя свести к морали или другим психологическим феноменам. Такой редукционизм, с точки зрения Ф. Озера, неправомерен. Религиозность имеет собственное измерение, собственные границы. Понятие базовой структуры заимствовано Ф. Озером у Ж. Пиаже и перенесено в область религиозного сознания. Как и

математические базовые структуры, базовая религиозная структура представляет собой ядро, далее неразделимое на подструктуры и делающее возможным интерпретировать реальность специфическим религиозным образом. Базовая религиозная структура обладает свойствами структур, описанных в работах Ж. Пиаже. В частности, структура не сводима к содержанию, выходит за его границы. Элементами базовой религиозной структуры являются понятия трансцендентного, надежды, смысла, свободы, вневременного и другие. Базовая религиозная структура обеспечивает понимание конкретных ситуаций при помощи семи пар противоположностей: сакральное и профанное, трансцендентное и имманентное, свобода и зависимость, надежда и абсурд, доверие и страх, временное и вечное, необъяснимое и понятное. Эти семь измерений появляются на протяжении всей истории религии и выполняют на уровне личности определенные регуляторные функции. Так, сакральное делает возможным формировать центр в бесконечной гомогенности профанного. Каждый человек устанавливает равновесие между полюсами, действенное и значимое для него лично. Кроме того, характер равновесия зависит от уровня религиозного развития личности. Базовая религиозная структура может также пониматься как реализация Я индивида в социальном взаимодействии с учетом «глубинного измерения», «конечной инстанции». Она активизируется в социальном взаимодействии. Базовая религиозная структура, как и другие базовые структуры, не сводима к каким-либо иным структурам или к морали. Вводя понятие глубинных религиозных структур, Ф. Озер говорит уже не столько о когнитивных, сколько о личностных составляющих религиозности. Глубинная структура в конечном итоге определяет характер религиозных суждений. Рассматривая религиозность, Ф. Озер связывает ее с определенной системой регуляции. Эта система регуляции, элементом которой является религиозное суждение, основана на взаимосвязи личности с трансцендентным. Кроме того, данная система регуляции тесно связана с социальным взаимодействием, структурирует его. Религиозная интерпретация критических жизненных ситуаций, система регуляции, интегрирующая религиозное сознание, позволяют

преодолевать эти ситуации, овладевать ими. Конечно, религиозность личности не сводится только к тому, чтобы помогать в трудных жизненных ситуациях. Это широкое понятие, включающее, например, мировоззрение, основанное на любви к ближнему, на понятии всеобщей солидарности и др. Таким образом, религиозность по Ф. Озеру, является органически присущей человеческой личности, и не сводится только к конфессиональной принадлежности. Данный подход дает методологические основания для изучения религиозности личности у широкого круга людей, а не только у воцерковленных.

Ф. Озер и П. Гмюндер понимают религиозность как отношение личности к «конечной инстанции», трансцендентному, которое имеет эмпирически исследуемую и познаваемую логику становления. Авторы не изучают представителей конкретной конфессии, не исследуют ортодоксальных верующих, но обращают свои экспериментальные усилия ко всем людям в различные возрастные периоды их развития. Эмпирические данные, полученные Ф. Озером и П. Гмюндером, позволили им создать известную и разностороннюю теорию развития религиозной идентичности в русле генетического структурализма Ж.Пиаже.

Религиозность личности и ее онтогенетическое развитие тесно связаны в подходе Ф. Озера и П. Гмюндера с социальным взаимодействием. Причем религиозное развитие и религиозное сознание связаны с социальным взаимодействием определенного типа. Интеллектуальное развитие соотносится по Ф. Озеру с взаимодействием субъект-объектного типа. Социальное развитие – с взаимодействием субъект-субъектного типа. Религиозное развитие соотносится с взаимодействием субъект-субъектного типа, которое опосредовано конечной инстанцией. По критерию соответствия определенному типу социального взаимодействия, согласно Ф. Озеру, религиозное развитие отличается от морального развития. Моральное развитие соответствует субъект-субъектному взаимодействию. Логика развития религиозности личности предусматривает включение на каждом этапе социальных взаимодействий. Постепенная децентрация по мере нарастания религиозных автономий означает увеличение

«удельного веса» социальных взаимодействий в структуре религиозности личности. На первом и втором этапах религиозного развития отношение к «конечной инстанции» очень слабо включено в контекст межличностного социального взаимодействия. На третьем и четвертом этапах эта включенность нарастает и достигает своего максимума на пятом этапе. На пятом этапе религиозного развития отношение личности к «конечной инстанции» становится элементом межличностного социального взаимодействия. Связь личности с «конечной инстанцией» делается нацеленной на самого человека и ориентируется на взаимоотношения между людьми. Ориентация на «конечную инстанцию» становится источником норм межличностного социального взаимодействия, его основанием. Трансцендентное на данном этапе религиозного развития рассматривается в контексте социального взаимодействия, мыслится как проявляющееся в социальном взаимодействии. Религиозная личность, прошедшая в своем развитии предыдущие четыре этапа, реализуется в конечном итоге в социальном взаимодействии с другими в атмосфере любви и притяжения. «Конечная инстанция» может проявляться только в плане социального взаимодействия. Например, категория свободы на третьем этапе религиозного развития, по Ф.Озеру, рассматривается личностью как свобода в отношении «конечной инстанции». На четвертом этапе религиозного развития она рассматривается как свобода при посредничестве «конечной инстанции», а на пятом этапе – как свобода в отношении другого человека и для другого человека. Религиозный опыт возникает только тогда, когда свобода реализуется в межличностном социальном взаимодействии. Пять этапов религиозного развития подтверждены Ф. Озером эмпирически. Интересен и теоретический анализ шестого этапа религиозного развития личности. На данном этапе межличностное социальное взаимодействие предполагается как центр ментальной и личностной структуры. Человек приходит к пониманию универсальной солидарности. Развитие личности в религиозном отношении представлено Ф. Озером как процесс децентрации и последующей интеграции. От первого этапа к третьему последовательно нарастает автономия личности в отношении «конечной инстанции». Затем к

пятому этапу развивается интеграционный процесс, который Ф. Озер называет коммуникативной интеграцией. Рассмотрение этапов с позиции роста обратимости также приводит к учету социального взаимодействия. Трансцендентное на пятом этапе раскрывается в социальном взаимодействии, становится реальным и видимым в возможности любить, помогать, брать социальные обязательства. Выражая эту мысль теологическим языком, можно сказать, что Бог становится человеком среди людей. Обратимость высшего уровня состоит в интерпретации социальных ситуаций с точки зрения представленности или отсутствия любви в социальном взаимодействии.

Методологически значимым, на наш взгляд, является утверждение, выражаемое рядом авторов об универсальности религиозных структур [218, с.214]. С этих позиций глубинные религиозные структуры могут быть раскрыты как у представителей различных представителей и верований, так и у людей с атеистическим мировоззрением. Религиозность личности может выражаться двояким образом. С одной стороны, это верующие, которые представляют божественное как личность, с другой – как бытие, т.е. как нечто вне нас, как некий «дух мира», как судьбу или как божественное в природе. Религиозность личности, выражающееся в вере в безликое божество, с точки зрения Ф. Озера, требует такого же тщательного психологического изучения, как и более конкретные формы религиозности. В психологическом исследовании рассматривается не конкретное содержание религиозных доктрин, а личностные основы веры, ее глубинные личностные детерминанты. Ф. Озер на основе эмпирических данных утверждает, что глубинные когнитивные и личностные структуры, обеспечивающие религиозное восприятие действительности, универсальны. Различные культуры, различные типы религиозного образования и религиозной социализации несут различное содержание религиозных доктрин. На более глубоком структурном уровне эти различия нивелируются.

Рассмотрим более подробно содержание этапов религиозного развития, выделяемых Ф. Озером. Первый этап характеризует детские представления о божественном. На этом этапе господствуют представления о том, что

божественные силы прямо влияют на человека, природу и социум. Высшие силы могут наказывать и поощрять, характеризуются всемогуществом. Второй этап связан с представлениями о том, что человек может вступать во взаимодействие с высшими силами и влиять на них с помощью молитвы, религиозных ритуалов, с помощью соблюдения религиозных правил. В этом случае высшие силы даруют человеку счастье, здоровье и успех. Человек может влиять на высшие силы или не делать этого. Это зависит от его потребностей и от его свободного решения. Третий этап развития религиозного суждения основывается на более сложной структуре. На этом этапе индивид предполагает, что он сам полностью отвечает за свою жизнь. Такие категории, как осмысленность, свобода, надежда, зависят от его личных решений. Божественные силы имеют свое собственное поле деятельности, не связанное с человеческим существованием. Трансцендентное находится вне индивида, но определяет фундаментальный порядок существования мира. Религиозное суждение, относимое Ф. Озером к четвертому этапу, имеет следующие основания. Взаимосвязь личности с трансцендентным осуществляется не прямо и индивид рассматривается как ответственный за собственную жизнь. Однако божественные силы характеризуются как субстанция, которая создает априорные условия человеческого существования. Они дают возможность преодоления абсурда, отчаяния. На этом этапе божественные силы рассматриваются как необходимые трансцендентные условия свободы, ответственности и надежды. На пятом этапе суждение выносится на основе того, что божественные силы одновременно трансцендентны и имманентны. Они пронизывают все человеческие отношения и гуманизируют их. Трансцендентное можно рассматривать только в имманентности человеческих коммуникаций. Этот этап редко достигается людьми, не имеющими специальной теологической или философской подготовки. В теологических терминах это звучит так: Бог представлен среди людей и в любви к ближнему.

Ф. Озер эмпирически подтверждает существование данных этапов в исследовательской традиции Ж. Пиаже, Б. Иннелдер и Л.Колберга. Будучи учеником и последователем Ж. Пиаже, Ф. Озер трактует развитие религиозного

сознания в терминах структур. Он использует метод интервью, в котором используются дилеммы, побуждающие индивида выносить суждения на религиозную тему.

Религиозность личности опирается на религиозное сознание, которое в свою очередь подчиняется общепсихологическим и социально-психологическим закономерностям функционирования сознания как психологического феномена.

В нашем исследовании мы находимся на позициях, сформулированных для психологии религии У. Джеймсом и Т. Флурнуа. Эти позиции состоят в том, чтобы не затрагивать вопрос об истинности или ложности тех или иных религиозных доктрин, об истинности или ложности религиозного сознания. Религиозное сознание существует как психологический факт и требует своего изучения независимо от того, истинное оно или иллюзорное. Задача изучения религиозности личности с психологических позиций очень важна, так как психологический потенциал, заключенный в религиозной сфере, очень велик. В то же время религиозное сознание или религиозность личности необходимо объяснить с психологических позиций. Этот процесс затруднен тем, что затрагивает систему ценностей и убеждений многих людей, в том числе психологов. Религиозное сознание и религиозность личности подчинены общепсихологическим и социально-психологическим закономерностям. Понятие веры заключено в чертах качественной определенности сознания, отраженных в психологической литературе и сформулированных А.В. Карповым, который пишет: «Другой важнейшей особенностью сознания является, как известно, и то, что оно представляет собой не только непосредственную данность, но и такую данность, которая выступает для личности как субъективно несомненная, бесспорная. Более того, она не требует каких-либо доказательств ее существования, истинности и т.д., поскольку само “осознание чего-либо” как раз и выступает в подавляющем большинстве случаев средством такого “доказательства существования” объектов внешнего мира или содержания своего собственного опыта как такового. И внешний и внутренний мир в значительной степени констатируются и получают свое “бытие-для-личности” через их



осознание. Если доводить характеристику этой особенности до логического завершения, то можно сказать, что сознание – это не только предельно несомненная реальность и не только реальность, не требующая никаких доказательств, но и реальность, единственно доступная личности, единственно существующая для нее как нечто неоспоримое. В связи с этим, она – эта реальность не только “не нуждается в доказательствах”, но и сама выступает как механизм и комплексное средство “доказательства реальности” все иных объектов (как внешнего, так и внутреннего мира)» [70; с.329]. Данное положение теории А.В. Карпова имеет приложение в области объяснения религиозных феноменов. Религиозные истины как раз и характеризуется тем, что воспринимаются верующими как субъективно несомненные, бесспорные, не требующие каких-либо доказательств. Вера не может быть устранена логическим путем, так как в известной степени выступает сама как способ «доказательства реальности». Обращает на себя внимание тот факт, что не только религиозные истины обладают указанной особенностью. Некоторые убеждения, связанные с рассматриваемым свойством сознания, имеют сходные характеристики. Так, деление психики на когнитивные, эмоциональные, волевые и мотивационные процессы обладает, по А.В. Карпову, резистентностью к критике, в том числе критике на основе логики.

Рассмотрение сознания как предельно несомненной реальности хорошо согласуется с представлениями о религиозных феноменах. С нашей точки зрения, религиозное сознание является одной из форм сознания, подчиняющейся общим закономерностям. При этом мы не затрагиваем вопрос о том, «истинное» это сознание или «ложное». Данный вопрос относится скорее к содержательным проявлениям, а не к инвариативным компонентам сознания. А.В. Карпов отмечает, что совокупность компонентов сознания является формальным инвариантом [70]. Таким образом, область религиозности личности и религиозного сознания можно вывести из области споров по поводу того, какая религиозная доктрина правильнее. Иначе мы сместили бы рассмотрение вопроса от сущности к частностям, к проблеме содержания сознания, в то время как

«сознание “бежит” от предметности, от содержания, но никогда не в состоянии сделать это в полной мере» [70, с.331]. Значительно важнее отметить, что сама психологическая природа сознания в какой-то своей грани предрасполагает к появлению религиозности личности. Сознание, по А.В. Карпову, представляет собой максимальную интегрированность и целостность и, в то же время оно всегда выходит за пределы этой целостности. Данное свойство сознания закреплено А.В. Карповым в понятии трансцендентности. В таком случае, не является ли религиозное сознание проекцией структурных инвариантов сознания. Обладая свойством трансцендентности, возможно сознание трансцендирует реальность. Религиозность личности, возможно, является одним из вариантов «рефлексивного выхода» за пределы повседневной реальности.

К идее инвариантности на примере эмоций и в связи с религиозностью личности приходит Р. Отто. Он высказал идею, что религиозные чувства организуются в структуры, и показал аналогию с чувствами, которые не имеют прямой связи с религиозными объектами. Сравнительный анализ привел Р. Отто к заключению, что существует формальная аффективная структура, не зависящая от конкретного содержания религиозной доктрины и названная автором структурой чувства сакрального [219].

Религиозное сознание определяется рядом авторов как сознание, существенной характеристикой которого является отношение личности к «конечной инстанции», некоторой непознаваемой реальности за пределами личности. Таким образом, не является ли религиозное сознание одной из попыток осознания метасознательных процессов. Данная попытка теоретически не может оказаться успешной, однако является вполне объяснимой. Механизмы сознания в процессе своего функционирования «наталкиваются» на реальность метасознательных процессов и пытаются объяснить ее имеющимися функциональными средствами.

Приложение методологии метасистемного подхода к проблеме сознания открывает широкие перспективы для исследований в области социальной психологии религии, в которой изучается одна из конкретных форм сознания, религиозное сознание. Общие принципы психологического анализа сознания,

предложенные А.В. Карповым, предполагают их использование для рассмотрения конкретных форм сознания. В свою очередь рассмотрение этих форм, вероятно, приведет к уточнению ряда базовых положений. Сам факт существования различных форм сознания является лишь допущением. Однако религиозное сознание является феноменом, устойчиво существующим в истории и культуре и нуждающимся в объяснении независимо от того, признается ли такое сознание единственно «правильной» его формой или некоторым артефактом, связанным с усложнением психической организации. Методология метасистемного подхода к проблеме сознания, предложенная А.В. Карповым, и выделенные им закономерности структурной и функциональной организации сознания и его генезиса позволяют рассматривать с этих позиций и религиозное сознание, объяснить его высокую устойчивость и распространенность. С другой стороны, анализ религиозного сознания, предпринятый, например, Ф. Озером, приводит к пониманию некоторых общих закономерностей сознания как такового. Ф. Озер констатирует религиозность, понимаемую структурно и психологически, как свойство сознания вообще, присущее не только ортодоксальным верующим, но и широкому кругу людей. Объяснение религиозного сознания с позиции метасистемного подхода является сложной задачей, которую невозможно реализовать в рамках отдельного, во многом эмпирического исследования религиозности личности и ее влияния на социальное взаимодействие. Вместе с тем следует отметить, что данная методология открывает широкие перспективы в плане приложения к частным областям исследования.

Стадии религиозного развития по Дж. Фаулеру предполагают продвижение от недифференцированной веры к универсализированной [224]. Дж. Фаулер расширяет категорию веры и связывает ее с личностной идентичностью, смыслом жизни, аффективной сферой. Такое расширение, с одной стороны, ведет к большей полноте рассмотрения проблемы религиозности личности и ее развития. С другой стороны, критерии этой религиозности оказываются несколько размытыми. Этапы, выделяемые Дж. Фаулером, имеют значительно меньшее эмпирическое подтверждение, чем этапы, выделяемые Ф. Озером.

Недифференцированная вера, по Дж. Фаулеру, представляющая первый этап ее развития в онтогенезе, является доинтеллектуальной и соответствует младенческому возрасту. Интуитивно-проективная вера опирается на язык и образное мышление ребенка. Отсутствие обратимости мышления и способности отличать факты от образов воображения приводит к развитию религиозности ребенка под влиянием взрослых. Мифологически-буквалистская вера, обычно соответствующая возрасту от 7 до 12 лет, опирается на более самостоятельное и менее эгоцентрическое мышление. Появляется возможность усваивать более широкий круг религиозных доктрин. Синтетически-конвенциональная вера опирается на возросшие рефлексивные способности, позволяющие видеть себя со стороны, реконструировать свое Я и отражать религиозную составляющую собственной личности. Вера включается в личностную идентичность и систему ценностей. Индивидуально-рефлексивная вера, формируемая приблизительно к двадцати годам, в меньшей мере ориентирована на мнения других людей, чем вера на предыдущих стадиях. Религиозность становится гранью уникальной идентичности и опирается на функционирующие структуры формальных операций. Внешние авторитеты на данном этапе перемещаются внутрь Я. Конъюнктивная вера, обычно возникающая к 35 годам, связана с изменениями идентичности. Четкие границы идентичности, возникшие на предыдущем этапе, размываются, и происходит переоценка ценностей. На данном этапе человек способен перенимать парадоксальный опыт и объединять противоположности. На этой стадии человек может реализовывать себя в более гармоничном социальном взаимодействии. Универсализированная вера представляет собой стадию, которую достигают в своем развитии только отдельные люди. На этом этапе человек преодолевает центрированность на своем Я и обретает способность служить примером и изменять мир в лучшую сторону. На данной стадии люди могут создавать образцы социального взаимодействия, основанного на любви, порядочности, доверии и т.д. Этапы развития религиозности личности, которые выделял Дж. Фаулер, затрагивают не только религиозность как таковую, но и широкий круг личностных качеств, социальные роли, видение мира, моральное

суждение, символическую интеракцию и др. Продвижение по этапам религиозного развития связано с обретением личной веры, увеличением ответственности и аутентичности, толерантности и солидарности с другими людьми, рефлексивности.

Психологические концепции, выделяющие этапы религиозного развития личности, необходимо сравнить с концепцией Л. Колберга, который рассматривал этапы развития морального суждения в онтогенезе. Работы по онтогенезу религиозности личности учитывали теоретические положения и эмпирические данные Л. Колберга. Ученый, исследуя моральное развитие, сталкивался с тем, что испытуемые привлекали в ответах религиозную аргументацию, которую Л. Колберг не рассматривал, концентрируясь на моральном суждении как таковом. В более поздних работах он уделял большое внимание феномену религиозности, задаваясь вопросом об априорных причинах морали [218]. Эти причины Л. Колберг искал в религиозных феноменах, придя к религиозным основаниям этапов развития морали. Теоретически выделяемый седьмой этап в концепции Л. Колберга, имеет в основном религиозное содержание. Универсальный гуманизм шестого этапа перерастает в веру и «укоренение» в трансцендентном, которые являются ядром седьмого этапа. Понятие веры, привлекаемое Л. Колбергом для объяснения сущности седьмого этапа, используется им скорее как метафора. Тем не менее, он придает ей важное значение как интегративной функции, как религиозной установке, определяющей универсальные и наиболее общие принципы [218]. Л. Колберг и С. Пауэр, анализируя феномен религиозности, выделили религиозное содержание этапов развития морали, не сводимое к морали как таковой. Они эмпирически продемонстрировали, что моральное суждение представляет необходимое, но не достаточное условие религиозного суждения. Л. Колберг пришел к выводу, что существует специфически религиозная область, не сводимая к морали, хотя и связанная с ней. Он разделял веру, привлекаемую им в качестве объяснительной схемы, составляющей основу седьмого этапа, и религиозные суждения, представленные в иерархии первых шести этапов. Седьмой этап рассматривается Л. Колбергом как предварительное условие

морального суждения. В то время как религиозные суждения, включенные в аргументацию на предыдущих шести этапах, отражают связь между абсолютом и личностью, рассматриваемую в контексте конкретной ситуации. Таким образом, Л. Колберг, с одной стороны, обращался к понятию религиозности личности и подчеркивал ее тесную связь с моральной сферой личности. С другой стороны, он ясно выделял сферу религиозности личности как отличную от моральной сферы и не сводимую к ней.

Эмпирические данные, полученные в рамках подходов, исследующих развитие религиозности, свидетельствуют об отсутствии конфессиональных различий в глубинных закономерностях религиозного сознания. Так, более глубинный когнитивный уровень по сравнению с уровнем содержания в подходе Ф. Озера универсален для представителей различных конфессий. Иными словами, религиозное сознание и религиозность личности имеют общие психологические черты для представителей различных религиозных верований и эти черты доступны для эмпирического анализа. Следует отметить, что речь идет о представителях традиционных религиозных конфессий, а не о последователях различных религиозных сект, где люди могут впадать в измененные состояния сознания. Ф. Озер констатирует, что религиозное сознание развивается с возрастом. Уровень религиозного суждения прогрессирует до двадцати пяти лет, затем стабилизируется. Возрастная динамика в поздний период жизни не исследована в достаточной степени. Религиозное суждение имеет некоторую зависимость от культурного уровня испытуемых. В частности установлено, что более низкий уровень религиозного суждения соотносится с более низким уровнем культурного развития. Религиозные суждения одного уровня одинаково распределяются по этим уровням на различном содержании проблемных ситуаций. Это свойство Ф. Озер называет транситуативностью. Также подтвержденным эмпирически можно считать тот факт, что уровень религиозного суждения можно повысить в результате специально организованной психолого-педагогической работы с учащимися. Развитие моральной сферы и религиозной сферы рассматриваются как две самостоятельные, хотя и связанные линии. Таким

образом, религиозность личности подчиняется психологическим закономерностям и может быть подвергнута эмпирическому анализу.

Религиозное развитие личности не может осуществляться без учета психологических закономерностей. Иначе, как справедливо отметил А. Вергот, религия, которая провозглашает принципы любви, прощения ближнего, гуманизма, может приводить к формированию низкой толерантности. Возникает парадоксальная ситуация, когда верующие менее толерантны, чем неверующие. Предотвратить столь нежелательную интериоризацию постулатов религии можно только при помощи объективного, неидеологизированного научного психологического анализа процессов социализации личности в контексте религиозной культуры. Г. Олпорт на основе исследования процессов мотивации выделил внутреннюю и внешнюю религиозность, а дальнейшие исследования в этом русле показали связь толерантности с внутренней религиозностью. Во всяком случае Г. Олпорт утверждал, что испытуемые с внутренней религиозностью более толерантны, чем испытуемые с религиозностью внешней [200].

В исследовании Д. Хатсебот показано, что моральные суждения опираются на Я-концепцию, на самоотношение испытуемых, а у религиозных испытуемых подросткового возраста моральные суждения отличаются помимо этого ссылкой на Бога [213]. Связь некоторых аспектов религиозности личности и Я-концепции прослеживается и в работе П. Бенсона и Б. Спилки, которые показали, что образ Бога у испытуемых существенно зависит от самооценки и локуса контроля личности [201]. Авторы считают, в частности, что самооценка определяет восприятие Бога как карающего или любящего и что фактор самооценки, а не только религиозного образования и воспитания является значимым.

Религиозность личности рассматривается и в категориях мотивационного подхода. Представления о наличии специальных религиозных потребностей подвергаются критике в рамках теории мотивации в связи с накапливающимися данными о мотиваторах религиозного поведения, не вытекающими непосредственно из религии. Вместе с тем, влияние религиозности на поведение и мотивирующая сила религиозных идей в теориях мотивации не отрицаются.

Мотивационная сфера трансформируется под воздействием новых смыслов и целей, которые ставят перед социумом и личностью религиозные доктрины. Мотивирующая сила религиозных убеждений переплетается с другими мотивационными тенденциями и интересами личности, образуя тем самым сложные мотивационные симптомокомплексы, нуждающиеся в тщательном психологическом изучении.

Психологический анализ религиозности личности в ряде случаев задействует категорию религиозного опыта. Категория опыта редко используется в академической психологии. Исключение составляет социальная психология религии, в которой данная категория анализируется и наполняется психологическим содержанием. В исследованиях по психологии религии, как правило, не рассматриваются теологические или философские идеи божественного. Применительно к категории религиозного опыта предметом исследования являются функции религиозного опыта в религиозном поведении, его значение для личности, условия его появления или отсутствия в субъективном мире. Категория опыта является менее определенной в сравнении с другими психологическими категориями. В частности, в категорию религиозного опыта включают зачастую различное содержание. Настолько различное, что сама категория размывается. Однако религиозный опыт является психологической реальностью и так же, как и любая другая психологическая реальность, нуждается в изучении и интерпретации. В различных определениях религиозного опыта отмечается его коммуникативная природа, основанная на реципрокном взаимодействии, устанавливаемом между субъектом и сверхъестественным. Категория религиозного опыта находится на стыке психологии и теории познания, и в ее применении проявляется стремление к преодолению оппозиций субъективного и объективного. Собственно психологическое изучение религиозного опыта предполагает конкретное рассмотрение различных его форм, их систематизацию и дифференциацию.

В психологии религии известна классификация религиозного опыта Ч. Глока и Р. Старка, выделяющих четыре его разновидности по критерию нарастания



сложности [209]. Подтверждающий опыт состоит во внезапно появляющемся интуитивном чувстве истинности религиозных постулатов. Этот опыт разделяется на две категории, такие как общее чувство сакрального и интуитивное осознание присутствия божества. Опыт божественного ответа предполагает чувство воздействия божественных сил на человека и делится в свою очередь на три категории. К первой категории относится ощущение внимания со стороны божественных сил и включение в число лиц, которым будет даровано спасение. Ко второй категории относится чувство, что божественные силы спасли от опасности. К третьей категории относится чувство санкций, наказания со стороны божественных сил. Следующий тип религиозного опыта назван Ч. Глоком и Р. Старком экстатическим. В этом типе опыта интуитивные чувства сменяются аффективным отношением, основанным на любви и дружбе. И наконец, опыт спасения, состоящий в ощущении особой близости божественных сил и способности воспринимать божественные послания.

Модальности религиозного опыта, выделяемые А. Верготом, более четко дифференцированы. Это интуитивное осознание некоторой сверхъестественной реальности, присущей миру и личности как вездесущее и таинственное свойство. Вторая модальность состоит во внезапном, глубоко эмоциональном осознании реальности сверхъестественного, которая затрагивает основы человеческого существования, трансформирует внутреннее пространство личности и смысл жизни. Третья модальность религиозного опыта является результатом длительного личностного контакта с религиозными явлениями. Этот опыт приобретает на протяжении жизни, когда человек проходит через сомнения, радости и страдания, внутренние конфликты на основе религиозности, очищает веру в религиозных практиках. Этот опыт является результатом длительного отрезка жизни и отличается стабильным и глубоким пониманием религиозной реальности. Четвертая модальность религиозного опыта – это мистический опыт. Мистический религиозный опыт является, как правило, результатом длительных религиозных практик и содержит в себе черты трех предыдущих модальностей. В сравнении с предыдущими модальностями этот опыт более систематизирован.

Таким образом, несмотря на некоторую неопределенность, категория религиозного опыта активно используется в психологии религии, выделяются его различные модальности, уровни сложности. Такое положение дел отражается в психологических измерительных инструментах религиозности личности, включающих подшкалы религиозного опыта.

В рамках нашего исследования религиозность понимается как глубинное экзистенциальное измерение личности, не сводимое к какой-либо отдельной конфессиональной принадлежности. Религиозность личности имеет сложное строение и включается в систему и метасистему психического, влияя на их функционирование. Религиозность личности взаимосвязана с системами социального взаимодействия, в которые включается личность. В нашем исследовании используется термин взаимодействие, а отношение или взаимоотношение. Вместе с тем, эти категории важны и во многом связаны с категорией взаимодействия. За теми или иными действиями могут стоять отношения, что существенно для дальнейших исследований и интерпретаций. В нашем исследовании для диагностики религиозности личности и поведения в семье используется много индикаторов, которые отражают действия испытуемых. Религиозность личности опирается на религиозное сознание. Категории религиозного сознания и религиозности личности рассматриваются как тесно взаимосвязанные, хотя и не идентичные. Религиозное сознание подчиняется общепсихологическим закономерностям функционирования сознания. Религиозность личности имеет собственные границы и не сводится к таким категориям, как духовность и мораль. Религиозность личности связана с установлением равновесия в таких категориях, как трансцендентное, вневременное сакральное и др.

Далее необходимо более подробно остановиться на содержании категории социального взаимодействия и его связи с личностными качествами, в частности с религиозностью личности.

### **1.3 Социальное взаимодействие и его взаимосвязь с личностными качествами**

Социальное взаимодействие изучается философией, социологией, психологией и рядом других наук. В рамках психологии проблематика социального взаимодействия представлена в работах Г.М. Андреевой, В.Г. Грязевой-Добшинской, Л.С. Выготского, А.Л. Журавлева, А.В. Карпова, М.М. Кашапова, Н.В. Ключевой, В.Н. Кунициной, Т.М. Панкратова, М. Перре, Б.Ф. Ломова, А.Н. Леонтьева, В.В. Новикова, Р.В. Овчаровой, С.Л. Рубинштейна, В.В. Рубцова, И.Р. Сушкова, В.Д. Шадрикова, В.А. Янчука, Е.Ф. Яценко и др.

Анализ подходов к изучению социального взаимодействия позволяет представить его как многогранное, сложное психологическое явление, имеющее различные уровни и виды. Проблематика социального взаимодействия развивается и в русле подходов, оперирующих категориями отношений, взаимоотношений, психологических отношений и др.

Социальное взаимодействие трактуется различным образом в рамках различных психологических школ и направлений.

Социальное взаимодействие в контексте бихевиористски ориентированного подхода рассматривается как процесс, построенный на основе подкрепления и наказания, связанных с той или иной моделью поведения, а также выгоды, получаемой участниками интеракций. Такие авторы, как Д. Тибо и Г. Келли отмечают, что каждый участник социального взаимодействия стремится к тому, чтобы в результате интеракции выигрыш превысил потери и затраты [13]. На удовлетворенность человеком текущим социальным взаимодействием накладывает отпечаток опыт предшествующих отношений. Субъективная оценка человеком собственного потенциала к достижению благоприятного исхода взаимодействия в конкретной жизненной ситуации оказывает влияние на сравнение предшествующей и текущей ситуации.

В рамках подхода Дж. Хоманса человек является продуктом общественного влияния, влияния внешней ситуации, и его поведение определяется системой поощрений и наказаний [13]. В основе социального взаимодействия лежит направленность его участников друг на друга. Тот или иной тип поведения формируется в результате подкрепления. Человек стремится воссоздать условия, необходимые для реализации социально желаемого типа поведения. В зависимости от размера получаемой выгоды человек готов затратить определенное количество личных ресурсов. Если потребность индивида практически полностью удовлетворена, то и прилагаемые с его стороны усилия снижаются. Если количество затраченных усилий превышает получаемое в итоге вознаграждение, то человек испытывает эмоцию гнева, а его партнер - нередко эмоцию вины.

А. Бандура считал, что способность к определенной реакции заложена в человеке еще до его научения через подражание [20]. Религиозное поведение возникает в онтогенезе как результат научения и затем влияет на социальное взаимодействие в семье. Характер этого влияния зависит от конкретной религиозной доктрины, особенностей ее восприятия конкретной семьей и ряда других факторов. Христианская доктрина в варианте, официально предлагаемом церковным сообществом, стремится укрепить семью и оптимизировать социальное взаимодействие в ее рамках.

В основе психоаналитического подхода лежат представления о борьбе между биологической природой человека и обществом (З. Фрейд, К.Г. Юнг, А. Адлер, К.Хорни). Одной из таких социальных систем является семья. Взаимодействие между людьми строится по определенным правилам, законам, которым человека обязан подчинять свои импульсы, инстинкты, желания. Детские переживания, согласно психоаналитической теории, оказывают влияние на взаимодействие человека с другими людьми на протяжении всей его жизни. Родители являются прообразами лидеров, с которыми человек сталкивается, вступая в различные социальные группы. Согласно психоанализу, социальное взаимодействие во многом определяется детским опытом. Религиозность личности также зависит от

детско-родительских отношений, являясь в известной степени их проекцией. Положения отца и матери помимо всего прочего представляют символическую реальность. Психодинамический подход к семейному социальному взаимодействию рассматривает устойчивые позиции отца и матери внутри семейного микросоциума как относительно независимые от внешних факторов, например от социального статуса. В сложном динамическом процессе идентификации ребенка с родительскими фигурами формируются его паттерны социального взаимодействия с другими людьми. Эти паттерны накладывают отпечаток и на религиозное взаимодействие с «конечной инстанцией». Таким образом, в рамках психоанализа полнее изучен процесс влияния социального взаимодействия в семье на религиозность личности, чем обратный процесс влияния религиозности на семейные интеракции.

Теория транзактного анализа Э. Берна является одной из распространенных психодинамических теорий социального взаимодействия [26; 27]. Автор выделял такие состояния эго, как родительское, детское и взрослое. В ходе социального взаимодействия человек находится в одном из этих состояний, которые могут сменять друг друга. Эти состояния по сути представляют собой некий набор поведенческих схем, стратегий взаимодействия. Тактики взаимодействия не обязательно связаны с социальной ролью, присущей индивиду. Социальное взаимодействие, согласно Э. Берну, представляет собой стимулы со стороны одного человека и ответные реакции со стороны другого. Ключевым понятием в теории ученого является транзакция как взаимодействие различных состояний. Взрослый олицетворяет рациональное представление о мире, ребенок – эмоциональность, стремление к удовлетворению собственных желаний, а родитель выступает в роли воспитателя, наставника, мнению которого стоит неукоснительно следовать. Транзакции в свою очередь бывают дополнительными, пересекающимися и скрытыми. Суть социального взаимодействия сводится к умению распознавать позиции партнера и, в соответствии с ними, изменять свои. Подход Э. Берна интересен в рамках нашего исследования тем, что рассматривается влияние личности на социальное

взаимодействие, в конкретных схемах представляется механизм этого влияния. Однако религиозность личности не включается в эти схемы как опосредующее или определяющее звено.

В рамках теории структурного баланса, относящейся к когнитивному подходу, социальное взаимодействие рассматривается через призму когнитивной атрибуции, когда личность стремится к осознанию и объяснению своих действий и действий окружающих ее людей. Человек осуществляет когнитивную оценку себя в сравнении с другими людьми. Поведение личности в рамках данного подхода рассматривается как процесс, важнейшим элементом которого является познание, мышление, формирование образов и понятий. Социальное взаимодействие во многом обусловлено стремлением человека достичь состояния равновесия, не всегда подкрепленного внешней ситуацией. С позиций данного подхода положительное или отрицательное влияние религиозности будет зависеть от того, насколько религиозность способствует установлению равновесия. Кроме того, равновесие устанавливается и во взаимодействии личности с «конечной инстанцией», каждый раз переструктурируясь в процессе онтогенеза.

В рамках гуманистической психологии личность человека возводится на пьедестал. Человек представляется не только продуктом окружающей его среды, но и активным ее творцом [91; 92; 130; 160]. Человек сам формирует себя как личность, несет ответственность и наполняет смыслом свою жизнь. В вопросе о смысле жизни гуманистические теории личности входят в пространство религиозности личности и психологии религии. Так, В. Франкл, раскрывая положения логотерапии, соотносит их с религиозностью. Одной из потребностей, предложенной А. Маслоу в числе основополагающих, является потребность в принятии и любви [91; 92]. Эта потребность выражается в желании группового принятия, стремлении к принадлежности к той или иной группе. Таким образом, А. Маслоу говорит, что в основе социального взаимодействия лежит либо дефицитарная, либо бытийная любовь. Главным в личности ученый видел стремление к самоактуализации. Рассматривая процесс самоактуализации, он дает описание пиковых переживаний, которые можно интерпретировать в том числе и

с позиций психологии религии. Личность как целостная единица, ориентирована на развитие, является творческой, рациональной, реалистичной. К. Роджерс отмечал стремление личности к укреплению веры в себя, к развитию собственного потенциала в социальном взаимодействии. Социальное взаимодействие определяется зрелостью личности, ее ответственностью. С этой точки зрения влияние религиозности на социальное взаимодействие будет определяться тем, способствует ли эта религиозность личностному росту и зрелости или препятствует этому процессу.

Вопрос частично решается Э. Фроммом, который разделяет религии на гуманистические и авторитарные [165]. Влияние авторитарных религий на личностную зрелость и социальное взаимодействие негативно, в отличие от влияния религий гуманистических. В рамках гуманистического подхода разработана некоторая идеальная модель социального взаимодействия в семье, которая по ряду позиций расходится с религиозными, в частности с христианскими, моделями. В то же время сходными позициями являются акцентирование любви и честности в отношениях. В гуманистическом направлении в психологии рассматривается как влияние социального взаимодействия на личность, так и обратный процесс влияния личности на социальное взаимодействие.

Концепция социального взаимодействия Дж. Мида подчеркивает значимость изучения проблем коммуникации с помощью символов, языка. Он отмечает необходимость изучения структуры личности, подчеркивает, что понять поведение человека становится возможным только через призму социального взаимодействия. Социальные установки, поведенческие нормы, ценности формируются в референтной группе. Реакция человека на какой-либо раздражитель, поступающий извне, связана со значимостью этого раздражителя. Для успешного социального взаимодействия человек должен уметь ставить себя на место другого человека, понимать его намерения и поступки. В рамках символического интеракционизма социальное взаимодействие понимается как непрерывный диалог, в основе которого лежит интерпретация намерений друг

друга и ответная реакция. Ключевым в данной теории является понятие «символа», которое включает в себя жесты, слова, явления, предметы, процессы [11, 188, 197].

В своих работах Л.Г. Жедунова показала важность наличия или отсутствия своевременной психологической или социальной поддержки человека [56; 57]. Она говорит о том, что, если человек испытывает стресс, который субъективно воспринимается им как непреодолимый, возникает личностный кризис. Острая реакция на психологическую травму может проявляться в расстройстве эмоций, утрате контроля над поведением. В целом он приводит к дезадаптации и трансформации личности.

Важность учета особенностей социальных контекстов в психологических исследованиях отмечает С. Московичи. Им проводились эксперименты, направленные на изучение влияния особенностей ситуаций социального взаимодействия на характер речевого обмена, а также на вырабатываемые индивидами типы кодов в данных ситуациях. Только в процессе общения субъект научается понимать смысл социального взаимодействия [97]. Религиозность личности С. Московичи вписывает в контекст социального взаимодействия. Так, например, религиозность поддерживает ответственность личности перед социумом, формируя запрет на определенные формы поведения.

Категория социального взаимодействия тесно связана с категорией отношений, взаимоотношений и социального поведения. Саморегуляция в социальном поведении рассматривается Т. А. Панкратовой [114]. Наиболее значимую роль в социальной жизни личности В.Н.Мясищев отводил категории взаимоотношений [100]. В дальнейшем взаимоотношения являлись предметом анализа многих отечественных ученых, таких как А.А. Грачев, А.Л. Журавлев, А.А. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, В.Н. Панферов, Н.Н. Обозов, А.В. Петровский, Л.И. Уманский, Е.В. Шорохова [43; 58; 59; 86; 87; 88; 117; 105; 121; 155;]. Развивая марксистское положение о сущности человека как совокупности всех общественных отношений, Н.И. Рейнвальд конкретизирует его, выделяя виды общественных отношений. К этим видам она относит материальные отношения и



идеологические отношения [128]. Под материальными отношениями подразумеваются отношения экономические. В идеологических отношениях Н.И. Рейнвальд выделяет следующие разновидности: политические, правовые, нравственные, эстетические, философию, науку и религиозные отношения. Объективным, «результативным» выражением различных общественных отношений являются следующие факторы: продукты материального производства, продукты духовного производства, правовые, нравственные, эстетические, религиозные нормы поведения, фиксируемые в обычаях, традициях и нравах; учреждения и организации, претворяющие в жизнь зафиксированные в общественном сознании нормы, теории. В этих формах общественные отношения обретают независимость от индивидов и социальных групп и выступают как данность для последующих поколений. Духовными продуктами, связанными с религиозными отношениями, согласно Н.И. Рейнвальд, являются мифы, вероучения, системы теологии. Можно сказать, что религия и религиозность вполне вписывались в подходы к личности, базирующиеся на марксистской философской основе и деятельностной парадигме. В данном случае признается влияние религиозных отношений как частного вида общественных отношений на развитие личности, хотя считается, что в исторической перспективе этот вид отношений редуцируется и уступит место науке.

В подходе И.Р. Сушкова социальное взаимодействие представлено как один из уровней организации взаимодействия наряду с физическим и биологическим уровнем [149]. Вид систем взаимодействия элементов, характеризующийся социальностью, возникает, по И.Р.Сушкову, благодаря появлению способности к рефлексии психологических отношений и замкнутости групповых границ. Главным предметом анализа становятся психологические отношения людей в социальной системе. Взаимоотношения представляют собой «особый тип социально-психологических отношений, связанных с сохранением и развитием целостности социальной системы, составляющей суть социального обмена, формирующих границы коллективных субъектов и регулирующих межличностные взаимодействия» [149, с.10]. В качестве одного из элементов

социальной системы И.Р. Сушков выделяет личность. Он справедливо отмечает, что каждому сообществу присущи определенные особенности, свойства, качества. Личность же, идентифицируя себя с общностью людей, интериоризирует эти свойства и, таким образом, является своеобразной проекцией свойств сообщества. Я-концепция личности лежит в основе формирования социально-психологических отношений. При этом личность как элемент социальной системы стоит наравне с социальными группами и подвергается анализу с тех же самых позиций. Отдельно выделяется эмоциональная сторона взаимоотношений как определяющая их динамику, силу, глубину и интенсивность. Эти характеристики находят свое отражение в поведении одного человека по отношению к другому. Ценностные ориентации как установки личности оказывают влияние на социально-психологические отношения человека, на его поведение, влияют на принятие решения в той или иной значимой ситуации.

Семья как система социального взаимодействия всегда была в фокусе внимания в общей и социальной психологии и рассматривалась в работах Г.М. Андреевой, В.Н. Дружинина, Л.Г. Жедуновой, Л.Ф. Обуховой, Р.В. Овчаровой А.В. Петровского, Л.Б. Шнейдер [12; 52; 57; 106; 109; 121; 185]. Многочисленные исследования по психологии семьи раскрывают множество связей между различными социально-психологическими параметрами семейного социального взаимодействия и личностными особенностями. Так, личностные особенности супругов оказывают существенное влияние на социально-психологический климат и удовлетворенность семейными взаимоотношениями. Под социально-психологическим климатом Т.В. Андреева понимает интегративную характеристику семьи, выражающую степень удовлетворенности супругов основными аспектами семейной жизни, общим тоном и стилем отношений в семье. Она отмечает такие параметры, как удовлетворенность психологической атмосферой в семье, удовлетворенность общением и оказание психологической поддержки супругами друг другу [12]. Удовлетворенность семейными отношениями складывается из соответствия реальной семьи сложившимся представлениям об идеальной семье и по сути представляет собой субъективную

оценку. Семейные взаимоотношения играют важную роль в процессе становления личности ребенка. Согласно Т.В. Андреевой влияние оказывают такие факторы, как структура семьи, позиция ребенка в семье, личностный и нравственный потенциал семьи, члены семьи, являющиеся для ребенка авторитетными фигурами и выполняющие воспитательную функцию (как правило, родители), и стиль семейного воспитания.

В психологии существует множество исследований влияния личности родителей на социальное взаимодействие в семье, опосредованное таким феноменом, как стиль родительского поведения, стиль воспитания. Г. Крайг разработала классификацию стилей родительского поведения, в основу которой легло соотношение факторов родительского контроля и родительской теплоты. Под родительским контролем понимаются установленные в семье правила, обязанности и запреты. Под родительской теплотой подразумевается проявление одобрения по отношению к ребенку, частота, с которой родители хвалят ребенка или, наоборот, наказывают. При авторитетном стиле воспитания родителями устанавливаются четкие правила, которым ребенок обязан неукоснительно следовать, но при этом требования обсуждаются в кругу семьи при участии ребенка, а потому не кажутся ему несправедливыми. Таким образом, при данном стиле воспитания родительские контроль и теплота гармонично сочетаются друг с другом. Авторитарный стиль предполагает установление жестких требований, не подлежащих обсуждению. При этом между родителями и детьми складываются достаточно холодные отношения. При либеральном стиле воспитания родители практически не требуют от детей подчинения каким-либо правилам. Они открыто демонстрируют «безусловную любовь». Формируются очень теплые отношения между родителями и детьми в силу редкости контроля и применения системы наказаний. Индифферентный стиль воспитания проявляется в отсутствии контроля за поведением детей и эмоциональном абстрагировании от них [78]. Если супруги удовлетворены взаимоотношениям в браке, то это открывает для них новые пути развития, личностного роста, повышения самооценки.

Говоря о функциях семьи, Э.Г. Эйдемиллер и В. Юстицкис подчеркивают значимость функции духовного общения как основополагающего фактора духовного развития членов общества. Они отмечают, что в современном обществе возросло значение эмоциональной функции, функции духовного общения и воспитательной функции. По их мнению, удовлетворенность семейными взаимоотношениями, отсутствие негативных переживаний обусловлены социально-психологическими механизмами интеграции семьи. Семья является сложной социально-психологической системой, взаимодействие в которой формируется под влиянием особенностей личности, а также обычаев и традиций. Семья рассматривается в рамках системного подхода и считается единым целым, включающим все семейные взаимосвязи [190].

В рамках нашего исследования рассматриваются следующие параметры социального взаимодействия в семье: удовлетворенность родителей различными сферами семейной жизни; толерантность к поведению детей; практики наказания в семье; рефлексивные реакции родителей на собственную дисциплинарную практику; эмоциональный стресс родителей; поведенческие проявления ребенка. Поведенческие параметры выражаются в наборе конкретных поведенческих проявлений ребенка, отражающих эмоциональные проблемы и имеющих градацию в три ступени. Удовлетворенность различными сферами семейной жизни имеет шесть градаций в континууме неудовлетворенность-удовлетворенность: три градации для неудовлетворенности и три – для удовлетворенности. Толерантность к поведению детей разбивается на толерантность по поводу определенных поведенческих проявлений и имеет четыре градации. Частота наказаний имеет градацию из шести уровней. Эта переменная образуется множеством частных, родственных переменных в зависимости от конкретного вида наказания. Описывается восемь ситуаций, в которых ребенок провинился, задается контекст социального взаимодействия, в котором родители выбирают частоту наказаний по десяти предложенным вариантам воздействия на ребенка. Среди возможных вариантов перечислены и

физические наказания. Отдельный субтест посвящен наказаниям, среди которых преобладают серьезные физические наказания.

Социальное взаимодействие – широкая категория. Невозможно изучить все его аспекты в рамках одного исследования. В нашем исследовании акцент делается на воспитательных практиках родителей, а именно на практиках наказания. Именно частые наказания и физические наказания, лишённые позитивной психологической основы, базирующиеся на неудовлетворенности супругов семейной жизнью, эмоциональном стрессе, наносят вред психическому развитию ребенка и семейному социальному взаимодействию в целом. Наказания в семье рассматриваются в исследовании как основной элемент социального взаимодействия.

Как пишет О.А. Карабанова, «психологическое значение и смысл поощрений и наказаний состоит в предоставлении ребенку обратной связи о соответствии его поведения и поступков социальным ожиданиям и принятым в обществе нормам и правилам. Функция поощрений и наказаний – регуляция поведения ребенка посредством положительного или отрицательного подкрепления его действий» [65, с.92]. Негативный эффект наказаний для развития личности ребенка подчеркивается гуманистическим подходом. Вместе с тем отмечается необходимость предоставления ребенку негативной обратной связи о некоторых его поступках. В наказаниях и поощрениях, с точки зрения О.А. Карабановой, отражены требования к личности, деятельности ребенка и образ предпочтительного поведения [65]. Наказание и поощрение являются условиями интериоризации моделей поведения. В свете сказанного очевидно влияние религиозности личности, которая предполагает определенное мировоззрение, систему ценностей, определенный взгляд на желаемое людьми поведение, на всю систему поощрений и наказаний, реализуемую родителями по отношению к детям. Можно выделить с опорой на О.А. Карабанову такие виды наказаний, как физические наказания, вербальная агрессия, аффективное воздействие на ребенка, лишение любви, лишение каких-либо благ, ограничение активности ребенка, инициирование чувства вины, принуждение к действию, отложенный конфликт,

блокирование нежелательного действия, логическое обоснование, наказание естественными последствиями. Физическое наказание определяется как «намеренное причинение вреда, нанесение физического и психологического ущерба ребенку, связанное с переживанием боли, страхом перед болью, низведением и унижением личности ребенка» [65, с.97]. Отмечается абсолютная недопустимость физических наказаний. В основном негативный эффект имеют такие виды наказаний, как вербальная агрессия и аффективное воздействие (гнев, ярость). Лишение родительской любви, по О.А. Карабановой, несущее в основном негативное значение, может быть эффективным при условии, если носит ситуативный характер и относится к поведению, а не к личности ребенка. Наказаний следует избегать, за исключением таких видов, как блокирование нежелательного действия, логическое объяснение и наказание естественными последствиями.

Обязательность постановки ограничений, требований и запретов по отношению к ребенку в детско-родительских отношениях подчеркивает Ю.Б.Гиппенрейтер. Но при этом она отмечает, что их не должно быть слишком много и они не должны вступать в противоречия с потребностями ребенка. Она говорит, что применяя наказания к детям, лучше следовать тенденции лишения ребенка чего-то хорошего, чем делая ему плохо.

Негативное влияние и неэффективность форм контроля, базирующихся на авersiveных стимулах, также отмечал Б.Ф. Скиннер. Наказание как один из методов авersiveного контроля вызывает снижение самооценки, уверенности в себе и увеличение тревожности. Повышается риск эмоциональных расстройств. Негативное подкрепление как метод авersiveного контроля более эффективно, чем наказание, но менее эффективно, чем положительное подкрепление. Недостаточность систематического контроля в случае отрицательного подкрепления ведет к появлению вновь нежелательного поведения. Пространство, освободившееся в результате устранения нежелательного поведения, должно быть заполнено желательным, адаптивным, социальным поведением, что достигается по Б.Ф. Скиннеру положительным подкреплением [90].

Гуманистическая психология еще более категорично постулирует нежелательность и неэффективность наказаний. В основе воспитания должна быть любовь, принятие, безоценочность [92; 130].

Как показал К. Левин, угроза наказания приводит к возникновению у ребенка негативизма, снижает мотивацию выполнения поставленных задач [60; 83].

По мнению М.Раттера, вопрос о методах наказания является открытым [127]. Подводя итог множеству исследований в этой области, М. Раттер приходит к выводу о том, что большая часть данных отрицает особую эффективность наказаний. Он говорит о том, что не так важен применяемый метод наказаний и его строгость как частота наказания. Различия наказаний по тяжести практически не сказываются на их воздействии. Совсем иная картина складывается в отношении частоты применения наказаний к детям. Тенденция слишком часто наказывать своих детей негативно отражается на личностных особенностях и поведении ребенка. Автор отмечает высокую вероятность возрастания агрессивности и асоциальность поведения как результат постоянных наказаний в семье. Также он говорит, что применение наказаний к детям не всегда является реакцией на поведение ребенка. Враждебная атмосфера в семье, детско–родительские отношения, негативный социально-психологический климат в семье могут обуславливать частоту наказаний. Для того чтобы быть эффективными, дисциплинарные воздействия должны быть последовательными и согласованными между родителями. Также помимо системы наказаний необходима система поощрений.

В православной традиции нет стремления к тотальному ограничению ребенка во всем и культивированию в его отношении аскетизма. Скорее наоборот, священнослужители считают, что постоянными запретами можно отвернуть ребенка от веры и от церкви. Задача семьи – подвести ребенка к сознательному выбору веры, а не навязать ее. Дисциплина в семье служит цели научить ребенка умению контролировать свое поведение, подчинять импульсы и желания волевому контролю, служить высшим идеалам. Родители должны подавать пример такого поведения, при этом соблюдая баланс между строгостью и лаской.

Священники не отрицают необходимость наказаний в семье. В православной традиции отмечается, что нельзя наказывать детей с раздражением и злобой. При применении наказаний дети должны чувствовать любовь родителей и понимать, что наказание заслужено. Наказание не следует применять очень часто.

Существуют различные определения феномена физического наказания. Широкие определения физического наказания рассматривают его как жестокое обращение, включающее любые физические действия, которые можно рассматривать как проявление негативного отношения. Узкие определения термина включают побои, результаты которых можно наблюдать на телесном, соматическом уровне и которые могут иметь ощутимые психические последствия.

Еще один часто обсуждаемый аспект в определении физических наказаний – это намерение. Так, ряд исследователей своим определением физических наказаний отмечают, что это использование физической силы с намерением причинить болезненный опыт ребенку, но не имеющий для него вредных последствий и применяемый для коррекции и контроля его поведения. Критерий «намерения» является достаточно дискуссионным. Эта дискуссионность касается прежде всего трудности объективной фиксации в конкретном эмпирическом исследовании. В рамках нашего исследования мы используем определение физического наказания, данное в работах М. Перре, Д. Шоеби и Б. Планшерелем [Перре, Чумаков]. Физическое наказание в рамках их подхода определяется как использование физической силы родителями по отношению к детям независимо от намерения и эффекта. Для изучения данного явления в опросник включены индикаторы, близкие к привычным языковым оборотам родителей. Физическое наказание в рамках данного подхода интерпретируется в большей степени как примитивное средство социальной регуляции, которую в большинстве случаев трудно отличить от агрессивности. Физические наказания в рамках нашего исследования рассматриваются как средство социальной регуляции, имеющее в основном негативные психологические и педагогические последствия в детско-родительских отношениях, о чем свидетельствуют многие эмпирические данные, приводимые в



литературе [207]. В частности, установлены связи частоты физических наказаний с асоциальным поведением, делинквентностью и агрессивностью ребенка. Установлены корреляционные связи частоты физических наказаний с тревожными и депрессивными проявлениями у детей. По отношению к нефизическим наказаниям данные не столь однозначны, хотя частые наказания и наказания, основанные на низкой толерантности и фрустрированности родителей, имеют в основном отрицательные последствия [207].

В нашем исследовании используется термин взаимодействия, а не родственные ему термины отношения или взаимоотношения. Индикаторы, включенные в наш эмпирический анализ, во многом отражают именно действия испытуемых и частоту этих действий. Предполагаемый реципрокный характер связей между переменными приводит к выбору термина взаимодействие. Сказанное не отрицает важности терминов отношения, взаимоотношения и др.

Социальное взаимодействие в различных подходах предстает как очень широкая категория. В отдельном эмпирическом исследовании невозможно выделить и исследовать индикаторы, отражающие его во всей полноте. В нашем исследовании акцент делается на социальном взаимодействии в семье, что несколько сужает поле исследования, но все еще оставляет его очень обширным. В нашем исследовании эмпирическому анализу подвергается в основном такой вид социального взаимодействия, как практики родительского воспитательного поведения. Эти практики, сами являясь социальным взаимодействием, возникают не только как следствие личностных особенностей родителей, но и как реакция на социальное взаимодействие между детьми в семье, как следствие взаимодействия супругов в различных сферах семейной жизни и удовлетворенности этим взаимодействием, эмоциональных реакций родителей. Данные индикаторы включены в используемый в исследовании инструментарий.

## **1.4 Социальное взаимодействие в семье и религиозность личности родителей**

Социально-психологический анализ конструктов религиозности личности и социального взаимодействия обнаруживает их многообразные взаимосвязи. Личность формируется в социальном взаимодействии и, в свою очередь, обуславливает его. Она включается в системы социального взаимодействия различного уровня. Сама личность является многогранным психологическим образованием, и эти грани вписываются в системы социального взаимодействия, обуславливая особенности этих систем и, в свою очередь, обуславливаясь ими. Сложная динамика этой взаимообусловленности вытекает, в частности, из положений метасистемного подхода А.В. Карпова к личности и группе.

В данном параграфе мы рассматриваем частный вопрос взаимосвязи социального взаимодействия в семье и религиозности личности. Анализируя влияние семьи на развитие личности, В.Н. Дружинин изучает семью как фактор, оказывающий значительное влияние на человека. Важной характеристикой семьи он считает ее принадлежность к определенной культуре, в том числе культуре религиозной [52]. Он выделяет ряд функций, присущих семье. К ним относятся поддержание позитивного эмоционального климата в семье, который способствует удовлетворению потребности в безопасности, поддержке членами семьи друг друга, позволяющей ощущать собственную значимость и ценность, а также психологический комфорт. Выделяется воспитательная функция семьи, которая заключается в формировании и передаче ценностных ориентаций, традиций и накопленного опыта; создание условий для гармоничного развития личности членов семьи и построение прочных коммуникативных связей.

В христианской конфессии семье отводится существенная роль. Как показывает В.Н. Дружинин, структурно семейные отношения в христианстве представлены триадой Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой. Он считает, что, согласно христианству, человечество может строить семьи сообразно двум

моделям: идеальной (божественной) или реальной (земной). Идеальная семья олицетворяется с Богом Отцом, Богом Сыном и Богородицей. Таким образом, Бог Отец является творцом и наставником, и в основе такой семьи лежит принцип власти. Главенствующая роль отводится мужскому началу. В состав реальной семьи входят Иосиф Обручник, являющийся отцом-воспитателем, Иисус Христос и Дева Мария. Рассматривая отношения в идеальной, божественной семье, можно отметить, что фигура Отца является доминантной, но при этом и несущей ответственность. Если рассматривать взаимодействие членов этой семьи в психологической плоскости, то в ней отчетливо прослеживается стиль семейного воспитания по типу гиперпротекции. С точки зрения В.Н. Дружинина, идеальная, божественная семья несомненно является детоцентрической, где основной материнской задачей является воспитание сына и забота о нем. Отцу отводится главенствующая роль, он является субъектом власти. Мать подчиняется ему, но несет ответственность за воспитание сына. В христианской модели семьи отношения доминирования – подчинения строятся не на вражде, а, напротив, на любви. Обращаясь к Ветхому Завету, можно отметить, что отношения доминирования – подчинения строятся по принципу доминирования отца над матерью и доминирования родителей над детьми. Христианство предлагает и вариант земной семьи, которая по своей сути также является детоцентрической. Здесь отцу приписывается воспитательная функция, он несет ответственность за семейное благополучие, в первую очередь за благополучие ребенка. Доминирующую роль здесь играет фигура сына, Иисуса Христа. В этом отражен христианский взгляд на отношение к детям как Божьему дару. Христианская конфессия пропагандирует уважительное отношение к ребенку, любовь к нему, создание условий для реализации его потенциала. Христианская доктрина направлена на то, что бы оптимизировать личностные параметры и таким образом улучшить социальное взаимодействие. Так, гордыня, с которой христианство призывает бороться, разрушает социальные отношения, в том числе и семейные. Это может приводить к затяжным конфликтам и, как следствие, к неблагоприятному психологическому климату в семье. С другой же стороны,

удовлетворенность семейными отношениями, осознание собственной значимости для партнера снижают потребность в самоутверждении. Религиозность личности влияет на совершаемые ею поступки, обуславливает выбор модели поведения. Но в то же время и внешнее поведение оказывает влияние на религиозность личности. Являясь также следствием действия, религиозность личности увеличивается по мере следования человеком религиозным предписаниям.

По вопросу взаимодействия религии и семьи существовала и отчасти еще существует еще одна точка зрения. Она характерна для того периода в истории нашей страны и психологической науки, когда осуществлялись попытки идеологизировать данную область. Так, М.М. Усенкова пишет «Верующая семья не представляет собой какой-то особой формы семьи. Это такая же советская семья, как и семья неверующая: в ней живут наши советские люди, которые трудятся на социалистических предприятиях, руководствуются в своей жизни в основном социалистическими традициями и нравственными установками. Ее отличие – мировоззренческое. Муж и жена или один из них религиозны. Их религиозное влияние на детей реально дает свои плоды и в условиях реального социалистического общества, а значит, актуальной остается задача секуляризации семейно-брачных отношений как одного из главных условий коммунистического воспитания личности в семье» [156, с.89]. Можно сказать, что подходы к религиозности и влиянию религиозности на семью как с светских, так и с конфессиональных позиций отличаются идеологической предвзятостью и недостатком эмпирических данных.

Вопросы влияния религиозности личности на субъективное благополучие, в том числе и в семейных отношениях, на протяжении длительного времени остаются дискуссионными. Некоторые ученые, в частности З. Фрейд, полагали, что религиозность личности негативно сказывается на субъективном благополучии человека, развивая в нем чувство вины и угнетая эмоциональные процессы. С другой стороны, ряд исследований подтверждает, что религиозная активность в целом положительно отражается на психологическом состоянии человека [47; 194; 215]. Религиозно ориентированные люди менее подвержены

депрессиям, легче переживают кризисные ситуации, скорее восстанавливаются, пережив ситуацию утраты. Также религиозные люди чаще испытывают ощущение счастья по сравнению с менее религиозными людьми. Такая взаимосвязь религиозности личности и субъективного благополучия во многом обуславливается причастностью, принадлежностью к религиозному сообществу и тесному взаимодействию с другими членами церкви, возможностью придать жизни смысл, выйти за рамки обыденности, фокусируясь на трансцендентном и обретая надежду.

В своем исследовании Н.Р. Мингазова отмечает возрастание религиозности в семьях, где сильны культурные традиции. Такие исследователи, как А. Адлер, Э. Берн, Э. Фромм констатировали, что проблемы взаимосвязи семьи и религии находят свои истоки в межличностных отношениях в семье. Одной из задач диссертационного исследования Н.Р. Мингазовой стало раскрытие влияния религии на формирование личности. Ею было установлено, что семья, являясь предпосылкой перехода человека в период зрелости, опирается на передающиеся из поколения в поколение духовные ценности. Семья и религия, являясь фундаментальными социальными институтами, объединяются и создают условия для гармоничного взаимодействия человека с природой и обществом. Религия оказывает влияние на формирование семейных традиций. При этом Н.Р. Мингазова подчеркивает, что религиозность личности не является залогом семейного счастья, особенно если она принимает крайние формы, такие как религиозный фанатизм [96]. Е.А. Азарова отмечает, что в православной и светской педагогике представлены три точки зрения на понятие семьи [9]. Первая понимает семью как институт социализации и первичную ячейку общества. Вторая рассматривает семью как малую церковь. Это позиция христианской, православной педагогики, основанием для которой является Священное писание и Священное Предание. Задача христианской педагогики – введение детей в жизнь церкви. Третья точка зрения интегрирует первый и второй подходы, пытаясь согласовывать позиции научной психологии и педагогики с позициями церкви. Этой точки зрения придерживаются Н.И. Пирогов, В.И. Слободчиков, К.Д.

Ушинский, и др [123; 142; 157]. Е.А. Азарова рассматривает православное просвещение как одно из направлений психолого-педагогической профилактики насилия над детьми в семье. В числе способов реализации этого направления профилактики автор видит взаимодействие семьи, школы, церкви и воцерковления [9]. Вводя в общую педагогику понятие «православное семейное воспитание», она раскрывает содержание такого воспитания как послушание, уважение родительского авторитета, молитва, воцерковление, любовь в семье и к людям [9]. Автор приводит результаты опроса пятисот человек в возрасте от 18 до 25 лет, которые свидетельствуют о том, что есть факты, наличия насилия над ребенком в каждой второй семье (в 213 случаях речь идет о психологическом насилии, а в 113 случаях – о физическом). По результатам этого же опроса 85 процентов респондентов считают себя православными христианами [9]. Тем не менее, анализируя всю совокупность принципов православного и светского воспитания, Е.А. Азарова отмечает, что христианская система не противоречит, а углубляет гуманистическую ориентацию светской педагогики и является эффективной педагогической системой воспитания [9].

Эмпирическое исследование А.М. Двойных, направленное на выявление некоторых личностных особенностей православной молодежи, обнаруживает определенную специфику ее ценностно-смысловых ориентаций [46]. Так, православная молодежь в силу христианских установок на смирение и послушание проявляет большую толерантность к священнику и родителям, чем светская молодежь. Разница в проявлении толерантности к сверстникам не столь очевидна. Автор объясняет эмпирические данные двойственностью христианских и мирских ценностно-смысловых ориентаций, которые пересекаются в ценностно-смысловой сфере личности. А.М. Двойных использует понятие религиозной ценностно-смысловой ориентации, способствующей обретению и поддержанию личностных смыслов. По параметру осмысленности жизни существенных различий между православной и светской молодежью не обнаружено, за исключением фактора «процесс жизни». Различия по данному фактору означает по интерпретации А.М. Двойных, что религиозный образ жизни

способствует ощущению эмоциональной насыщенности жизни и наполненности смыслом «здесь-и-сейчас». Несмотря на частные различия, анализируя данные по осмысленности жизни в целом, автор приходит к выводу, что общая осмысленность жизни верующей и светской молодежи одинакова. Итак, в данном исследовании предполагается, что религиозная ценностно-смысловая ориентация затрагивает мотивацию в различных жизненных сферах, таких как работа, учеба и семья. Эмпирические данные по сравнению личностных особенностей православной и светской молодежи не однозначны. Однако достаточно четко проявляется преобладание толерантных реакций по отношению к священнику и родителям у православных молодых людей.

О том, что религиозность влияет на личность и социальное взаимодействие не однозначно, говорит А.В. Романов, отмечая, что «религия усиливает наши природные как положительные, так и негативные качества» [132, с120]. А.В. Романов среди типов религиозности выделяет и негативные. Например, авторитарную религиозность, которая может перейти в фанатизм.

Как показал С.З. Мюнн, проведя исследование на выборке американских родителей, не всякое обращение к религии ведет к позитивному влиянию на личность ребенка. Если религиозная мотивация используется родителями лишь в целях навязывания детям определенных дисциплинарных требований, то такая ситуация усиливает авторитарность отношений. В данном случае речь идет не столько о вере и религиозности, сколько об их использовании. Автор назвал этот тип отношений «альянсом с Богом» и показал, что он способствует формированию авторитарных черт у ребенка [217].

Как показывает О.С. Сермягина, религиозность, как правило, противодействует эгоцентрической и потребительской установкам личности. Тем самым религиозность способствует снижению межличностной напряженности в семье, так как в ее исследовании показано, что эгоцентрически-потребительская установка в сфере семейных отношений является фактором межличностной напряженности [140]

Одним из выводов исследования А.А. Васильченко является положение о том, что выбор жизненного пути в сфере православного служения создает условия для развития толерантности, хотя за этой толерантностью может стоять различная мотивация, а не только сущность личностной позиции по отношению к людям [35].

Итак, исследования показывают влияние религиозности личности на социальное взаимодействие в семье и на воспитание детей. С одной стороны, на социальное взаимодействие, детско-родительские и педагогические отношения влияет содержание религиозных доктрин. Это влияние не является непосредственным, так как положения той или иной религии могут интериоризовываться конкретной личностью в процессе социализации не полностью. С другой стороны, интериоризуясь, положения той или иной религии преломляются через внутренние условия и включаются в неповторимую индивидуальность конкретного человека. Кроме того, в рамках одной и той же религиозной системы, например в рамках христианства, существуют различные направления, дискуссии, различные точки зрения. В данном случае мы можем говорить о потенциальном влиянии содержания той или иной религиозной системы с акцентом на те позиции, которые признаются в ней наиболее устоявшимися. В данном вопросе целесообразно остановиться на религиозности личности на примере какой-либо одной религиозной системы, например христианской, как в нашем исследовании. Вполне вероятно, что традиционные религиозные системы имеют сходное влияние на семейное социальное взаимодействие, но вопрос о сопоставлении содержания религиозных доктрин с этой точки зрения требует детального анализа. С нашей точки зрения, содержание христианских религиозных доктрин оказывает положительное влияние на семейное социальное взаимодействие, оптимизирует отношения в семье.

С другой стороны, религиозность личности имеет, как было показано выше, сложное системное и метасистемное строение. Религиозность личности включена в общую систему психического и функционирует в рамках конкретной личности. В процессе социализации формируются различные виды религиозности личности, религиозность имеет различные грани в зависимости от других личностных черт.



В зависимости от характера включения религиозности как подсистемы в общую систему личностных особенностей будут изменяться и особенности ее влияния на социальные системы, в которые включается личность. Соответственно, будет в известной степени варьировать и влияние религиозности личности на социальное взаимодействие. Указанные факторы вариативности делают гипотезы об исследуемых взаимосвязях религиозности личности и социального взаимодействия в семье не однозначными и не очевидными.

Еще одним аспектом изучения религиозности личности является глубинная религиозность, связанная с общими закономерностями функционирования сознания [70]. Такое углубление нивелирует различия между конкретными религиозными доктринами [218]. Психологические теории, исследующие религиозность на этом уровне, используют понятия Абсолюта, Конечной инстанции и др., подчеркивая внеконфессиональность исследовательской парадигмы [218]. Религиозность в таких подходах исследуется у широкого круга людей, а не только у прихожан конкретной церкви, конфессии. Научные данные дают основания предполагать, что такого рода религиозность связана с постановкой экзистенциальных проблем и в целом гуманизирует личность и системы социального взаимодействия, в которые она включена.

В подходе Е.Л. Доценко, который рассматривает семантическое пространство личности и общения, раскрывается возможность влияния религиозности личности на социальное взаимодействие в семье [51]. Сакральность и профанность понимается им на основе семантического анализа как характеристики мифосмысловых оснований мира субъекта. Эмпирическое исследование семейных мифов, проведенное ученым, показывает, что мифологические представления о сущности семьи реализуются в реальном общении. Совпадение мифосмысловых оснований семейной жизни у супругов ведет к глубинному личностному контакту и более высокой удовлетворенности семейной жизнью. Сакральный опыт социума, по мнению Е.Л. Доценко, задает идеальное представление о семье и установку долженствования. Как он справедливо отмечает, семья как конкретная социальная структура удалена от своего образца,

воплощенного в святом семействе. Тем не менее установки, заданные сакральным опытом общества и присвоенные членами семьи, могут быть рассмотрены в качестве мифа конкретной семьи. Конкретный психологический анализ семей, проведенный исследователем, показал, что в семейном социальном взаимодействии фиксируются религиозные идеалы. Например, христианский православный идеал семьи, модель семьи языческого типа или модель семьи католического типа. Таким образом, мифологический фундамент сознания личности влияет на социальное взаимодействие в семье путем форматирования пространства взаимодействия. Форматирование задает конфигурацию семантического пространства взаимодействия, включающую многие параметры, такие как виды контакта, степени его глубины, общий эмоциональный тон и другие [50]. Наше исследование строится на иной основе, опирается на иные методы. Однако связь глубинного сакрального религиозного измерения и социального взаимодействия в семье, раскрытая Е.Л. Доценко теоретически и эмпирически на примере конкретных семей, имеет для нас важное значение. На конкретном психологическом материале продемонстрирована принципиальная возможность влияния религиозности личности на социальное взаимодействие в семье.

Социальное взаимодействие связано с религиозностью личности реципрокными отношениями. Социальное взаимодействие в определенном контексте культуры обуславливает характер религиозных воззрений, интериоризуемых индивидом. Как показал А. Вергот, религиозные воззрения и религиозность личности такого основоположника психологии религии, как У. Джеймс, во многом определялись его социальным окружением. Обратное направление в рассматриваемом реципрокном взаимодействии задается глубинной религиозностью личности, вытекающей, по мнению ряда исследователей, из самой природы психики и сознания или, как считают другие авторы, сформированной под воздействием среды. Обе тенденции создают сложную картину исследуемой реальности. Необходимо накопление эмпирических фактов для рассмотрения различных сторон этой сложной системы.

Предметом нашего анализа являются взаимосвязи религиозности личности и социального взаимодействия в семье. В рассматриваемой проблематике существенно установить эмпирически наличие таких взаимосвязей. Еще более существенно исследовать содержательную сторону взаимосвязей, понять каким образом они опосредуются. В нашем исследовании данная проблематика исследуется на примере социального взаимодействия в семье. Рассматриваются воспитательные практики родителей, ситуации взаимодействия между детьми, удовлетворенность супругов различными аспектами семейного социального взаимодействия. Значительное внимание уделяется наказаниям детей. Эта сторона социального взаимодействия в семье нередко становится предметом обсуждения в обществе и вызывает споры. Немало дебатов и в отношении религиозного воспитания и его влияния на личность ребенка, что свидетельствует об актуальности избранного направления исследований на стыке религиозности личности, социального взаимодействия, наказаний детей в семье. Эмоциональный характер, который порой приобретает обсуждение рассматриваемых в исследовании проблем в обществе, свидетельствует не только об их значимости, но и о недостатке эмпирических данных.

Таким образом, можно констатировать, что религиозность личности, будучи очень сложным психологическим феноменом, различным образом взаимосвязано с характером социального взаимодействия личности и его особенностями. В целом эти взаимосвязи отражают ситуацию, когда высокие показатели религиозности личности соотносятся с положительными характеристиками социального взаимодействия. Однако существует множество конкретных особенностей религиозности личности, религиозной социализации, множество особенностей включения религиозности в общий контекст личностных качеств, что делает предмет исследования многоаспектным и комплексным, нуждающимся в накоплении эмпирических фактов. Получение эмпирических подтверждений в данной области особенно значимо, учитывая достаточно большую ее подверженность идеологическим влияниям.

## ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выбор психодиагностических методов и методик обусловлен объектом и предметом исследования. Соответственно, для решения задач эмпирического исследования был сформирован диагностический блок, направленный на измерение религиозности личности и социального взаимодействия в семье.

Эмпирическое исследование религиозности личности имеет свою специфику. Ю.М. Зенько выделяет ряд трудностей, с которыми сталкивается психология религии, исследуя религиозность личности [61]. К объективным ограничениям относятся проблемы, связанные со способом исследования религиозности личности, а также с местом и временем. К субъективным ограничениям можно отнести ограничения мировоззренческого, нравственного и религиозного характера. Психометрический подход позволяет количественно измерить религиозность личности, но сама процедура тестирования является весьма трудоемкой как для экспериментатора, так и для испытуемых. Также имеют место трудности, связанные с набором достаточного объема выборки.

В исследовании были использованы тесты М. Перре, направленные на выявление родительского воспитательного поведения и социального взаимодействия в семье. Среди них:

1 Опросник частоты применения родителями наказаний (Deneker, Perrez, Ewert, Moggi) [179; 221]. С его помощью определяются виды наказаний, используемых родителями, и степень интенсивности данных видов наказаний. В шкалах опросника учтены наказания, наиболее часто применяемые к детям. Их диапазон достаточно широк и включает физические наказания, запреты, выражение недовольства, угрозу наказанием в будущем, требование извинений. Шкалы содержат наказания, неприемлемые в воспитательной практике (например, дать оплеуху), нейтральные (например, запрет просмотра телевизионных передач), а также наказания, имеющие определенный конструктивный потенциал. В последних содержится требование исправить вред, нанесенный поведением

(например, извиниться). Опросник содержит различные ситуации из жизни семьи. Они выявлены в исследованиях как достаточно типичные и наиболее активно побуждающие родителей к наказанию своих детей. Это ситуации социального взаимодействия, касающиеся детско-родительских отношений, а также отношений между детьми. Частота наказаний по каждому из его видов измеряется по шести позициям.

2 Тест определения частотности применения родителями физических наказаний (Deneker, Perrez, Ewert, Moggi) [179; 221]. Данный инструмент предполагает пять вариантов ответа по степени возрастания частоты использования наказаний. Тест дополняет предыдущий, делая больший акцент на физических, как правило, неприемлемых наказаниях. Данный тест по сравнению с предыдущим измеряет сходную реальность, расширяя реестр исследуемых наказаний и позволяя увеличить надежность измерения частоты применения запретительных практик. Наказания, исследуемые данными тестами, были разделены нами на деструктивные, конструктивные и нейтральные. К деструктивным относится большинство физических наказаний. Например, такой вид наказания как порка (рукой), шлепание ребенка, оплеуха. К конструктивным наказаниям относятся такие наказания, которые дают ребенку возможность осознать последствия своего поведения и исправить их. Например, это требование извиниться. К нейтральным наказаниям относятся большинство запретов. Например, запрет идти играть с товарищами после обеда или запрет на просмотр телевизионных передач.

3 Шкала определения степени подавленности родителей семейными обязанностями (Perrez) [179; 221]. Степень подавленности определяется в градации от одного до шести.

4 Шкала измерения терпимости родителей к поведению ребенка (Perrez) [179; 221]. Тест фиксирует уровень раздраженности родителей в отношении поведения детей. В нем перечислены различные поведенческие реакции детей, предполагающие возможную негативную реакцию родителей и фиксируется в баллах степень раздражения родителей. Поведенческие проявления, которые

могут вызвать раздражения, достаточно часто встречаются у детей. Ребенок плохо учится, устраивает беспорядок, неправильно ведет себя за столом, проявляет нечестность, невежливость, не хочет помогать родителям, слишком много времени проводит у телевизора, просыпается ночью, не слушается. Родители отмечают, насколько они раздражаются по поводу данных проявлений в поведении ребенка по четырехбалльной шкале. Можно анализировать как пункты шкалы в отдельности, так и общий показатель. Общий показатель отражает толерантность родителей как качество личности, а отдельные индикаторы проясняют его дифференцированное отношение к конкретным поведенческим проявлениям ребенка.

5 Показатель времени, прошедшего с момента последнего физического наказания (Perrez) [179; 221]. Испытуемый дает отчет о том, какое время прошло после того, когда ребенок наказывался физически. Данный показатель рассматривается как дополнительный по отношению к первым двум тестам батареи. Он является косвенным и включает четыре временных отрезка, минимальный из которых – семь дней, а максимальный – более шести месяцев. С точки зрения М. Перре, введение данного показателя в батарею тестов целесообразно именно потому, что он не прямой и менее подвержен социальной желательности.

6 Шкала выраженности у супругов основных эмоций (Perrez, Schoebi, Wilhelm) [179; 221]. Данная шкала определяет проявление у родителей печали, тревожности, радости, вины, гордости, смущения и неудовлетворенности. Совокупность данных эмоций, взятых с различными знаками, дают показатель эмоционального стресса. Данная шкала операционализирует подход к эмоциональному стрессу М. Перре.

7 Тест измерения удовлетворенности семейной жизнью (Perrez) [179; 221]. Данный тест фиксирует удовлетворенность родителей различными сферами функционирования семьи. Сюда относятся такие показатели, как способность родителей контролировать стрессовые ситуации, распределять обязанности в семье, обсуждать проблемы и принимать решения, заботиться друг о друге,

сохранять благоприятную семейную атмосферу. Шкала по каждой из указанных позиций предполагает градацию в континууме от одного до шести. Первоначально испытуемый должен определить удовлетворен он или не удовлетворен, а затем осуществить выбор позиции, выражающей степень удовлетворения или неудовлетворения в числовом значении.

8 Шкала искренности (Crown, Marlow) [179; 221]. Позволяет определить тенденцию испытуемого давать социально желаемые ответы. Она содержит девять вопросов, достаточно типичных для подобного рода шкал и выявляющих склонность испытуемого давать неискренние ответы, или его неритичность в отношении себя самого. Сюда, например, входят такие вопросы, как «когда я чего-либо не знаю, я всегда признаю это», «я никогда не раздражаюсь, когда меня просят об услуге», «порой я не проявляю упорства в работе, если не получаю поощрения».

9 Тест определения реакции родителей на примененное наказание (Perrez) [179; 221]. В тесте измеряются защитные и открытые реакции родителей. Примерами защитных реакций являются утверждение, что крепкое наказание иногда необходимо как хорошее воспитательное средство, или утверждение, что дети прекрасно переносят, когда их шлепают. К открытым реакциям относятся обсуждение ситуации с партнером, утешение ребенка и подобные им, также относящиеся к сфере социальных взаимодействий. Кроме того к открытым относятся интрапунитивные реакции самоупреков, укоров совести. Каждая реакция оценивается по шкале из четырех пунктов. Показатели по открытым и защитным реакциям считаются отдельно, в результате чего тест разбивается на две субшкалы.

10 Показатель выраженности стресса в семейной жизни (Perrez, Schoebi, Wilhelm) [179; 221]. Небольшая по размеру шкала представляет собой ответ на вопрос, переживал ли родитель стрессовую ситуацию (или несколько стрессовых ситуаций) в течение последних шести месяцев. В случае положительного ответа по четырехбальной шкале измеряется степень, в которой эта ситуация продолжает влиять в настоящий момент.

Также в исследовании был использован ряд методик, направленных на измерения различных параметров религиозности личности. Нами был осуществлен перевод данных тестов, проверка некоторых психометрических параметров и апробация на русскоязычной выборке.

11 Шкала субъективного благополучия в религиозной сфере (Paloutzian, Ellison) [211]. Данная шкала отражает субъективное качество жизни и измеряет духовное благополучие субъекта. Она включает в себя две подшкалы: шкалу измерения субъективного благополучия, связанного с религиозным опытом («вертикальное» измерение субъективного благополучия), и шкалу измерения экзистенциального субъективного благополучия («горизонтальное» измерение). Субъективное благополучие в религиозной сфере представляет собой разновидность субъективного благополучия, связанного с религиозностью личности. Субъективное благополучие в религиозной сфере операционализируется в конкретных психометрических индикаторах. В рамках нашего исследования конструкт субъективного благополучия в религиозной сфере предполагает удовлетворенность от личного обращения к Богу с помощью молитвы, от веры в то, что Бог заботится и любит, помогает в решении проблем, спасает от одиночества. Подшкала, измеряющая экзистенциальное субъективное благополучие, фиксирует, в какой степени человек ощущает гармонию с окружающим миром, обществом и самим собой. Она включает понятие экзистенциальной жизненной цели, удовлетворенности жизнью, позитивного и негативного жизненного опыта. Шкала содержит двадцать пунктов, по десять на каждую подшкалу. Все пункты шкалы измерения субъективного благополучия, связанного с религиозным опытом, содержат слово «Бог». Вопросы же шкалы измерения экзистенциального субъективного благополучия не содержат специфических религиозных терминов и касаются жизненных целей, удовлетворенности и т.д. Половина вопросов шкалы прямые, остальные – обратные. Ответы производятся в соответствии со шкалой Ликерта. Примеры пунктов:

- Я верю, что Бог любит меня и заботится обо мне.



- Я чувствую, что жизнь полна конфликтов и несчастий.

12 Шкала копинга, основанного на религиозности (Pargament, Ensing, Falgout, Olsen, Reilly, Van Haitzma, Warren) [211]. Отражает степень обращения человека к религии с целью борьбы со стрессовыми жизненными обстоятельствами. В данной шкале представлены шесть религиозных копинг-стратегий, которые основаны на:

- личном отношении человека к Богу, доверии и любви к нему;
- стремлении соответствовать поведению, принятому в обществе верующих;
- тенденции полагаться на поддержку членов церкви или религиозной общины;
- склонности обращаться к Богу с просьбой о помощи в решении личных проблем;
- степени отчужденности и злости по отношению к Богу и церкви;
- уровне погружения в веру, с целью отвлечения внимания от стрессовых обстоятельств, ограждения от них.

Шкала содержит двадцать девять пунктов, включающих в себя как прямые, так и обратные вопросы. Примеры пунктов.

- Я молюсь или читаю Библию, чтобы оградить свой разум от проблем.
- Я принимаю помощь от священников.

13 Шкала измерения общей религиозности личности (DeJong, Faulkner, Warland) [211]. Шкала основывается на многомерном представлении о религиозности, опирающемся на подходы Ч. Глок и Р. Старк [209]. Тест состоит из шести субтестов, каждый из которых диагностирует определенную сторону религиозности, выделенную с помощью факторного анализа. Эти субтесты таковы:

- 1) Измерение веры. Этот субтест касается измерения веры в Бога, веры в бессмертие, в жизнь после смерти, в силу молитвы, в священные писания.
- 2) Религиозный опыт. Касается ощущения присутствия Бога, его близости.
- 3) Религиозное поведение. Касается принадлежности человека к церкви, оказание материальной помощи церкви, чтения Библии, активного участия в жизни церкви.

4) Религиозные моральные принципы. Касается принятия или непринятия этических принципов, касающихся сексуального поведения, насилия, жестокости, чести.

5) Религиозные знания. Измеряет способность узнавать библейские персонажи.

6) Религиозные социальные нормы. Касается отношения человека к нищете, смертной казни.

Примеры пунктов:

- Принадлежите ли Вы в настоящее время к церкви?

- Мне знакомо такое чувство как раскаяние и переживание прощения греха.

- При определенных обстоятельствах женщина может сделать аборт.

Таким образом, тест, измеряющий религиозность, представляет ее на операциональном уровне как совокупность доступных наблюдению и самонаблюдению психологических и поведенческих особенностей. Религиозность предстает как психометрическая величина, континуум, на одном полюсе которого находится высоко религиозный человек, а на другом – человек, у которого религиозность личности выражена слабо. Если обобщить операциональные показатели теста, то личность с высокой религиозностью будет характеризоваться верой в воскресение и жизнь после смерти, признанием существования рая и ада, уверенностью в существовании Бога и в том, что Бог прямо и косвенно вмешивается в человеческую историю. Личность с высокой степенью религиозности отличается тем, что она использует понятие греха и понимает его как отказ жить в соответствии с волей Бога. Понятие греха для личности с высокой религиозностью не является только абстрактным. Оно включено в реальную регуляцию поведения на эмоциональном уровне как чувство раскаяния и переживания прощения греха, радость от осознания этого прощения. Молитва понимается как обращение к Богу, а Библия – как слово Божие. Религиозная личность – это личность, которая чувствует взаимную связь с Богом, в жизни которой были моменты, когда чувствовалась близость Бога. Человек с высокой степенью религиозности личности регулярно (еженедельно) посещает церковные службы, осознает принадлежность к церкви, делает пожертвования церкви,

регулярно читает Библию для удовлетворения религиозных нужд, знает содержание Ветхого Завета и Нового Завета. Убеждения религиозной личности, фиксируемые тестом, можно обозначить следующим образом. Высокий уровень религиозности личности соответствует представлениям о вреде алкогольных напитков и наркотиков (даже легких), добрых сексуальных связей. Для данного полюса религиозности характерны убеждения в неприемлемости воровства, насилия и аборт. Религиозная личность характеризуется как социально и гуманистически ориентированная с представлениями о необходимости заботы о малообеспеченных группах населения, пожилых людях и об отмене смертной казни.

Противоположный полюс, полюс низкой религиозности личности, фиксируемый тестом, можно охарактеризовать следующим образом. Личность с низкой выраженностью религиозности не верит в Бога и в бессмертие ни в каком виде, не верит в то, что Бог вмешивается в человеческую историю. Понятие «грех» отсутствует, личность с низкой степенью религиозности не верит в его существование. Соответственно понятие греха не действует как регулятор поведения на эмоциональном уровне. Человеку с низкой религиозностью незнакомо чувство раскаяния в грехе и радость от осознания того, что грех прощен. Молитва не рассматривается как связь личности с Богом, а Библия представляется как собрание мифов и фантастических историй. Человек с низкими показателями по тесту религиозности характеризуется тем, что не имеет опыта, который можно было бы назвать религиозным, ему не знакомы ощущения близости Бога. Человек с низкой религиозностью личности никогда не посещает церковные службы, не чувствует принадлежности к церкви и никогда не делает пожертвований церкви. Он никогда не читает Библию и не знает содержание Ветхого Завета и Нового Завета. Согласно тесту, убеждения личности с низким уровнем религиозности можно выразить следующим образом. Личность с низким уровнем религиозности не считает вредным употребление алкогольных напитков и наркотических веществ, а добрые сексуальные отношения не классифицируются им как аморальные. Для данного полюса религиозности

воровство, насилие, аборт могут быть оправданы. У личности с невысокими показателями религиозности нет ярко выраженной социальной и гуманистической направленности. Они не центрированы на заботе о малообеспеченных социальных группах и пожилых людях, в некоторых случаях они считают допустимым применение смертной казни.

Более подробный перечень пунктов тестов религиозности личности приведен в приложениях А, Б, В, Г.

Нами был осуществлен перевод методик диагностики религиозности, проверка их психометрических параметров и апробация на русскоязычной выборке.

Конструктивная валидность шкалы общего измерения религиозности определялась путем корреляции ее показателей с показателями методики диагностики религиозной активности Д.О. Смирнова [143]. Эта валидность проверялась на выборке 62 человека (30 мужчин и 32 женщины), а также с самооценкой религиозности на выборке 201 испытуемый (132 женщины и 69 мужчин). Мы получили следующие корреляции. Общий балл по шкале религиозности личности – шкала религиозных переживаний 0.53. Общий балл по шкале религиозности личности – шкала естественного – естественнонаучного мировоззрения 0.55. Общий балл по шкале религиозности личности – шкала религиозных действий 0.27. Общий балл по шкале религиозности личности – общий показатель религиозной активности 0.62. Общий балл по шкале религиозности личности – самооценка религиозности 0.66. Данные корреляции указывают на удовлетворительную конструктивную валидность шкалы диагностики религиозности личности. Интеркорреляции шкал методики таковы. Общий балл по шкале религиозности личности – шкала измерения веры 0.85. Общий балл по шкале религиозности личности – шкала измерения религиозного опыта 0.63. Общий балл по шкале религиозности личности – шкала оценки религиозного поведения 0.44. Общий балл по шкале религиозности личности – шкала измерения религиозных моральных принципов 0.51. Шкала измерения веры – шкала измерения религиозного опыта 0.59. Шкала измерения веры – шкала оценки религиозного поведения 0.39. Шкала измерения веры – шкала измерения

религиозных моральных принципов 0.23. Шкала оценки религиозного поведения – шкала измерения религиозного опыта 0.40. Ретестовая надежность проверялась путем повторного тестирования испытуемых через четыре недели. Выборку составили 62 человека. Показатель ретестовой надежности равен 0.81. Анализ пунктов, проведенный нами на выборке 201 человек, показал приемлемые результаты.

Шкала Spiritual Well-Being (SWB) имеет следующие психометрические характеристики. Ретестовая надежность проверялась путем повторного тестирования испытуемых через четыре недели. Показатель шкалы SWB равен 0.74, а для подшкалы EWB его значение 0.91. Анализ пунктов, проведенный нами на выборке 93 человека, показал удовлетворительные результаты. Индекс трудности находится в пределах нормы. Для отдельных пунктов он составляет следующую величину: 1) 0.50; 2) 0.6; 3) 0.74; 4) 0.82; 5) 0.45; 6) 0.37; 7) 0.52; 8) 0.74; 9) 0.41; 10) 0.33; 11) 0.53; 12) 0.20; 13) 0.51; 14) 0.20; 15) 0.47; 16) 0.61; 17) 0.46; 18) 0.20; 19) 0.46; 20) 0.20. Конструктивная валидность проверялась подсчетом корреляции между SWB и ШСБ на выборке 73 человека. Коэффициент корреляции оказался равен – 0.26 и значим на уровне 0.05 (показатель по ШСБ – обратный). Исследованные психометрические параметры шкалы SWB подтверждают приемлемость ее русскоязычного варианта для использования.

На втором этапе исследования мы отобрали ряд методик, позволяющий рассмотреть положение религиозности в структуре личностных качеств. Задача состояла в том, чтобы рассмотреть широкий спектр личностных качеств и определить положение религиозности личности в межличностном пространстве. Калифорнийский тест дает именно такое комплексное представление о личности. Это представление нуждалось, с нашей точки зрения, в диагностике самосознания. Методика С.Р. Пантлеева избрана исходя из того, что она диагностирует достаточное число различных особенностей самоотношения личности, выявленных факторным анализом и также отвечает идее широкого охвата личностных качеств. Подобные аргументы применимы и к выбору методики определения уровня субъективного контроля. Тест Г.Айзенка и

методика диагностики рефлексивности дополняют анализ интегральными качествами личности. Кроме того, литературные данные позволяют предположить высокую рефлексивность у религиозных людей. В итоге во второй серии исследования использовались следующие опросники:

1 Психодиагностическая методика определения индивидуальной меры рефлексивности А.В. Карпова [68]. Содержит 27 утверждений, на которые испытуемому предлагается дать ответ согласно семибалльной шкале. Позволяет оценить два основных вида рефлексии: рефлексиию деятельности субъекта, или саморефлексиию, и рефлексиию внутреннего мира других людей. В зависимости от временной функции рефлексиию деятельности субъекта выступает в трех формах: ретроспективной, ситуативной и перспективной.

2 Методика исследования самоотношения С.Р. Пантлеева [116]. Содержит девять шкал, семь из которых отражают положительное отношение субъекта к самому себе и две – отрицательное. Совокупный показатель по девяти шкалам является интегральной характеристикой самоотношения.

3 Личностный опросник «НЭП» Г. Айзенка в адаптации А.А. Рукавишникова и Л.А. Сосниной [137]. Содержит 90 утверждений и позволяет диагностировать такие личностные параметры, как нейротизм, экстраверсия, психотизм. Также содержит шкалу лжи.

4 Калифорнийский психологический опросник (CPI) Х.Г. Гау в адаптации Н.А. Батурина, И.М. Дашкова, Н.А. Курганского [39]. Содержит 480 утверждений и позволяет оценить важные для социального взаимодействия характеристики личности. В его состав входят 18 шкал, сгруппированных в 4 класса, которые дают возможность получить значимую информацию по вопросам особенностей межличностного поведения, семейных отношений и многим другим.

5 Опросник определения уровня субъективного контроля Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, Л.Н. Эткинда [19]. Содержит 44 утверждения и позволяет оценить преобладание интернального или экстернального локуса контроля у испытуемого по семи шкалам.

## **Методы математической обработки данных**

Для выявления корреляционных взаимосвязей между переменными в исследовании был использован коэффициент корреляции Пирсона. Этот метод позволяет выявить силу и направление взаимосвязи между двумя переменными. Корреляция признается достоверной при достижении величиной  $r$  критического значения или его превышении. Вычисление коэффициента корреляции Пирсона проводилось в пакете анализа «SPSS» [103].

Для выявления типов испытуемых использовался кластерный анализ, основной задачей которого является редукция данных путем группировки испытуемых по некоторым общим признакам. Процедура кластерного анализа представляет собой выделение ряда групп, объединенных на основании совокупности характеристик. Сравнение средних проводилось по критерию Стьюдента. В случае отклонения распределения от нормального использовался критерий Манна-Уитни. Критерии предназначены для оценки различий между выборками по уровню развития какого-либо признака.

### **ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ РЕЛИГИОЗНОСТИ ЛИЧНОСТИ РОДИТЕЛЕЙ И СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СЕМЬЕ**

#### **3.1 Религиозность личности родителей, удовлетворенность семейной жизнью и частота применения практик наказаний к детям**

Социально-психологическая и педагогическая компетентность родителей требует развития соответствующего пространства научно-психологических исследований. Просветительская, психологическая работа с родителями только тогда будет эффективной и востребованной, когда она будет опираться на прочный фундамент эмпирических данных, а не на умозрительные выводы и социальные мифы. Вместе с тем научно подтвержденных данных в этой области явно недостаточно. Особенно очевиден этот недостаток в сфере изучения взаимосвязей социально-психологического взаимодействия в семье и особенностей религиозности личности. По вопросам семейного взаимодействия и религиозности личности много споров в обществе, много различных мнений, но очень мало достоверных психологических фактов. Такие особенности сферы семейного взаимодействия, как социально-психологический, эмоциональный климат в семье, семейные стрессы, наказания детей в семье, связываются в нашем исследовании с параметрами религиозности личности, что определяет его новизну и актуальность.

Целью исследования является выявление взаимосвязей между особенностями религиозности личности и некоторыми параметрами социального взаимодействия семье.

Гипотезы, проверяемые на данном этапе исследования, состоят в следующем:

1 Испытуемые, имеющие высокие показатели по шкале субъективного благополучия в религиозной сфере, в большей степени удовлетворены



различными сферами семейной жизни. Они чаще используют религию как копинг стресса и менее подвержены эмоциональному стрессу.

2 Особенности применения наказаний родителями к детям связаны с религиозными особенностями их личности. Родители с более высокими показателями по шкале религиозности реже наказывают своих детей.

Описание выборки: выборку исследования составили 201 человек (132 женщины и 69 мужчин) в возрасте от 22 и до 45, имеющих детей в возрасте до 16 лет. Учитывался образовательный уровень родителей, интенсивность и характер их профессиональной активности, семейный статус (женат, женат вторично, разведен, вдовец), количество детей. Выборка сбалансирована таким образом, что представлены испытуемые с различными характеристиками и никакая из них не является преобладающей настолько, чтобы повлиять на результаты исследования.

В нашем исследовании изучались христиански ориентированные испытуемые. Мы не рассматривали представителей таких религий как ислам и буддизм. Так же не рассматривались адепты религиозных сект. Мы не выделяли в специальную группу испытуемых с атеистическим мировоззрением.

Результаты и обсуждение результатов исследования.

Для подтверждения гипотез был проведен корреляционный анализ. Поскольку переменные имеют нормальное распределение, использовался коэффициент корреляции Пирсона. В процессе исследования были выявлены взаимосвязи между переменными, которые представлены в виде таблиц. Результаты представлены таким образом, что вначале расположены корреляционные связи между индикаторами и шкалами методик, а затем уровень интегративности переменных увеличивается. Таким образом, в конце параграфа дается обобщенная картина, которая позволяет выразить данные в виде схемы. Первая часть параграфа позволяет увидеть, какие показатели лежат в основе обобщенных, суммированных переменных и провести дифференцированный анализ.

Значения коэффициентов корреляции показателей субъективного благополучия в религиозной сфере и показателей эмоционального состояния супругов представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Значения коэффициентов корреляции показателей субъективного благополучия в религиозной сфере и показателей эмоционального состояния супругов

|     | L.4.1  | L.4.2  | L.4.3 | L.4.4 | L.4.5 | L.4.6  | L.4.7  |
|-----|--------|--------|-------|-------|-------|--------|--------|
| SWB |        | -.25** |       |       |       |        | -.23** |
| RWB |        |        |       |       |       |        |        |
| EWB | -.25** | -.38** | .38** | -.12  | .31** | -.24** | -.38** |

Примечания:

n-201; \* -  $p < 0.05$ ; \*\* -  $p < 0.01$ ;

L.4.1 – частота переживания супругами печали, подавленности;

L.4.2 – частота переживания супругами тревожности, беспокойства;

L.4.3 – частота переживания супругами радости, счастья;

L.4.4 – частота переживания супругами вины, ответственности;

L.4.5 – частота переживания супругами гордости, удовлетворенности собой;

L.4.6 – частота переживания супругами смущения, сконфуженности;

L.4.7 – частота переживания супругами досады, неудовлетворенности;

SWB – общий показатель по шкале субъективного благополучия;

RWB – шкала субъективного благополучия в религиозной сфере;

EWB – шкала экзистенциального субъективного благополучия.

Значения коэффициентов корреляции показателей субъективного благополучия в религиозной сфере и показателей удовлетворенности супругов различными сферами семейной жизни представлены в таблице 2.

Корреляций субъективного благополучия с удовлетворенностью второй сферой социального взаимодействия в семье не обнаружено и соответствующий столбец исключен из таблицы. Из 15 возможных в принципе корреляционных связей значимыми оказались 9.

Таблица 2 – Значения коэффициентов корреляции показателей субъективного благополучия в религиозной сфере и показателей удовлетворенности супругов различными сферами семейной жизни

|     | L3.1 | L3.3  | L3.4  | L3.5   |
|-----|------|-------|-------|--------|
| SWB | .19* | .25** | .19*  | .20**  |
| RWB |      | .15*  |       |        |
| EWB | .30* | .30** | .32** | -.30** |

Примечания:

n-201; \* -  $p < 0.05$ ; \*\* -  $p < 0.01$ ;

L.3.1. – удовлетворенность супругов способностью семьи контролировать стрессовые ситуации;

L.3.2 – удовлетворенность супругов распределением обязанностей в семье;

L.3.3 – удовлетворенность супругов тем, каким образом обсуждаются проблемы и принимаются решения в семье;

L.3.4 – удовлетворенность супругов тем, как члены семьи заботятся друг о друге;

L.3.5 – удовлетворенность супругов климатом, атмосферой, которая обычно царит в семье;

SWB – общий показатель по шкале субъективного благополучия;

RWB – шкала субъективного благополучия в религиозной сфере;

EWB – шкала экзистенциального субъективного благополучия.

Значения коэффициентов корреляции показателей субъективного благополучия в религиозной сфере и показателей копинга стресса и с использованием религии представлены в таблице 3.

Копинг стресса с опорой на религию вполне логично высоко коррелирует с субъективным благополучием в религиозной сфере, за счет чего в основном и образуется высокая корреляция с общим баллом по шкале. Несмотря на свое относительно невысокое значение, вторая подшкала методики субъективного благополучия также коррелирует с копингом на уровне 0.01.

Таблица 3 – Значения коэффициентов корреляции показателей субъективного благополучия в религиозной сфере и показателей копинга стресса с использованием религии

|   | SWB   | RWB   | EWB   |
|---|-------|-------|-------|
| К | .52** | .60** | .20** |

Примечания:

n-201; \* -  $p < 0.05$ ; \*\* -  $p < 0.01$ ;

К – показатель копинга стресса с использованием религии;

SWB – общий показатель по шкале субъективного благополучия;

RWB – шкала субъективного благополучия в религиозной сфере;

EWB – шкала экзистенциального субъективного благополучия.

Значения коэффициентов корреляции показателей субъективного благополучия в религиозной сфере и показателей частоты применения наказаний к детям представлены в таблицах 4, 5, 6, 7, 8.

Таблица 4 – Значения коэффициентов корреляции показателей субъективного благополучия в религиозной сфере и показателей частоты применения наказаний к детям (1.3-2.6)

|     | 1.3  | 1.6   | 1.9   | 2.1  | 2.2  | 2.3  | 2.4  | 2.5  | 2.6   |
|-----|------|-------|-------|------|------|------|------|------|-------|
| RWB |      |       |       |      |      | .17* |      |      |       |
| EWB | .16* | .19** | .19** | .16* | .14* |      | .18* | .19* | .21** |
| SWB |      |       |       |      |      |      |      | .15* |       |

Показатели субъективного благополучия в религиозной сфере по отдельным шкалам коррелируют на значимом уровне с большим числом различных индикаторов наказаний родителями своих детей. После 8 таблицы приводится систематизация этих индикаторов и их группировка по отдельным видам наказаний.

Таблица 5 – Значения коэффициентов корреляции показателей субъективного благополучия в религиозной сфере и показателей частоты применения наказаний к детям (2.8-3.8)

|     | 2.8  | 2.10 | 3.2  | 3.3   | 3.4   | 3.5  | 3.6  | 3.7  | 3.8  |
|-----|------|------|------|-------|-------|------|------|------|------|
| RWB |      | .16* | .15* |       |       |      |      |      | .16* |
| EWB | .15* |      |      | .21** | .26** | .16* | .15* | .15* |      |
| SWB |      |      | .14* | .19** | .15*  |      | .15* |      | .15* |

Таблица 6 – Значения коэффициентов корреляции показателей субъективного благополучия в религиозной сфере и показателей частоты применения наказаний к детям (3.9-6.3)

|     | 3.9  | 3.10 | 4.4  | 4.8  | 4.10  | 5.3  | 5.6  | 5.7  | 6.3   |
|-----|------|------|------|------|-------|------|------|------|-------|
| EWB | .18* | .15* | .17* | .16* | .23** | .16* | .17* | .15* | .21** |
| SWB | .17* |      |      |      | .14*  |      |      |      | .16*  |

Таблица 7 – Значения коэффициентов корреляции показателей субъективного благополучия в религиозной сфере и показателей частоты применения наказаний к детям (7.1-8.5)

|     | 7.1  | 7.2   | 7.3  | 7.4   | 7.5  | 7.9  | 7.10 | 8.4   | 8.5   |
|-----|------|-------|------|-------|------|------|------|-------|-------|
| RWB |      |       |      |       | .14* |      |      |       |       |
| EWB | .20* | .19** | .17* | .19** | .15* | .18* | .16* | .19** | .20** |
| SWB |      | .17*  | .16* | .16*  | .15* | .18* |      |       |       |

Таблица 8 – Значения коэффициентов корреляции показателей субъективного благополучия в религиозной сфере и показателей частоты применения наказаний к детям (8.7-9.8)

|     | 8.7  | 8.8   | 9.2    | 9.8   |
|-----|------|-------|--------|-------|
| RWB |      |       |        | -.18* |
| EWB | .15* | .20** | -.20** |       |

Примечания к таблицам 4-8:

n-201; \* -  $p < 0.05$ ; \*\* -  $p < 0.01$ ;

SWB – общий показатель по шкале субъективного благополучия;

RWB – шкала субъективного благополучия в религиозной сфере;

EWB – шкала экзистенциального субъективного благополучия;

1.3; 2.8; 3.3; 4.8; 5.3; 7.3; 8.8; 9.8 – такой вид физического наказания, как оплеуха;

1.6; 2.5; 3.6; 5.6; 8.5 – такой вид физического наказания, как шлепание;

1.9; 2.1; 3.9; 7.9 – такой вид наказания, как лишение ребенка того, что он хочет и что в обычное время ему разрешается;

2.2; 3.5; 7.5 – такой вид наказания, как лишение ребенка карманных денег;

2.3; 3.2; 6.3; 7.2 – такой вид наказания, как разъяснение ребенку, что он огорчил родителей;

2.4; 3.4; 4.4; 7.4; 8.4 – такой вид наказания, как поставить в угол и не обращать на ребенка никакого внимания;

2.6; 3.7; 5.7 – такой вид наказания, как угроза получения строгого наказания в следующий раз;

2.10; 3.8; 4.10 – такой вид наказания, как требование должным образом извиниться;

3.10; 7.10 – такой вид наказания, как запрещение играть с друзьями после обеда;

7.1; 8.7 – такой вид наказания, как запрещение смотреть телевизор в течение некоторого времени;

9.2 – такой вид наказания, как отправление ребенка в его комнату или в кровать.

Значения коэффициентов корреляции показателей общей религиозности личности и частоты применения родителями наказаний представлены в таблицах 9 и 10.

С показателем общей религиозности коррелируют как нейтральные, так и деструктивные наказания. Положительные корреляции свидетельствуют о низкой частоте наказаний, так как измерительная шкала в данных субтестах носит обратный характер.

Таблица 9 – Значения коэффициентов корреляции показателей общей религиозности личности и частоты применения родителями наказаний к детям (1.7-4.5)

|   |      |      |       |       |       |      |
|---|------|------|-------|-------|-------|------|
|   | 1.7  | 2.1  | 2.5   | 3.3   | 3.6   | 4.5  |
| R | .15* | .18* | .24** | .21** | .19** | .17* |

Таблица 10 – Значения коэффициентов корреляции показателей общей религиозности личности и частоты применения родителями наказаний к детям (5.6-8.5)

|   |       |      |      |       |      |       |
|---|-------|------|------|-------|------|-------|
|   | 5.6   | 7.3  | 7.4  | 7.6   | 7.10 | 8.5   |
| R | .20** | .15* | .15* | .23** | .16* | .22** |

Примечания к таблицам 9,10:

n-201; \* -  $p < 0.05$ ; \*\* -  $p < 0.01$ ;

R – показатель общей религиозности личности;

1.7 – такой вид наказания как угроза быть строго наказанным в следующий раз;

2.1 – такой вид наказания как сокращение карманных денег ;

2.5; 3.6; 4.5; 5.6; 7.6; 8.5 – такой вид физического наказания как шлепание;

3.3; 7.3 – такой вид физического наказания как оплеуха;

7.4 – такой вид наказания как поставить в угол и не обращать никакого внимания;

7.10 – такой вид наказания как запрещение играть с друзьями после обеда.

Представим рассмотренную детализированную картину в более обобщенном виде с опорой на суммарные показатели.

Значения коэффициентов корреляции между суммарными показателями религиозности, эмоциональности и субъективного благополучия представлены в таблице 11.

Под суммарным показателем эмоциональности подразумевается эмоциональный стресс.

Таблица 11 – Значения коэффициентов корреляции между суммарными показателями религиозности, эмоциональности и субъективного благополучия

|     | R     | K     | L3    | L4     | NS    |
|-----|-------|-------|-------|--------|-------|
| SWB | .50** | .52** | .22** | -.20** | .16*  |
| R   |       | .51** |       |        |       |
| K   |       |       | .14*  |        |       |
| L3  |       |       |       | -.50** | .18*  |
| L4  |       |       |       |        | -.18* |

Примечание:

Условные обозначения представлены в предыдущих таблицах

Значения коэффициентов корреляции между суммарными показателями частоты применения различных видов нвказания к детям представлены в таблице 12.

Таблица 12 – Значения коэффициентов корреляции между суммарными показателями частоты применения различных видов нвказания к детям

|    | n1     | n2    | n3     | n4     | n5    | n6     | n7    | n8    | n9     | n10   |
|----|--------|-------|--------|--------|-------|--------|-------|-------|--------|-------|
| S9 | -.19** |       | -.30** | -.28** | -.17* | -.31** | -.14* |       | -.23** | -.15* |
| n1 |        | .20** | .38**  | .43**  | .58** | .40**  | .29** | .29** | .72**  | .66** |
| n2 |        |       |        |        | .15*  |        | .28** | .36** | .31**  | .31** |
| n3 |        |       |        | .58**  | .27** | .86**  | .28** | .20** | .33**  | .28** |
| n4 |        |       |        |        | .31** | .62**  | .33** | .35** | .38**  | .34** |
| n5 |        |       |        |        |       | .32**  | .24** | .14*  | .62**  | .57** |
| n6 |        |       |        |        |       |        | .34** | .25** | .37**  | .31** |
| n7 |        |       |        |        |       |        |       | .36** | .36**  | .34** |
| n8 |        |       |        |        |       |        |       |       | .31**  | .33** |
| n9 |        |       |        |        |       |        |       |       |        | .74** |

Примечание:

Условные обозначения представлены в предыдущих таблицах.



Значения коэффициентов корреляции между суммарными показателями религиозности, эмоциональности, субъективного благополучия и частотой наказаний детей представлены в таблицах 13, 14.

Таблица 13 – Значения коэффициентов корреляции между суммарными показателями религиозности, эмоциональности, субъективного благополучия и частотой наказаний детей (S9-n5)

|     | S9     | n1    | n2    | n3    | n4    | n5    |
|-----|--------|-------|-------|-------|-------|-------|
| SWB |        |       | .19** |       | .10   |       |
| R   |        |       |       | .15*  |       | .11   |
| K   |        |       |       |       |       |       |
| L3  | -.23** | .14*  |       | .22** | .23** | .13   |
| L4  | .29**  | -.17* |       | -.18* | -.18* | -.15* |

Таблица 14 – Значения коэффициентов корреляции между суммарными показателями религиозности, эмоциональности, субъективного благополучия и частотой наказаний детей (n6-n9)

|     | n6    | n7  | n8   | n9   |
|-----|-------|-----|------|------|
| SWB | .14*  | .13 | .17* | .11  |
| R   | .27** | .10 |      |      |
| L3  | .23** |     |      | .11  |
| L4  | -.18* |     |      | -.13 |

Примечания к таблицам 13,14:

n-201; \* -  $p < 0.05$ ; \*\* -  $p < 0.01$ ;

SWB – общий показатель по шкале субъективного благополучия;

R – показатель общей религиозности личности;

K – показатель копинга стресса с использованием религии;

L3 – суммарный показатель удовлетворенности супругов различными сферами семейной жизни;

L4 – суммарный показатель эмоционального стресса;

S9 – суммарный показатель по опроснику частоты применения родителями физических наказаний (Deneker, Perez, Ewert, Moggi);

n 1- n 10 – суммарные показатели десяти видов наказаний в восьми ситуациях социального взаимодействия по опроснику частоты применения родителями наказаний (Deneker, Perez, Ewert, Moggi);

NS – интегральный показатель частоты наказаний как сумма одиннадцати суммарных показателей.

Структура взаимосвязей параметров религиозности личности и социального взаимодействия в семье представлена на рисунке 1.

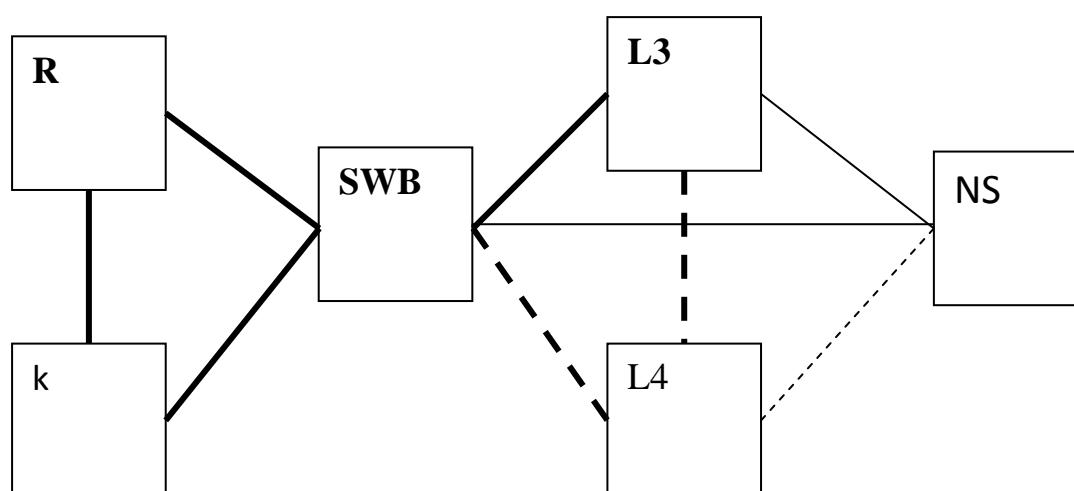


Рисунок 1 – Структура взаимосвязей параметров религиозности личности и социального взаимодействия в семье

Условные обозначения:

- положительная связь
- - - - - отрицательная связь
- уровень значимости 0,05
- уровень значимости 0,01

Как видно из таблицы 1, показатели субъективного благополучия в религиозной сфере отрицательно коррелируют с частотой переживания супругами печали, подавленности, тревожности, беспокойства, вины, смущения, сконфуженности, неудовлетворенности, досады. Субъективное благополучие в религиозной сфере положительно коррелирует с переживанием супругами радости, счастья, гордости, удовлетворенности собой. Наибольшее число корреляций связано с экзистенциальным субъективным благополучием и итоговым баллом по данной шкале.

Таблица 2 отражает корреляции показателей субъективного благополучия в религиозной сфере и показателей удовлетворенности супругов различными сферами семейной жизни. Экзистенциальное субъективное благополучие и общий показатель субъективного благополучия имеет положительную корреляцию с удовлетворенностью супругов способностью семьи контролировать стрессовые ситуации; удовлетворенностью супругов тем, каким образом обсуждаются проблемы и принимаются решения в семье; удовлетворенностью супругов тем, как члены семьи заботятся друг о друге; удовлетворенностью супругов климатом, атмосферой, которая обычно царит в семье. Субъективное благополучие в религиозной сфере положительно коррелирует с удовлетворенностью супругов тем, каким образом обсуждаются проблемы и принимаются решения в семье. В данном случае трудно сказать, какой из факторов первичен. Субъективное благополучие приводит к росту удовлетворенности различными сферами семейной жизни, или, напротив, удовлетворенность способствует росту субъективного благополучия. Скорее всего в данном случае имеют место реципрокные отношения.

Из таблицы 3 видно, что показатель копинга стресса с использованием религии имеет положительные корреляции с общим показателем по шкале субъективного благополучия, субъективным благополучием в религиозной сфере и экзистенциальным субъективным благополучием. В данном случае наиболее вероятно, с нашей точки зрения, что копинг стресса выступает как фактор роста субъективного благополучия. Обращение к религии в стрессовых ситуациях

подтверждается данными различных исследований в области психологии религии. Г. Олпорт усложняет интерпретацию, утверждая, что военный опыт снижает традиционную религиозность и увеличивает личную религиозность или, иначе говоря, снижает внешнюю религиозность и увеличивает внутреннюю [200]. Эти данные были подтверждены Дж. Линденталом в исследовании с участием 938 взрослых американских горожан. Он установил, что использование личной молитвы возрастает по мере возрастания психологического стресса, отчаяния, в то время как участие в религиозных культовых действиях снижается по мере нарастания кризиса. Автор заключает, что степень психологического стресса и отчаяния больше всего соотносится с внутренним, личным, интериоризованным компонентом религиозности, а не с внешней религиозностью или с религией как социальным институтом [216].

Таблицы 4, 5, 6, 7, 8 отражают положительные корреляции показателей субъективного благополучия в религиозной сфере и показателей частоты применения наказаний к детям. Как видно из данной таблицы, субъективно благополучные в религиозной сфере испытуемые реже применяют физические наказания к детям; реже лишают ребенка карманных денег; реже ставят в угол, не обращая внимания; реже запрещают играть с другими детьми; реже отправляют ребенка в комнату или в кровать; реже лишают ребенка желаемого; реже запрещают смотреть телевизор. Они также реже угрожают ребенку строгим наказанием; реже требуют должным образом извиниться; реже разъясняют ребенку, что он огорчил родителей. Следует отметить, что наибольшее число корреляций выпадает на отказ родителей от применения физических наказаний, а именно шлепая и оплеухи. Также они не склонны игнорировать детей в ситуации наказания. В исследовании выявилось влияние некоторых особенностей религиозности на социальное взаимодействие в семье. У религиозных людей расширяется реестр копинговых стратегий. Возможно, это объясняет выявленный в исследовании факт большей удовлетворенности семейной жизнью и меньшей подверженности эмоциональному стрессу испытуемых с высоким уровнем религиозного субъективного благополучия. С другой стороны, наблюдается и

обратное влияние. Меньшая стерссогенность приводит к увеличению субъективного благополучия, в том числе и в религиозной сфере.

Наши данные не противоречат данным других исследований. В исследовании Alieza Rajaei, Ahmad Sarvar Azimi установлена значимая отрицательная корреляционная связь религиозности (опросник BRB) и нейротизма (Большая пятерка) [199]. В исследовании M. Vanaerde показано, что многие испытуемые используют религию именно как копинг стресса. В работе M. Vanaerde приводятся данные, что имеет место влияние профессии, социального и экономического уровня на использование религии в качестве копинга. Большое число испытуемых, представляющих людей с низким экономическим и образовательным уровнем, обращаются к религии в ситуации материальных и моральных затруднений. В исследованиях при помощи шкалы религиозного отношения они демонстрируют высокие баллы по субшкалам «материальные затруднения», «моральные затруднения», и «протест против Бога» [226]. То есть они обращаются за помощью к божественным силам и признательны им когда чувствуют, что помощь приходит, и выражают протест если этого не происходит. D. Hutsebaut, который переработал шкалу, валидизировал ее и факторизовал, получил те же результаты, показав их статистическую значимость. Кроме того, он обнаружил сходные позиции по использованию религии в качестве копингового механизма у хронических больных [214].

Нами обнаружено, что испытуемые с высокими показателями по шкале субъективного благополучия в религиозной сфере реже применяют физические наказания к детям. Эти данные хорошо вписываются в общую картину. Родители, более удовлетворенные семейной жизнью и менее подверженные стрессу, реже наказывают своих детей. Известно, что эмоциональный стресс является фактором, фасилитирующим наказания детей в семье. Механизм фасилитации наказаний в семье, запускаемый эмоциональным стрессом, достаточно отчетливо проявляется у представителей различных культур [205]. Как показано в исследовании M. Перре, эмоциональный стресс значимо коррелирует с частотой физических

наказаний детей как в швейцарской, так и в российской выборке. Родители, в большей мере подверженные эмоциональному стрессу, чаще физически наказывают своих детей. Наши данные показывают, что религиозность личности, расширяя реестр копинг – стратегий, противодействует факторам – фасилитаторам частоты наказаний детей в семье. В данном случае религиозность личности действует на систему опосредующих факторов, включаясь в существующие механизмы регуляции социального взаимодействия в семье.

Как видно из таблиц 9, 10 родители с высокими показателями по шкале религиозности реже прибегают к наказаниям своих детей, в том числе к физическим. Они считают неприемлемым шлепать своих детей или давать им оплеуху. Они не склонны в качестве наказания отправлять ребенка в кровать или в свою комнату, лишать карманных денег или запрещать смотреть телевизор и играть с друзьями.

Таблицы 11, 12, 13 и 14 содержат обобщающие показатели по удовлетворенности семейной жизнью, эмоциональному стрессу родителей и частоте наказания детей в семье. Показатель удовлетворенности представляет собой интегральную оценку удовлетворенности по пяти различным сферам семейной жизни. Это удовлетворенность способностью семьи контролировать ситуации стресса, удовлетворенность тем, каким образом в семье распределяются обязанности, как осуществляется принятие решения, и обсуждаются проблемы, удовлетворенность степенью заботы членов семьи друг о друге и удовлетворенность социально-психологическим климатом в семье. Можно сказать, что речь идет об удовлетворенностью значимыми с точки зрения функционирования семьи, ситуациями социального взаимодействия. В данном случае она выступает как субъективный индикатор качества семейного социального взаимодействия в различных сферах. По своему содержанию этот показатель близок к показателю социального благополучия. В данном случае речь идет о субъективном благополучии в сфере семейных социальных интеракций. Тем самым этот показатель существенно отличается от субъективного благополучия в религиозной сфере, специфичность которого состоит в том, что

речь идет о взаимодействии человека с высшей инстанцией. Индикаторы шкалы субъективного благополучия в религиозной сфере, помимо удовлетворенности, затрагивают смысл жизни, уверенность в будущем, положительные ощущения от веры в существование высшей инстанции и ее покровительство.

Наказания суммированы по восьми ситуациям социального взаимодействия в семье. Кроме того, взят суммарный показатель по шкале физических наказаний. В исследовании наиболее тщательно фиксировалась частота применения родителями различных видов наказаний к детям. По восьми шкалам измерялась частота десяти видов наказаний. Каждая из шкал фиксировала частоту употребления каждого из десяти видов наказаний в конкретной ситуации социального взаимодействия родителей с ребенком или детей между собой. Таким образом, частота применения каждого конкретного вида наказания фиксируется восемь раз применительно к различным ситуациям социального взаимодействия. Каждый из показателей от  $n_1$  до  $n_{10}$  – это сумма восьми тестовых индикаторов. Суммарный показатель по шкале физических наказаний ( $s_9$ ) состоит из двенадцати индикаторов, каждый из которых касается конкретного вида наказания. Дифференциации по ситуациям социального взаимодействия в данном случае не производится.

Как и предполагалось, частота по различным видам наказаний и частота по наказаниям в различных ситуациях социального взаимодействия с ребенком непротиворечиво положительно коррелируют друг с другом. Отрицательная корреляция с показателем  $S_9$  является результатом того, что в опроснике использована обратная шкала. Вместе с тем корреляции вариативны и не столь велики, чтобы утверждать, что многочисленные индикаторы наказаний идентичны и избыточны. Обобщающий анализ желательно проводить в сочетании с возможностью детализации и дифференциации по конкретным индикаторам. Общие показатели религиозности личности и субъективного благополучия в религиозной сфере влияют на наказания как прямо, так и опосредованно, через удовлетворенность семейной жизнью и эмоциональный стресс. Копинг стресса с

опорой на религию связан только с религиозностью и субъективным благополучием. В качестве тенденции можно отметить его связь с удовлетворенностью семейной жизнью. В рассматриваемой связке с точки зрения опосредования связей с частотой наказаний наибольшее значение имеет субъективное благополучие в религиозной сфере.

Связующее положение субъективного благополучия в структуре параметров религиозности и социального взаимодействия в семье видно на схеме, представленной на рисунке 1. Схема носит обобщающий характер, освобождая анализ от большого числа полученных в исследовании корреляций за счет интегративного характера составляющих элементов. Так, интегральный показатель частоты наказаний, включенный в схему, интегрирует более чем девяносто частных тестовых индикаторов частоты наказаний, непротиворечиво коррелирующих между собой. Это сумма описанных выше интегративных показателей n1-n9 и S9. Показатель удовлетворенности супругов семейной жизнью состоит из пяти индикаторов, а показатель эмоционального стресса – из семи. Связи между индикаторами непротиворечивы. Показатель субъективного благополучия, указанный в схеме, интегрирует две подшкалы. Показатели общей религиозности и копинга с опорой на религию являются баллами по соответствующим тестам. В случае общей религиозности этот балл исчисляется как интегральный по сумме различных измерений религиозности личности.

В схематическом изображении системы взаимосвязей между параметрами религиозности личности и социального взаимодействия в семье можно с некоторой долей условности выделить два блока. Первый из них, как и было бы логично предположить, объединяет различные стороны религиозности личности, а второй – параметры социального взаимодействия в семье. Вместе с тем элементы этих блоков не изолированы друг от друга, а связаны многочисленными корреляционными связями, отраженными в более детальном анализе, представленном в таблицах 9,10. Интегральная схема позволяет более отчетливо увидеть логику взаимосвязей. Связующее звено в выделенной схеме взаимосвязей – это субъективное благополучие в религиозной сфере, являющееся,



с нашей точки зрения, одним из проявлений субъективного благополучия в целом. Двумя другими показателями, значимыми в прямом и опосредующем влиянии на частоту наказаний детей, являются показатели удовлетворенности семейной жизнью и эмоционального стресса.

Таким образом, анализ раскрывает содержательную сторону взаимосвязи религиозности личности родителей и социального взаимодействия в семье, обнаруживая психологически понятные опосредующие звенья. Действительно, испытуемые с высокими показателями по шкале религиозности личности имеют дополнительные возможности копинга стресса, которые им предоставляет религиозная вера и система взглядов. В целом это способствует субъективному благополучию не только в религиозной сфере, но и в сфере семейного социального взаимодействия. Противодействуя факторам, фасилитирующим стресс, религиозность личности сочетается со снижением частоты наказаний. Мы понимаем сложность исследуемого предмета и понимаем, что возможен и даже необходим поиск и других опосредующих механизмов и связей, помимо выявленных нами. Вместе с тем, наши данные не только констатируют взаимосвязи религиозности с различными параметрами социального взаимодействия, но и показывают, что она является не изолированной сущностью, а элементом сложной сети связей. Только комплексное рассмотрение всей этой сети позволяет содержательно интерпретировать изучаемую реальность.

Таким образом, субъективно благополучные в религиозной сфере испытуемые используют религию как копинговый механизм. Они более удовлетворены семейной жизнью, меньше подвержены эмоциональному стрессу и реже наказывают своих детей. Религиозно ориентированные испытуемые реже применяют наказания к детям, в особенности физические наказания.

### **3.2 Эмпирический анализ типов испытуемых по параметрам религиозности личности, удовлетворенности семейной жизнью, стресса и частоты использования наказаний**

Гипотеза, проверяемая на данном этапе исследования, состоит в следующем. Сочетание параметров религиозности личности и социального взаимодействия в семье позволяет выделить типы испытуемых. Совокупность параметров, образующих типы, может оказывать благоприятное и неблагоприятное влияние на личность и социальное взаимодействие.

Выборку составили те же испытуемые, что и на предыдущем этапе исследования. Объем выборки 201 человек – родители, имеющие детей в возрасте до 16 лет.

Категория типа в рамках нашего исследования имеет не столько методологическое, сколько конкретное эмпирическое содержание и подразумевает группы испытуемых, выделяемых при помощи кластерного анализа. Мы не используем термин в том смысле, как это делается при создании типологий в рамках дифференциальной психологии. Задача нашей работы в установлении групп испытуемых, имеющих сходные и доступные для интерпретации в свете наших гипотез характеристики.

Для проверки гипотезы был использован кластерный анализ, позволивший выделить две группы испытуемых (два типа испытуемых), которые имеют явные различия по большинству исследуемых нами параметров религиозности личности и социального взаимодействия в семье.

В кластерном анализе были учтены интегративные переменные, разделяющие наказания на деструктивные и конструктивные. В одной из выделенных групп показатели частоты наказаний оказались выше как по первой, так и по второй их категории. Это свидетельствует о том, что в данных группах преобладает установка наказывать чаще или реже без дифференциации наказаний по их видам.

Результаты сравнения кластеров представлены в таблице 15.

Таблица 15 – Сравнение средних показателей по параметрам религиозности личности, удовлетворенности семейной жизнью, стресса и частоты использования наказаний в 1 (n=121) и 2 (n=69) кластере испытуемых по критерию Манна-Уитни

|     | X1    | X2   | U    | Z     | p    |
|-----|-------|------|------|-------|------|
| R   | 95.1  | 60.2 | 1770 | -4.40 | .000 |
| SWB | 93.3  | 63.8 | 1970 | -3.71 | .000 |
| L3  | 91.2  | 68.0 | 2197 | -2.94 | .003 |
| L4  | 80.2  | 90.1 | 2688 | -1.26 | .209 |
| N1  | 108.8 | 32.4 | 240  | -9.65 | .000 |
| N2  | 89.4  | 71.6 | 2396 | -2.25 | .002 |

Примечания:

X1 – средние значения величин в первом кластере (средний ранг)

X2 – средние значения величин во втором кластере (средний ранг)

R – показатель общей религиозности личности;

SWB – общий показатель по шкале субъективного благополучия;

L3 – суммарный показатель удовлетворенности супругов различными сферами семейной жизни

L4 – суммарный показатель эмоционального стресса

N1 – наказания, связанные с физической или психологической агрессией по отношению к ребенку

N2 – наказания, несущие определенный конструктивный психолого-педагогический потенциал (если не применяются чрезмерно часто).

Сравнение средних показателей, заложенных в основу кластеризации, представлено на рисунке 2.

Рисунок позволяет наглядно увидеть различия между выделенными группами испытуемых, интерпретация которых приводится ниже.

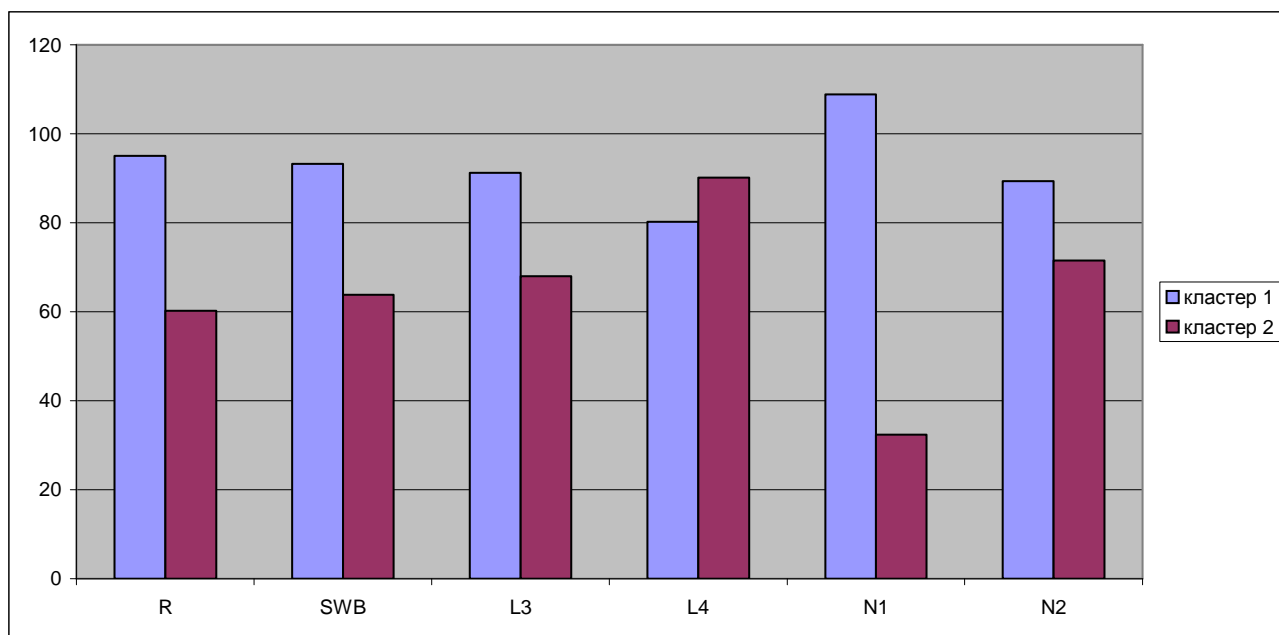


Рисунок 2 – Сравнение средних показателей, заложенных в основу кластеризации

В качестве критериев для выделения кластеров были взяты параметры религиозности личности и социального взаимодействия в семье. Параметры религиозности личности представлены показателем общей религиозности и показателем субъективного благополучия в религиозной сфере. Два показателя, связанных с социальным взаимодействием в семье, отражают его эмоциональную сторону. Это показатель удовлетворенности различными сферами семейной жизни и величина эмоционального стресса. Два показателя отражают частоту наказаний, применяемых родителями к ребенку. Показатели религиозности взяты как баллы по соответствующим методикам. Показатель удовлетворенности является суммой показателей удовлетворенности по пяти сферам семейной жизни (способность семьи контролировать стрессовые ситуации, распределение семейных обязанностей, характер обсуждения проблем в семье, характер заботы членов семьи друг о друге и климат, атмосфера в семье). Показатель эмоционального стресса является суммой семи показателей. Это показатели выраженности эмоций печали, тревоги, вины, неудовлетворенности и смущения

(сконфуженности) со своим знаком, а эмоций радости и гордости собой с обратным знаком.

Наказания разделены по двум категориям. Первую категорию составляют наказания, имеющие явный негативный характер. Это физические наказания или игнорирование ребенка, нарушение социального взаимодействия с ним. Вторую категорию составили наказания, имеющие психологический смысл и негативные только при злоупотреблениях ими, высокой частоте их использования. Так, наказание, когда ребенку дают ясно понять, что он огорчил своих родителей, помогает ему предвидеть социально-психологические последствия своего поведения.

Каждая из двух категорий наказаний, взятых в качестве основы для выделения кластеров, представляет собой интегративный показатель, в который включены показатели различных наказаний в ситуациях социального взаимодействия в семье. Так, в показатель N1 вошли три вида наказаний в восьми ситуациях семейной жизни каждый. Итого, N1 – это сумма 24 индикаторов.

Вторая категория состоит из двух видов наказаний в восьми ситуациях, так что показатель N2 является суммой 16 индикаторов. Выборка испытуемых разделилась по указанным основаниям на два хорошо идентифицируемых кластера с численностью 121 и 69 испытуемых соответственно.

Как видно из таблицы 9 и рисунка 2, выделенные кластеры явно различаются по пяти из шести выделенных параметров. Первый кластер в сравнении со вторым обладает такими характеристиками, как высокая религиозность личности, высокое субъективное благополучие в религиозной сфере, высокая удовлетворенность семейной жизнью и низкая частота применения наказаний к ребенку по обеим из двух выделенных для категории наказаний классов.

В отношении эмоционального стресса видна тенденция, хотя и не достигающая статистической значимости, к меньшей его величине у испытуемых, составивших первый кластер. Это кластер благоприятного сочетания религиозности личности и социального взаимодействия в семье. Второй кластер характеризуется низкой религиозностью, низким субъективным благополучием в религиозной сфере, низкой удовлетворенностью семейной жизнью, тенденцией к эмоциональному

стрессу и высокой частотой наказаний детей, особенно в категории наказаний, связанных с физической и психологической агрессией по отношению к ребенку. Это кластер неблагоприятного сочетания религиозности личности и социального взаимодействия в семье.

Выделенные кластеры по своим характеристикам согласуются с результатами корреляционного анализа, приведенного выше. Значения коэффициентов корреляции свидетельствуют о том, что религиозность личности, по крайней мере, не выраженная чрезмерно, способствует снижению частоты наказаний детей в семье. Эта же тенденция проявляется в отношении связи субъективного благополучия в религиозной сфере и частоты наказаний детей в семье. Литературные данные свидетельствуют о том, что низкие показатели эмоционального стресса и высокая удовлетворенность семейной жизнью сочетаются со снижением частоты наказаний [205].

Таким образом, выявленные кластеры согласуются с другими эмпирическими данными, полученными как в нашей работе, так и другими исследователями. Вероятно, что группировка испытуемых в данные кластеры носит не случайный характер. Мы не утверждаем, что повышение религиозности личности при любых обстоятельствах и до любого уровня будет линейно вести к снижению частоты наказаний, осознавая всю сложность изучаемых конструктов и связей между ними.

Тем не менее, в выделенных кластерах вполне определенно фиксируется как благоприятный, так и неблагоприятный баланс изучаемых характеристик и связей между ними. Выделение хорошо интерпретируемых групп испытуемых может применяться в прикладных социально-психологических исследованиях с учетом наличия адаптированных методик. Поскольку исследование включает большое количество индикаторов, есть возможность детальнее описать выделенные кластерным анализом категории испытуемых.

Средние показатели параметров, по которым проводится описание, представлены в таблице 16, а их наглядное сравнение дано в рисунке 3.

Таблица 16 – Сравнение средних показателей по параметрам частоты использования наказаний в 1 (n=121) и 2 (n=69) кластере испытуемых по критерию Манна-Уитни

|      | X1    | SR1   | X2    | SR2  | U     | Z     | p     |
|------|-------|-------|-------|------|-------|-------|-------|
| n1   | 93.5  | 10377 | 63.3  | 3483 | 1943  | -3.81 | 0.001 |
| n2   | 81.6  | 9060  | 87.3  | 4801 | 2844  | -0.72 | 0.473 |
| n3   | 107.0 | 11876 | 36.1  | 1984 | 444.5 | -8.97 | 0.001 |
| n4   | 104.0 | 11541 | 42.2  | 2320 | 780   | -7.81 | 0.001 |
| n5   | 89.5  | 9929  | 71.5  | 3931 | 2391  | -2.27 | 0.023 |
| n6   | 107.9 | 11974 | 34.3  | 1886 | 346.5 | -9.3  | 0.001 |
| n7   | 90.0  | 9985  | 70.5  | 3875 | 2335  | -2.46 | 0.014 |
| n8   | 93.9  | 10417 | 62.6  | 3444 | 1904  | -3.95 | 0.001 |
| n9   | 91.1  | 10022 | 66.8  | 3672 | 2132  | -3.09 | 0.002 |
| n10  | 90.1  | 9998  | 70.2  | 3862 | 2322  | -2.51 | 0.012 |
| V    | 87.9  | 9757  | 74.6  | 4103 | 2563  | -1.72 | 0.085 |
| S9   | 77.5  | 85.27 | 94.0  | 5167 | 2422  | -2.09 | 0.037 |
| 9.1  | 82.1  | 9107  | 86.4  | 4753 | 2891  | -0.58 | 0.562 |
| 9.2  | 80.2  | 8911  | 90.0  | 4950 | 2695  | -1.25 | 0.210 |
| 9.3  | 81.2  | 9022  | 88.0  | 4838 | 2806  | -1.88 | 0.060 |
| 9.4  | 75.1  | 8339  | 100.4 | 5521 | 2123  | -3.43 | 0.001 |
| 9.5  | 74.7  | 8210  | 99.7  | 5485 | 2105  | -3.32 | 0.001 |
| 9.6  | 82.7  | 9187  | 85.0  | 4673 | 2971  | -0.28 | 0.776 |
| 9.7  | 82.9  | 9195  | 84.8  | 4666 | 2979  | -0.26 | 0.793 |
| 9.8  | 74.7  | 8287  | 101.3 | 5573 | 2071  | -3.90 | 0.001 |
| 9.9  | 82.8  | 9187  | 84.97 | 4673 | 2971  | -0.35 | 0.728 |
| 9.10 | 81.8  | 9080  | 86.9  | 4781 | 2864  | -1.74 | 0.081 |
| 9.11 | 79.9  | 8866  | 90.8  | 4994 | 2650  | -2.34 | 0.019 |
| 9.12 | 87.3  | 9686  | 75.9  | 4174 | 2634  | -1.46 | 0.144 |

Примечания:

X1 – средние значения величин в первом кластере (средний ранг);

X2 – средние значения величин во втором кластере (средний ранг);

n 1- n 10 – суммарные показатели десяти видов наказаний в восьми ситуациях социального взаимодействия по опроснику частоты применения родителями наказаний (Deneker, Perez, Ewert, Moggi);

V – показатель по шкале времени, прошедшего с момента последнего серьезного физического наказания (Perez);

S9 – суммарный показатель по опроснику частоты применения родителями физических наказаний (Deneker, Perez, Ewert, Moggi).

9.1-9.12 – отдельные виды наказаний по опроснику частоты применения родителями физических наказаний (Deneker, Perez, Ewert, Moggi).

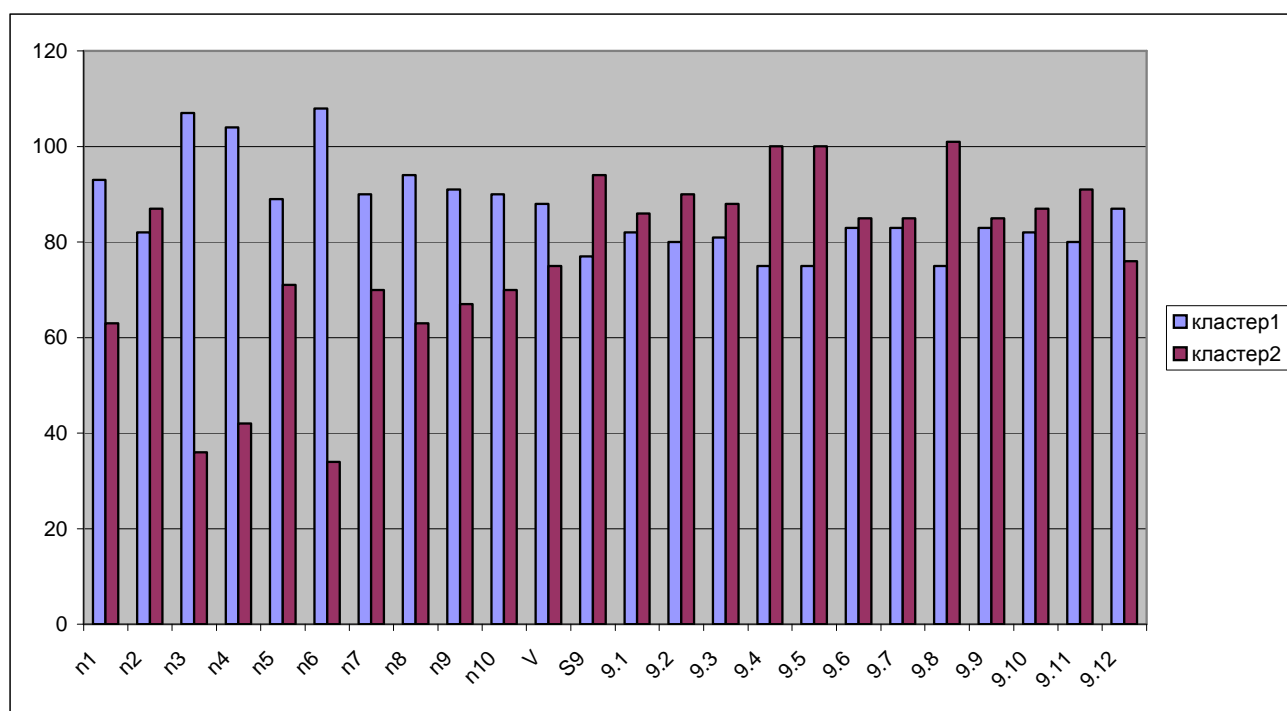


Рисунок 3 Сравнение показателей частоты наказаний по кластерам 1 и 2

Примечание: индикаторы n1- n10 обратные. Высокие значения свидетельствуют о низкой частоте наказаний

Результаты, приведенные в таблице 16 и рисунке 3, позволяют сравнить выделенные кластеры более детально, по всей совокупности индикаторов частоты наказаний, имеющих в тестовой батарее. В итоге можно констатировать, что в



кластере 1 частота наказаний выше практически по большинству индикаторов, а именно по 18 из 25. Различия по 8 из 18 индикаторов высоко значимы ( $p < 0.001$ ). По двум видам индикаторов наказаний различия хотя и не достигают значимых величин, но близки к ним, так что можно говорить о тенденции.

Таким образом, вывод о том, что первый кластер составляют испытуемые, реже использующие наказания, подтверждается. Кроме того, можно увидеть более детализированную картину. Различия между кластерами касаются почти всех разновидностей физических наказаний, индикаторы которых входят в тестовую батарею. Только по двум из них уровень значимости немного не достигает пороговой величины, хотя тенденция явно прослеживается и укладывается в общую логику интерпретации. Два индикатора физических наказаний (шлепание ребенка и оплеуха ребенку) сходны в субтестах, содержащих индикаторы n1-n10 и индикаторы 9.1-9.12, с той разницей, что в первом случае они дифференцированы по ситуациям социального взаимодействия с ребенком в семье. Сходные показатели по ним повышают надежность результатов по этим значимым видам физических наказаний. Различия между кластерами по большинству физических наказаний довольно выражены и значимы на высоком уровне вероятности.

Далее рассмотрены показатели подшкал шкалы субъективного благополучия в религиозной сфере, копинга стресса с опорой на религию, открытых и закрытых реакций родителей на воспитательное воздействие, эмоциональной подавленности родителей и их толерантности по отношению к ребенку. Характеристика толерантности представляет собой суммарный показатель по соответствующей шкале. Рассмотрение данных показателей завершает сравнение выделенных кластерным анализом групп.

Данные, приведенные в таблице 17, углубляют наши представления об испытуемых, составивших два выделенных кластера.

Таблица 17 – Сравнение средних показателей по параметрам религиозности личности и некоторых характеристик социального взаимодействия в 1 (n=121) и 2 (n=69) кластере испытуемых по критерию Манна-Уитни

|     | X1   | SR1   | X2   | SR2  | U    | Z     | p     |
|-----|------|-------|------|------|------|-------|-------|
| RWB | 92.9 | 10309 | 64.3 | 3552 | 2012 | -3.57 | 0.001 |
| EWB | 89.5 | 9930  | 71.5 | 3931 | 2391 | -2.27 | 0.023 |
| K   | 88.8 | 9500  | 67.3 | 3703 | 2163 | -2.76 | 0.006 |
| Zak | 55.8 | 4406  | 69.6 | 2854 | 1246 | -2.12 | 0.033 |
| Otk | 62.1 | 4779  | 54.7 | 2242 | 1381 | -1.12 | 0.26  |
| EP  | 79.2 | 8787  | 92.3 | 5074 | 2571 | -1.81 | 0.07  |
| T   | 77.7 | 8547  | 93.6 | 5148 | 2442 | -2.02 | 0.04  |

Примечания:

RWB – шкала субъективного благополучия в религиозной сфере;

EWB – шкала экзистенциального субъективного благополучия;

K – показатель копинга стресса с использованием религии;

T – показатель толерантности родителей к поведенческим проявлениям ребенка;

Zak – суммарный показатель закрытых реакций родителей на наказание детей;

Otk – суммарный показатель открытых реакций родителей на наказания детей;

EP – показатель эмоциональной подавленности родителей из-за ситуации в семье.

Наглядно сравнение показателей таблицы 17 представлено на рисунке 4.

Высокие показатели по шкале толерантности свидетельствуют о низкой выраженности этого качества, соответственно испытуемые – представители первого кластера являются более толерантными.

Толерантность по содержанию индикаторов теста состоит в терпимости родителей к поведенческим проявлениям ребенка, рождающим реакцию раздражения.

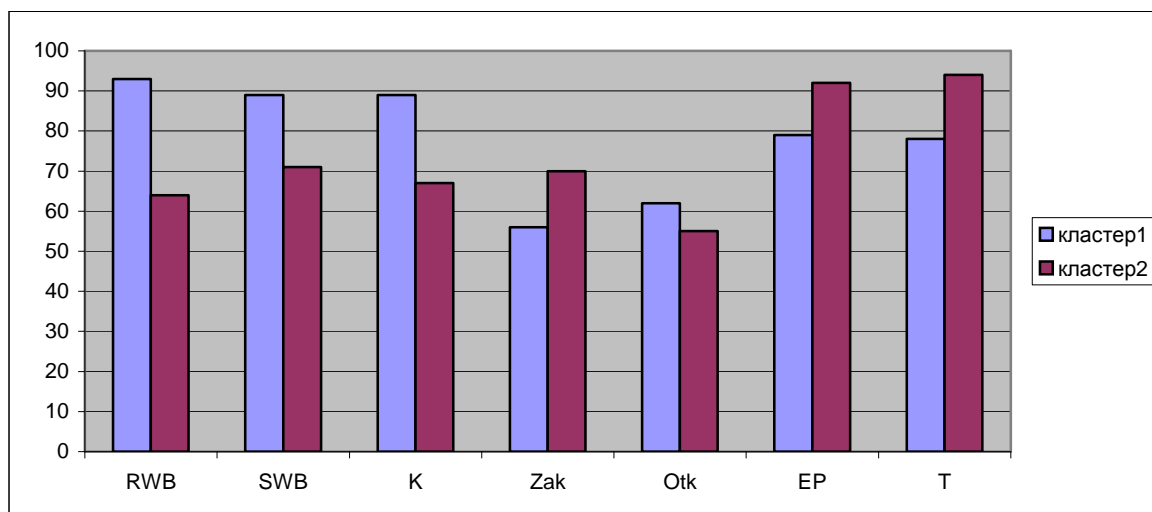


Рисунок 4 – Сравнение показателей религиозности личности и толерантности по кластерам 1 и 2

Результаты сравнения кластеров по параметру субъективного благополучия в религиозной сфере с учетом подшкал теста показывают, что разница значима как по параметру экзистенциального субъективного благополучия, так и по параметру субъективного благополучия в сфере, традиционно и в узком смысле относимой к области религии. Причем различия по данной подшкале даже более выражены.

В совокупности с различиями по шкале копинга стресса с опорой на религию, более низкой эмоциональной подавленностью родителей и более низким уровнем эмоционального стресса данные составляют непротиворечивую в психологическом смысле картину. В отношении последних двух из перечисленных показателей речь идет о тенденции. Испытуемые, относимые к первому кластеру, более субъективно благополучны в религиозной сфере. У них шире реестр копинг-стратегий за счет использования дополнительной стратегии копинга с опорой на религию, ниже уровень эмоционального стресса и напряжения. Испытуемые из второго кластера, будучи менее религиозными, обладают меньшими возможностями использовать копинг с опорой на религию, менее субъективно благополучны в религиозной сфере и обладают более высоким уровнем эмоционального стресса и подавленности. В этом случае данные

трактуются описательно, без утверждения причинно-следственных связей. Тем не менее можно отметить, что они согласуются с данными корреляционного анализа, и психологически непротиворечивы и понятны.

Испытуемые, составляющие первый кластер, более толерантны к поведению своих детей, чем испытуемые второго кластера, и их реакции на наказания менее закрыты. Шкала толерантности состоит из обратных пунктов и более низкие значения показателя на рисунке 4 свидетельствуют о большей терпимости.

Сравнение кластеров по параметру закрытости и открытости реакций испытуемых носит непротиворечивый характер, хотя по параметру открытости можно констатировать лишь тенденцию, не достигшую значимых различий. Закрытыми реакциями на наказание являются когнитивные реакции родителей после физического наказания ребенка, заключающиеся в самооправдании своих действий. Такие реакции у родителей не способствуют снижению вероятности физических наказаний в будущем либо коррекции негативных эффектов наказания. Открытыми реакциями нами названы реакции, направленные на снижение негативных воздействий физического наказания на ребенка или снижающие вероятность физических наказаний в будущем. Разница по рассматриваемым параметрам между испытуемыми первого и второго кластеров хорошо согласуется с тем фактом, что испытуемые первого кластера чаще наказывают своих детей. Так, связь частоты наказаний с эмоциональным стрессом и толерантностью выявлена в работах М. Перре [205].

Эмпирических данных в отношении связи субъективного благополучия в религиозной сфере и частотой наказаний в литературе нет. Тем не менее эта связь, обнаруженная нами в корреляционном анализе и подтвержденная результатами кластерного анализа, кажется нам логичной. Можно выдвинуть предположение об одном из механизмов влияния религиозности личности родителей на частоту наказаний детей. Обращение к религии выступает как копинг стресса, снижая его интенсивность в семейной жизни и увеличивая субъективное благополучие, в том числе в религиозной сфере. Возможно, наиболее значимую роль в наблюдаемом комплексе показателей играет субъективное благополучие, которое вполне

объяснимо сочетается с более низким уровнем эмоционального стресса, удовлетворенностью семейной жизнью и, как следствие, с меньшей частотой наказаний детей.

Результаты кластерного анализа констатируют наличие двух ясно выделяемых и многочисленных групп испытуемых. Параметры религиозности и социального взаимодействия в семье, отличающие эти группы, образуют психологически понятные группы черт. Данные, полученные в этой части исследования, позволяют констатировать, что эмпирически установлены две группы испытуемых, каждая из которых имеет определенный набор параметров. Однако, с нашей точки зрения, нельзя утверждать, что все люди делятся на две выделенные категории. Анализируемые категории охватывают только часть генеральной совокупности испытуемых и не завершают эмпирический поиск, а скорее начинают его. Возможно теоретически представить еще как минимум две группы людей. Группа, у которой высокие показатели религиозности личности сочетаются с неблагоприятными параметрами социального взаимодействия и группа, у которой низкие показатели религиозности сочетаются с благоприятными параметрами социального взаимодействия. Для поиска эмпирического подтверждения существования этих групп необходимо расширить перечень индикаторов религиозности личности, например, за счет шкал религиозного фундаментализма, а также расширить перечень индикаторов социального взаимодействия.

В целом можно говорить, что результаты кластерного анализа подтверждают гипотезу о том, что высокие показатели религиозности личности сочетаются с низкими показателями частоты наказаний, и что совокупность параметров, образующих типы, может быть благоприятной и неблагоприятной для социального взаимодействия.

### 3.3 Эмпирический анализ религиозности в структуре личностных качеств

Гипотеза исследования на данном этапе состояла в следующем. Религиозность личности является элементом структуры личностных качеств. Устойчивое сочетание религиозности личности и других личностных качеств определяет характер ее взаимосвязей с социальным взаимодействием в семье.

Выборка исследования составила 157 человек 4 – 74 мужчины и 83 женщины в возрасте от 19 до 71 года.

Религиозность личности не является однородным показателем и состоит из различных измерений или факторов. Эти факторы и взаимосвязи между ними представлены в таблицах 18 и 19.

Таблица 18 – Корреляционные связи различных измерений религиозности личности (подшкалы опросника общей религиозности)

|      | BD | ED    | RPD   | YMCD  | R     |
|------|----|-------|-------|-------|-------|
| BD   |    | .58** | .43** | .20*  | .86** |
| ED   |    |       | .48** | .24** | .77** |
| RPD  |    |       |       |       | .65** |
| YMCD |    |       |       |       | .50** |

Примечания:

n- 157 ; \* -  $p < 0.05$ ; \*\* -  $p < 0.01$

BD – измерение веры

ED – измерение религиозного опыта

RPD – измерение религиозной практики

YMCD – измерение религиозных моральных убеждений

R – показатель общей религиозности личности

Шкала религиозных моральных убеждений несколько меньше интегрирована в структуру измерений общей религиозности личности.

Таблица 19 – Корреляционные связи различных измерений религиозности личности, копинга и субъективного благополучия в религиозной сфере

|      | RWB   | EWB   | SWB   | К     |
|------|-------|-------|-------|-------|
| BD   | .52** | .18*  | .55** | .63** |
| ED   | .55** | .29** | .63** | .49** |
| RPD  | .47** | .24** | .51** | .54** |
| YMCD | .29** | .18*  | .28** | .13   |
| R    | .64** | .30** | .68** | .67** |

Примечания:

n- 157; \* -  $p < 0.05$ ; \*\* -  $p < 0.01$ ;

EWB – шкала экзистенциального субъективного благополучия.

RWB – шкала субъективного благополучия в религиозной сфере;

SWB – общий показатель по шкале субъективного благополучия

К – показатель копинга стресса с использованием на религии.

Различные измерения религиозности связаны между собой множеством положительных корреляций. Измерение религиозных моральных убеждений в меньшей степени интегрировано в структуру религиозности в сравнении с измерениями веры, религиозного опыта и практики. Совокупность моральных установок, заложенных в измерение религиозных моральных убеждений, может разделяться и людьми, не практикующими религию. Вероятно, этим объясняется отсутствие корреляционной связи рассматриваемого измерения со шкалой религиозной практики. Вместе с тем, все измерения связаны с итоговым показателем религиозности личности и вносят в него свой вклад. Связи измерений религиозности с показателями субъективного благополучия и копинга стресса с использованием религии однородны и подтверждают данные, полученные и проинтерпретированные ранее.

Проблема взаимосвязи религиозности с другими личностными качествами была и остается предметом интереса психологов. Так, С.А. Хьелл провел эмпирическое исследование взаимосвязи религиозности личности и

самореализации и установил, что показатель религиозности личности отрицательно коррелирует со шкалами методики Шострома [212]. То есть испытуемые с высокими показателями по религиозности личности менее креативны, автономны, способны наслаждаться жизнью. В то же время О. Странк констатирует, что религиозно ориентированные подростки имеют более благоприятную Я-концепцию, чем их нерелигиозные сверстники. В исследованиях Дж.С. Теннисон и В. Снидер были установлены отрицательные корреляции религиозности личности и таких качеств, как доминантность, честолюбие, агрессивность и автономия [225]. Интерпретация данных проводилась в рамках проблемы автономии и зависимости в контексте религиозности личности. С позиций нашего исследования некоторые корреляционные связи заслуживают особого внимания. Например, отрицательная корреляция религиозности личности с агрессивностью может иметь следствия для социального взаимодействия в семье и наказания детей. В целом включенность религиозности в структуру личностных качеств не прояснена до конца и нуждается в дальнейших исследованиях. Корреляционные связи религиозности с другими личностными качествами, полученные в нашем исследовании, представлены в таблицах 20, 21, 22, 23, 24, 25.

Таблица 20 – Корреляционные связи параметров религиозности личности и локуса контроля

|      | Ио    | Ид    | Ин    | Ис   | Ип    | Им    | Из     |
|------|-------|-------|-------|------|-------|-------|--------|
| BD   | -.23* | -.16  | -.14  |      |       | -.16  | -.25** |
| ED   | -.19* | -.13  |       |      |       | -.23* | -.11   |
| RPD  |       |       |       |      |       |       | -.14   |
| YMCD |       | -.14  |       |      |       |       | -.14   |
| R    | -.22* | -.17* |       |      |       | -.15  | -.18*  |
| EWB  | .41** | .38** | .28** | .17* | .35** | .30** | .17*   |
| RWB  | -.18* | -.14  | -.18* |      |       | -.12  |        |
| SWB  |       |       |       |      | .13   |       |        |

Примечания:

n - 157 ; \* -  $p < 0.05$ ; \*\* -  $p < 0.01$ ;



Ио – интернальность общая;

Ид – интернальность в области достижений;

Ин – интернальность в области неудач;

Ис – интернальность в области семейных отношений;

Ип – интернальность в области производственных отношений;

Им – интернальность в области межличностных отношений;

Из – интернальность в области здоровья.

Шкалы опросника религиозности личности коррелируют с интернальностью однородно и указывают на увеличение экстернальности по мере возрастания религиозности. Данная закономерность психологически понятна, так как религиозность в своих ортодоксальных формах предполагает зависимость человека не только от своей воли, но и от воли высших сил. В полученных эмпирических данных, вероятно, мы выходим на одну из дискуссионных и фундаментальных проблем психологии религии – проблему автономии и зависимости религиозно ориентированной личности. Наши данные говорят в пользу представлений о зависимости религиозной личности, а не ее автономии. Тем не менее в вопросе о наказаниях детей некоторая экстернальность может иметь положительные последствия. Так, представление о том, что межличностное социальное взаимодействие обусловлено внешними по отношению к воле человека факторами, может снижать стресс, фрустрацию и стремление чрезмерно вмешиваться в коррекцию поведения ребенка посредством наказаний. Обращает на себя внимание противоречивая картина связей интернального локуса контроля и субъективного благополучия. Шкала экзистенциального субъективного благополучия коррелирует с показателями интернальности в различных сферах отчетливо положительно, а шкала субъективного благополучия в религиозной сфере – отрицательно. Учитывая важность показателя субъективного благополучия для параметров социального взаимодействия в семье, заложенных в структуру нашего исследования, можно сделать вывод о противоречивом влиянии на них локуса контроля личности. В данном случае эмпирические данные

отражают объективную сложность проблемы автономии религиозной личности и ее связей с социальным взаимодействием [218; 228].

Таблица 21 – Корреляционные связи параметров религиозности личности и рефлексивности

|      | Р <sub>о</sub> | Р <sub>р</sub> | Р <sub>н</sub> | Р <sub>б</sub> | Р <sub>ов</sub> |
|------|----------------|----------------|----------------|----------------|-----------------|
| BD   | .17*           | .14            | .17*           |                |                 |
| ED   | .32**          | .11            | .24**          |                | .27**           |
| RPD  | .16            |                | .15            |                | .10             |
| YMCD |                |                |                | -.11           | .25**           |
| R    | .25**          | .14            | .21*           |                | .22*            |
| EWB  | .15            |                | .12            |                | .31**           |
| RWB  | .13            |                |                | -.10           |                 |
| SWB  | .21*           |                | .20*           |                | .27**           |

Примечания:

n- 157 ; \* -  $p < 0.05$ ; \*\* -  $p < 0.01$ ;

Р<sub>о</sub> – рефлексивность общая;

Р<sub>р</sub> – ретроспективная рефлексия деятельности;

Р<sub>н</sub> – рефлексия настоящей деятельности;

Р<sub>б</sub> – рефлексия будущей деятельности;

Р<sub>ов</sub> – рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми.

Как показано в исследованиях А.В. Карпова, базовыми характеристиками высокорефлексивной личности помимо когнитивных характеристик являются повышенная тревожность, дипломатичность, сила Я и самодостаточность (факторы О, С, N, Q2, Q4 методики Р.Б. Кеттелла) [69]. Наши данные показывают, что испытуемые с более высокими показателями по шкале религиозности более рефлексивны. Возможная повышенная тревожность высокорефлексивных испытуемых компенсируется у лиц, обладающих высокими показателями по шкале религиозности, копингом с опорой на религию и субъективным

благополучием. Таким образом, с учетом данных А.В. Карпова и данных нашего исследования можно считать высокорелигиозных и высокорефлексивных испытуемых более эмоционально зрелыми и стабильными.

Таблица 22 – Корреляционные связи параметров религиозности личности и параметров самооотношения (Отрс-Сц)

|     | Откр | Сув   | Ср    | Отрс  | Сц  |
|-----|------|-------|-------|-------|-----|
| R   | -.12 |       |       | .20*  |     |
| EWB | .13  | .47** | .42** | .39** | .16 |
| RWB |      |       | .16   | .18*  |     |
| SWB |      | .25** | .10   | .32** | .12 |

Примечания:

n- 157 ; \* -  $p < 0.05$ ; \*\* -  $p < 0.01$ ;

Откр – открытость;

Сув – самоуверенность;

Ср – саморуководство;

Отрс – отраженное самооотношение;

Сц – самооценность.

Таблица 23 – Корреляционные связи параметров религиозности личности, общего балла по методике самооотношения и показателей Спрн-Собв)

|     | Спрн  | Спрв  | Внк    | Собв   | СОБ   |
|-----|-------|-------|--------|--------|-------|
| R   |       |       |        |        |       |
| EWB | .35** | .26** | -.30** | -.38** | .47** |
| RWB |       | .13   | -.10   | -.15   |       |
| SWB | .24** | .22*  | -.22*  | -.29** | .28** |

Примечания:

n- 157 ; \* -  $p < 0.05$ ; \*\* -  $p < 0.01$ ;

Спрн – самопринятие;

Спрв – самопривязанность;

Вкн – внутренняя;

Собв – самообвинение;

СОБ – общий балл по методике самоотношения.

Взаимосвязи религиозности личности субъективного благополучия и параметров самоотношения можно считать однородными и непротиворечивыми. Они свидетельствуют о том, что испытуемые с положительным самоотношением более субъективно благополучны. Это положительно сказывается на социальном взаимодействии в семье. Религиозность личности связана с самоотношением только через параметр отраженного самоотношения, что в определенной степени согласуется с данными О. Станка.

Таблица 24 – Корреляционные связи параметров религиозности личности и шкал опросника CPI

|      | Sy    | So    | Sc    | Py     | Fe    |
|------|-------|-------|-------|--------|-------|
| BD   | .18*  | .20*  | .24** | -.22*  | .23*  |
| ED   |       |       | .14   | -.29** | .32** |
| RPD  | .19*  |       |       | -.14   |       |
| YMCD | .36** | .29** | .24** |        |       |
| R    | .28** | .22*  | .24** | -.26** | .21*  |
| EWB  | .34** | .40** | .33** |        | -.22* |
| RWB  |       | .26** | .25** | -.24** | .31** |
| SWB  | .22*  | .37** | .34** | -.22*  | .14   |

Примечания:

n - 157 ; \* -  $p < 0.05$ ; \*\* -  $p < 0.01$ ;

Sy – шкала социализации;

So – шкала социальности;

Sc – шкала самоконтроля;

Py – шкала психологической направленности;

Fe – шкала феминизированности.

Шкалы методики религиозности личности коррелируют с шкалами методики СРІ однородно. По шкалам методики СРІ испытуемые с высокими показателями религиозности личности характеризуются как общительные, социализованные, обладающие хорошим самоконтролем, миролюбивые, отзывчивые, с относительно не высоким уровнем притязаний, обязательные и трудолюбивые. Можно констатировать, что характеристики личности по шкалам СРІ дополняют друг друга и характеризуют личность с хорошими предпосылками для социального взаимодействия в семье.

Для построения структурограммы необходимо дополнить данные интеркорреляциями между личностными качествами – элементами структурограммы. Эти интеркорреляции представлены в таблице 25.

Таблица 25 – Интеркорреляции личностных качеств, связанных с религиозностью

|      | Ро | Ио | Отрс  | Fe   | So    | Sc    | Py    | Sy     |
|------|----|----|-------|------|-------|-------|-------|--------|
| Ро   |    |    | .31** | .23* |       |       |       |        |
| Ио   |    |    | .21*  |      | .24** |       |       |        |
| Отрс |    |    |       |      | .30** | .36** | .27** |        |
| Fe   |    |    |       |      |       |       |       | -.24** |
| So   |    |    |       |      |       | .67** | .24** |        |
| Sc   |    |    |       |      |       |       | .30** |        |

Примечания:

n - 157 ; \* -  $p < 0.05$ ; \*\* -  $p < 0.01$ ; обозначения те же, что в таблицах 12-18.

В таблице 26 анализ продолжен в плане сравнения контрастных групп. Первую группу составили испытуемые с низкими показателями религиозности личности (до 60 баллов по шкале религиозности). Вторая группа представлена испытуемыми с высокой степенью религиозности (выше 80 баллов по шкале).

Таблица 26 – Сравнение средних по личностным параметрам в группе испытуемых с высокими показателями по шкале религиозности (n=33) и в группе с низкими показателями (n=23) по критерию Манна-Уитни

|     | X1   | X2   | U   | Z     | p    |
|-----|------|------|-----|-------|------|
| RWB | 14.0 | 38.6 | 47  | -5.55 | .000 |
| SWB | 16.1 | 37.1 | 95  | -4.75 | .000 |
| К   | 9.5  | 23.0 | 16  | -4.13 | .000 |
| Ио  | 37.1 | 22.0 | 164 | -3.42 | .001 |
| Ид  | 30.0 | 21.0 | 181 | -2.08 | .040 |
| Им  | 30.0 | 20.1 | 156 | -2.40 | .020 |
| Из  | 31.1 | 19.2 | 131 | -2.95 | .003 |
| Sy  | 11.3 | 19.5 | 53  | -2.24 | .025 |
| Sc  | 10.9 | 19.1 | 53  | -2.30 | .021 |
| Ро  | 19.7 | 29.4 | 184 | -2.31 | .020 |

Примечания:

X1 – средние значения величин в группе с низкими показателями по шкале религиозности (средний ранг);

X2 – средние значения величин в группе с высокими показателями по шкале религиозности (средний ранг).

Данные сравнения контрастных групп подтверждают результаты корреляционного анализа.

Обобщенные данные о силе, количестве и направленности корреляционных связей представлены в структурограмме на рисунке 5. В целях освобождения от большого количества деталей в структурограмму включен общий показатель религиозности личности, рефлексивности и интернальности. С этой же целью в нее не включены показатели субъективного благополучия. Взаимосвязи религиозности личности, субъективного благополучия и копинга представлены в предыдущих параграфах.

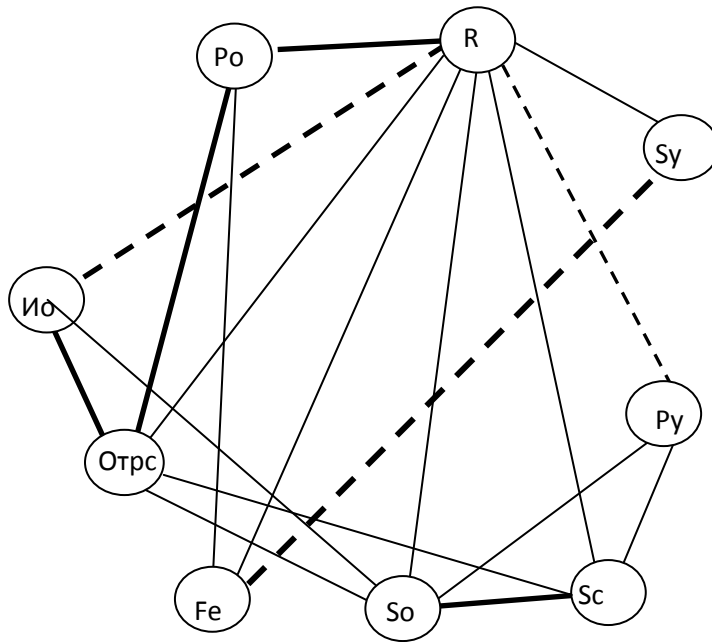


Рисунок 5 – Религиозность в структуре интеркорреляций личностных качеств

Условные обозначения:

- положительная связь
- - - - - отрицательная связь
- уровень значимости 0,05
- уровень значимости 0,01

Визуальный анализ структурограммы позволяет увидеть, что показатель общей религиозности связан с другими личностными качествами большим числом корреляционных связей, уровень значимости которых выше. Это говорит о том, что религиозность личности занимает базовое положение в структурограмме. Более точное подтверждение базового положения религиозности в структуре личности приведено в таблице 27.

Структурный «вес» каждой характеристики определялся следующим образом. Корреляциям, значимым на уровне 95 %, присваивался один балл. Корреляциям, значимым на уровне 99 %, присваивалось два балла.

Таблица 27 – Значение веса переменных в структуре интеркорреляций религиозности личности с другими личностными качествами

| Переменная | Вес |
|------------|-----|
| R          | 12  |
| Io         | 4   |
| Po         | 5   |
| Отрс       | 7   |
| Fe         | 3   |
| So         | 5   |
| Sc         | 4   |
| Pу         | 2   |
| Sу         | 2   |

Примечание: обозначение те же, что в таблицах 12-18.

В представленной структуре личностных качеств религиозность занимает базовое положение. Ее структурный вес наиболее велик, имея в виду количество корреляционных связей с другими структурными элементами и их силу. Структурограмма дает основания рассматривать остальные личностные показатели, являющиеся компонентами структуры, как характеристики портрета религиозной личности.

Религиозность личности является совокупностью различных измерений, характеризующих ее грани. Психологическая реальность, скрывающаяся за термином религиозности личности неоднородна. Вместе с тем измерения религиозности тесно взаимосвязаны, что позволяет рассматривать ее как структурное целое. В свою очередь, религиозность личности входит как подструктура в более широкое и структурно организованное пространство личностных качеств. Занимая в этом пространстве наиболее структурно весомое положение, религиозность личности характеризуется комплексом связанных с ней личностных качеств.



Рассмотрим корреляционные связи религиозности личности с другими личностными чертами с акцентом на социальном взаимодействии. Положительная корреляционная связь с отраженным самоотношением свидетельствует о том, что испытуемые с высокой религиозностью личности в социальном взаимодействии ожидают положительного отношения со стороны партнеров. Они убеждены в том, что их воспринимают позитивно, следовательно, не склонны в социальном взаимодействии к защитной агрессии и расположены к социальным контактам. Интересно, что религиозность личности связана непосредственно с параметром самоотношения, характеризующем его именно со стороны социального взаимодействия. Остальные довольно многочисленные связи опосредованы субъективным благополучием в религиозной сфере, роль которого раскрыта в параграфе 3.1 и отражена в рисунке 1. Самоотношение в различных его проявлениях психологически понятно включается в картину связей.

Высокие показатели религиозности личности в пространстве опросника CPI сочетаются с общительностью (Sy+), социализованностью (So+), которую в интерпретационной модели CPI авторы раскрывают как ответственность в социальном взаимодействии, искренность и готовность к самоограничению. Способность к социальному приспособлению не выглядит конформизмом на фоне твердости и честности. Высоко религиозные испытуемые отличаются высоким самоконтролем (Sc+). Их отличает воздержанность, требовательность и добросовестность в отношении других, низкий эгоцентризм.

Отрицательная корреляция с фактором Pu опросника CPI характеризует высоко религиозных испытуемых как миролюбивых и серьезных в социальном взаимодействии. Испытуемые с высокими показателями по шкале религиозности личности характеризуются уважительным отношением к другим, проявляют отзывчивость, сочувствие и мягкость в социальном взаимодействии (Fe+). Личность с высокими показателями религиозности отличаются высокой рефлексивностью и экстернальностью. Характеристики социального взаимодействия из различных факторов и методик, характеризующие высоко

религиозную личность не только не противоречат друг другу, но и подкрепляют представление о ней как о социализованной, общительной, расположенной к социальному взаимодействию в его неагрессивных формах.

Тем не менее, чрезмерно категорические интерпретации были бы не вполне уместны. Так, например, экстернальность не способствует субъектности в социальном взаимодействии. Можно с достаточным основанием утверждать, что умеренная религиозность ведет к позитивному социальному взаимодействию. Однако наших данных недостаточно, чтобы судить о крайне выраженной религиозности или о проявлениях в социальном взаимодействии религиозного фундаментализма. Возможно, в этом случае картина будет иная и для прояснения вопроса требуется дальнейшие исследования.

На основе полученных эмпирических данных можно говорить о том, что религиозность личности входит как элемент в структуру личностных качеств и занимает в ней базовое положение. Личностные качества устойчиво связаны с религиозностью, опосредуют ее взаимосвязи с социальным взаимодействием.

## ВЫВОДЫ

1 Религиозность личности является многомерной величиной, включающей отношение личности к трансцендентному, религиозный опыт, религиозные знания, убеждения, моральные принципы и проявляющейся на поведенческом уровне. Религиозность личности как психологическая категория не может быть изучена без учета психологических закономерностей, хотя вопрос об истинности или ложности тех или иных религиозных постулатов выходит за рамки проблемного поля психологии. Религиозность личности как психологическая реальность поддается психометрическому измерению и анализу. Переведен и адаптирован на русскоязычной выборке комплекс методик диагностики религиозности личности.

2 Испытуемые с высокими показателями религиозности личности проявляют себя в семейном социальном взаимодействии как более удовлетворенные семейной жизнью, менее подверженные эмоциональному стрессу и реже наказывающие своих детей.

3 Субъективное благополучие в религиозной сфере занимает значимое положение в структуре взаимосвязей параметров религиозности личности и социального взаимодействия в семье. Религиозность позволяет расширить набор копинговых стратегий за счет копинга с опорой на религию, что увеличивает субъективное благополучие, снижает эмоциональный стресс и оптимизирует социальное взаимодействие в семье.

4 По сочетанию параметров религиозности личности и социального взаимодействия в семье выделены два типа испытуемых. Первый тип характеризуется высокой религиозностью личности, высоким субъективным благополучием в религиозной сфере, высокой удовлетворенностью семейной жизнью, низкой тенденцией к закрытым когнитивным реакциям на применение наказаний, низкой частотой применения наказаний к ребенку. Второй тип характеризуется низкой религиозностью, низким субъективным благополучием в религиозной сфере, низкой удовлетворенностью семейной жизнью, тенденцией к

эмоциональному стрессу, закрытыми когнитивными реакциями на применение наказаний, высокой частотой наказаний детей, в том числе наказаний, связанных с физической и психологической агрессией по отношению к ребенку.

5 Религиозность личности является базовым элементом структуры личностных качеств. Высокие показатели религиозности соответствуют большей рефлексивности, экстернальности, общительности, отзывчивости. Положительное самоотношение испытуемых с высокой религиозностью сочетается с относительно невысоким уровнем притязаний и развитым трудолюбием. Совокупность личностных качеств, отличающих испытуемых с высокими показателями религиозности, в основных чертах позитивен для социального взаимодействия в семье.

## Список литературы

- 1 Абабков, В. А. Адаптация к стрессу Основы теории диагностики, терапии / В. А. Абабков, М. Перре. – СПб. : Речь, 2004. – 166 с.
- 2 Абрамова, М. А. Фактор религиозности в системе мотивации поведения индивида: автореф. дис....канд. филос. наук :09.00.13 / Абрамова Маргарита Александровна. – М., 2001. – 26 с.
- 3 Абульханова-Славская, К. А. Деятельность и психология личности / К. А. Абульханова-Славская. – М. : Наука, 1980. – 334 с.
- 4 Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – 299 с.
- 5 Адлер, А. Практика и теория индивидуальной психологии / А. Адлер. – М. : Фонд «За экономическую грамотность», 1995. – 291 с.
- 6 Аллахвердов, В. М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания / В. М. Аллахвердов.-СПб. : Изд-во «Речь», 2003 – 368 с.
- 7 Аллахвердов, В. М. Сознание как парадокс (Экспериментальная психология) / В. М. Аллахвердов. –СПб., 2000 – 1 т. – 528 с.
- 8 Адорно, Т. Исследование авторитарной личности / Т. Адорно. – М. : Серебряные нити, 2001. – 416 с.
- 9 Азарова, Е. А. Педагогическая профилактика насилия над детьми в семье средствами православной культуры : автореф дис....канд. пед. наук 13.00.01 / Азарова Елена Александровна. – Ростов-на-Дону, 2004. – 24 с.
- 10 Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – СПб., 2000 – 282 с.
- 11 Андреева, Г. М. Социальная психология / Г.М. Андреева. - М. : Изд-во МГУ, 1980. – 416 с.
- 12 Андреева Т. В. Семейная психология : учебное пособие / Т. В. Андреева. – СПб. : Речь, 2004. – 244 с.

- 13 Андреева, Г.М.,. Зарубежная социальная психология 20 столетия. Теоретические подходы : учебное пособие для вузов / Г. М. Андреева, Н. Н. Богомолова, Л. А. Петровская. : Аспект Пресс, 2002. – 287 с.
- 14 Анимова, Г. Н. От веры к убеждениям / Г. Н. Анимова. – Алма-Ата: Общество «Знание» Казахской ССР, 1990. – 36с.
- 15 Анохин, П. К. Избранные труды / П. К. Анохин. – М. : Наука, 1978. – 399 с.
- 16 Анохин, П. К. Идеи и факты в разработке теории функциональных систем / П. К. Анохин // Психологический журнал. – 1984. – Т. – 5, №2. – С. 18-31.
- 17 Асмолов, А. Г. На пути к толерантному сознанию / А. Г. Асмолов. – М. : Смысл, 2000. – 255 с.
- 18 Асмолов, А. Г. Психология личности / А. Г. Асмолов. – М., 2001.-592 с.
- 19 Бажин, Е. Ф. Опросник уровня субъективного контроля / Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд. . – М., .1993. – 16 с.
- 20 Бандура, А. Теория социального научения / А. Бандура. – СПб. : Евразия, 2000. – 320 с.
- 21 Барабанщиков, В. А. Принцип системности в современной психологии / Барабанщиков В. А. // Проблемы системогенеза учебной и профессиональной деятельности. – Ярославль, 2003. С.11-23.
- 22 Барабанщиков, В. А. Системная организация и развитие психики / Барабанщиков В. А.// – Психологический журнал. – 2003. – Т.24. – №1. – С.29-46.
- 23 Батурин, Н. А. Психология оценивания и оценки: теоретические и прикладные аспекты / Н. А.Батурин, И. В. Выбойщик. – Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2011. – 243 с.
- 24 Бахарева, Н. К. Субъективное благополучие как системообразующий фактор толерантности : авторефер. дис...канд. психол. наук:19.00.01 / Бахарева Наталья Константиновна. – Хабаровск, 2001 – 23 с.
- 25 Бахарева, Н.К. Психология толерантности : учебно-методическое пособие / Н. К. Бахарева. – Хабаровск : ДВПиП, 2003. – 111 с.
- 26 Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э. Берн. – СПб.;М. : Университетская книга, 1996. – 397 с.

- 27 Берн, Э. Трансакционный анализ и психотерапия / Э. Берн. – СПб. : Изд-во «Братство», 1992. – 224 с.
- 28 Блумер, Г. Общество как символическая интеракция / Г. Блумер // Современная зарубежная социальная психология : тексты / Под ред. Т. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – С.173-179.
- 29 Братусь, Б. С. Нравственное сознание личности : психологическое исследование / Б. С. Братусь. – М. : Знание, 1985. – 64 с.
- 30 Братусь, Б. С. Аномалии личности / Б. С. Братусь. – М. : Мысль, 1988. – 304 с.
- 31 Братусь, Б. С. Психология. Нравственность. Культура / Б. С. Братусь. – М. : Менеджер ; Роспредагенство, 1994. – 60 с.
- 32 Братусь Б. С., Вера как общепсихологический феномен сознания человека Б. С. Братусь, Н.В. Инина // Вестн.Моск.ун-та. Сер.14, Психология. – 2011. – №1. – С.25-38.
- 33 Бубер, М. Два образа веры / М. Бубер. – М. : Республика, 1995. – 462 с.
- 34 Бубер, М. Я и ТЫ / М. Бубер. – М. : Высш.шк., 1993. – 173 с.
- 35 Васильченко, А. А. Особенности понимания жизненного пути православной молодежью / А. А. Васильченко // Развитие личности. – 01/2007.-№1. – С.107-111.
- 36 Василюк, Ф. Е. Переживание и молитва (Опыт общепсихологического следования) / Ф. Е. Василюк. – М. : Смысл, 2005. – 191 с.
- 37 Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1982. – 488 с.
- 38 Выготский, Л. С. Психология / Л. С. Выготский. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. – 1008 с.
- 39 Гау Х. Г. Калифорнийский психологический опросник. Руководство / Х. Г. Гау. – Челябинск. – 1995. – 47 с.
- 40 Гегель, Г. Философия религии : в 2 т. / Г. Гегель. – М. : Мысль, 1976. – 1 т. – 532 с.
- 41 Гегель, Г. Философия религии: в 2 т. / Г. Гегель. – М. : Мысль, 1977. – 2 т. – 573 с.

- 42 Грановская, Р. М. Психология веры / Р. М. Грановская. – СПб.: Изд-во «Речь», 2004. – 576 с.
- 43 Грачев, А. А. Психологическое проектирование производственной организации : Монграфия / А. А. Грачев. – СПб: Изд-во АНО «ИПП», 2008. – 187с.
- 44 Гроф, С. Холотропное сознание / С. Гроф. – М., 2002. – 267с.
- 45 Грязева-Добшинская, В. Г. Онтология авторской символической игры. Экзистенциальные основания арт-тренингов на основе игровых структур / В. Г. Грязева-Добшинская // Социальная психология творчества. – 2007. – С. 170-185.
- 46 Двойных, А. М. Специфика ценностно-смысловых ориентаций православной молодежи / А. М. Двойных // Психологический журнал. – 2010. – Т. 32, – №5. – С. 23-35.
- 47 Джеймс, У. Многообразие религиозного опыта / У. Джеймс. – М. : Наука, 1993. – 431 с.
- 48 Джидарьян, И. А. Представление о счастье в российском менталитете / И. А. Джидарьян. – СПб. : Алетейя, 2001. – 240 с.
- 49 Дорфман, Л. Я. Детерминированность и свобода человека / Л. Я. Дорфман // Психология с человеческим лицом : гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. – М. : Смисл, 1997. – С. 145-156.
- 50 Доценко, Е. Л. Межличностное общение: семантика и механизмы / Е.Л. Доценко– Тюмень, 1998. – 202 с.
- 51 Доценко, Е.Л. Психология личности : учебное пособие / Е. Л. Доценко – Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2009. – 512 с.
- 52 Дружинин, В. Н. Психология семьи / В. Н. Дружинин. – СПб.: Изд-во: «Питер», 2006. – 176 с.
- 53 Дюбье, П. Л. Изменение системы убеждений / П. Л. Дюбье // Религия, человек, общество : доклады Международного научного религиоведческого конгресса



(Курган, 22-24 сентября 1998 г.) – Курган: Изд-во Курганского гос ун-та, 1998. – Ч.1. – С.11-24.

54 Жане, П. Психический автоматизм / П. Жане. – М. : Изд-во А. Портнякова, 1913. – 141с.

55 Ждан, А. Н. История психологии. От античности до наших дней: учебник для вузов. – М. : Академический проект, 2004. – 576 с.

56 Жедунова Л. Г. Личностный кризис и образ мира (субъективная реальность кризиса) : монография / Л. Г. Жедунова. – Ярославль. : Изд-во ЯГПУ, 2009. – 135с.

57 Жедунова Л. Г. Основы психологии семьи и семейного консультирования: учебное пособие для студентов вузов / Л. Г. Жедунова, И. А. Можаровская, Е. Н. Юрасова, Н. Н. Посысоева; под ред. Н. Н. Посысоева.– М. : Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. – 328 с.

58 Журавлев, А. Л. Совместная деятельность как объект социально-психологического исследования / А. Л. Журавлев // Совместная деятельность: методология, теория, практика. – М. : Наука, 1988 – С.19-36.

59 Журавлев, А. Л. Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы) / А. Л. Журавлев. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 474 с.

60 Зейгарник, Б. В. Теория личности Курта Левина / Б. В. Зейгарник. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 117 с.

61 Зенько, Ю. М. Психология и религия / Ю. М. Зенько. – СПб. : Алетейя, 2002. – 384 с.

62 Знаков, В. В. Психология понимания / В. В. Знаков. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 448 с.

63 Казанцева, Т. А. Вера как социально-психологический феномен и его суггестивный механизм формирования : автореф дис.... канд. психол. наук : 19.00.05 / Татьяна Алексеевна Казанцева. – М., 2007. –24 с.

64 Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант – Минск,1998. – 958 с.

- 65 Карабанова, О. А. Психология семейных отношений / О. А. Карабанова. – М. ; Самара, 2001. – 120 с.
- 66 Карпов, А. В. Общая психология субъективного выбора : структура, процесс, генезис / А. В. Карпов. – М. : Институт психологии РАН, 2000. – 552 с.
- 67 Карпов, А. В. Психология рефлексии / А. В. Карпов, И. М. Скитяева. – М. : Институт психологии РАН, 2002. – 320 с.
- 68 Карпов, А. В. Рефлексивность как психологическое свойство и методика ее диагностики / А. В. Карпов // Психологический журнал. – 2003. – Т.24. №5. – С.45-57.
- 69 Карпов, А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности / А. В. Карпов. – М. : ИП РАН, 2004. – 450 с.
- 70 Карпов А. В. Психология сознания: Метасистемный подход / А. В. Карпов. - М. : РАО, 2011. – 1088 с.
- 71 Кашапов, М. М Теория и практика решения конфликтных ситуаций : учебное пособие / М. М. Кашапов; под. науч. ред. проф. А. В. Карпова. – М.; Ярославль : Ремдер, 2003. – 183 с.
- 72 Ключева, Н. В. Социально-психологическое обеспечение деятельности педагога (ценностно-рефлексивный подход) : дис.... д-ра психол. наук :19.00.05 / Ключева Надежда Владимировна. – Ярославль,2000. – 322 с.
- 73 Ключева, Н. В. Педагогическая психология / Н. В. Ключева. – М. : Владос, 2006. – 400 с.
- 74 Ключева, Н. В. Психолог и семья : диагностика, консультирование, тренинг / Н. В. Ключева. – Ярославль : Академия развития, 2001.
- 75 Козлов, В. В. Духовные странствия. Этюды трансперсональной феноменологии / В. В. Козлов – Ярославль, 2000 – 171 с.
- 76 Козлов, В. В. Духовная психология : в поисках изначального / В. В. Козлов. – М., 2000. – 95 с.
- 77 Кравченко, Е. И. Джордж Гербер Мид : философ, психолог, социолог / Е. И. Кравченко. – М. : МГЛУ, 2006. – 286 с.
- 78 Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг. – СПб. : Питер, 2000. – 988 с.

- 79 Кьеркегор, С. Страх и трепет / С. Кьеркегор. – М. : Республика, 1993. – 383 с.
- 80 Куницына, В. Н. Межличностное общение : учебник для вузов / В. Н. Куницына, Н. В. Казаринова, В. М. Погольша. – СПб. : Питер, 2001. – 544 с.
- 81 Кэмпбелл, Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях / Д. Кэмпбелл. – М. : Прогресс, 1980. – 392 с.
- 82 Куценок, Б. М. Эмоции и религия / Б. М. Куценок – Киев : Политиздат Украины, 1987. – 166 с.
- 83 Левин, К. Разрешение социальных конфликтов / К. Левин.- СПб. : Речь, 2000. – 407 с.
- 84 Леонтьев, А. Н. Деятельность, сознание, личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1975. – 304 с.
- 85 Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1999. – 487 с.
- 86 Леонтьев, А. А. Психология общения / А. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 365с.
- 87 Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – М. : Наука, 1984. – 444 с.
- 88 Ломов, Б. Ф. О системном подходе в психологии / Б. Ф. Ломов // Вопросы психологии. – 1975. – №2. – С. 31-45.
- 89 Ломов, Б.Ф. Психическая регуляция деятельности: Избранные труды / Б.Ф.Ломов. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 624 с.
- 90 Майерс, Д. Социальная психология : учебное пособие для студентов вузов / Д. Майерс. – СПб. : Питер, 2000. – 688 с.
- 91 Маслоу, А. Психология бытия / А. Маслоу. – М. ; Киев, 1997 – 304 с.
- 92 Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу. – М. : Смысл, 1999. – 424 с.
- 93 Мазиллов, В. А. Методология психологической науки / В. А. Мазиллов. – Ярославль: МАПН, 2003 – 236 с.
- 94 Мазиллов, В. А. Методологические проблемы психологии в начале 21 века / В. А. Мазиллов // Психологический журнал – 2006. – Т.27. № 1 – С. 23-34.

- 95 Мелик-Пашаев А. А. Религиозное воспитание и психология творчества [Электронный ресурс] / А. А. Мелик-Пашаев // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. – 2011. – № 3. – Режим доступа: [http://psyjournals.ru/psyedu\\_ru/2011/n3/47071.shtml](http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n3/47071.shtml).
- 96 Мингазова, Н. Р. Социально-философские аспекты взаимосвязи семьи и религии / Н. Р. Мингазова. – Уфа, 2005.
- 97 Московичи, С. Машина, творящая богов / С. Московичи. – М. : Центр психологии и психотерапии, 1998. – 560 с.
- 98 Минюрова, С. А. Самопознание и саморазвитие: учебно-методическое пособие / С. А. Минюрова. Екатеринбург, 2008. – 60 с.
- 99 Муздыбаев, К. Психология ответственности / К. Муздыбаев.- Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. – 240 с.
- 100 Мясищев, В. Н. Психология отношений / В. Н. Мясищев. – М. : Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1995. – 356 с.
- 101 Нажмудинов, Г. М. Проблема человека в немарксистской философии США 20 века / Г. М. Нажмудинов. Свердловск, 1989. – 163 с.
- 102 Нажмудинов, Г. М. Проблемы генезиса и развития культуры / Г. М. Нажмудинов, А. Г. Шустров. – Ярославль: Изд-во Ярославского гос. ун-та., 1997. – 104 с.
- 103 Наследов, А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных : учебное пособие / А. Д. Наследов. – СПб. : Речь, 2004. – 392 с.
- 104 Новиков, В. В. Социальная психология : феномен и наука / В. В. Новиков. – М.: Изд-во института психотерапии РАН, 2003. – 344 с.
- 105 Обозов, Н. Н. Межличностные отношения / Н. Н. Обозов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1979. – 151 с.
- 106 Обухова, Л.Ф. Возрастная психология : учебник / Л. Ф. Обухова. – М. : Высшее образование, 2007. – 460 с.
- 107 Овчаров, Р. В. Психологическое сопровождение семьи и семейного воспитания : учебное пособие / Р. В. Овчарова. – Курган : КГУ, 2002. – 74 с.

- 108 Овчарова, Р. В. Практическая психология образования : учебное пособие / Р.В. Овчарова. – М. : Академия, 2003. – 448 с.
- 109 Овчарова, Р. В. Психология родительства : учебное пособие для студентов вузов / Р. В. Овчарова. – М. : Академия, 2004. – 448 с.
- 110 Ожиганова, Г. В. Психологические аспекты духовности. Часть 1. Духовный интеллект / Г. В. Ожиганова // Психологический журнал. – 2010. – Т. 31. – №4. – С.21-34.
- 111 Олпорт, Г. Становление личности. Избранные труды / Г. Олпорт.- М. : Смысл, 2002. – 462 с.
- 112 Ольшанский, Д. В. Психология масс / Д. В. Ольшанский. – СПб. : Питер, 2002. – 386 с.
- 113 Орел, В. Е. Синдром психического выгорания личности / В. Е. Орел. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 330 с.
- 114 Панкратова, Т. М. Саморегуляция в социальном поведении : учебное пособие / Т. М. Панкратова. – Ярославль, 2001. – 110 с.
- 115 Панов, В. И. Психодидактика образовательных систем : теория и практика / В. И. Панов. – СПб. : Питер, 2007. – 352 с.
- 116 Пантлеев, С. Р. Методика исследования самооотношения / С. Р. Пантлеев. – М.: Смысл, 1993. – 32 с.
- 117 Панферов, В. Н. Психология человека : учебное пособие / В. Н. Панферов.- СПб., 2000. – 160 с.
- 118 Перре-Клермон, А. Н. Роль социальных взаимодействий в развитии интеллекта детей / А. Н. Перре-Клермон. – М.,1991. – 240 с.
- 119 Петренко, В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. – Смоленск : Изд-во Смоленского гуманит. ун-та, 1997. – 396 с.
- 120 Петровский, А. В. Личность. Деятельность. Коллектив / А. В. Петровский. – М.: Педагогика, 1984. – 255 с.
- 121 Петровский, А. В. Проблемы развития личности с позиции социальной психологии / А.В. Петровский // Вопросы психологии. – 1984. – №4. – С. 15-29.

- 122 Петровский, В. А. Личность в психологии / В. А. Петровский. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. – 509 с.
- 123 Пирогов, Н. И. Избранные педагогические сочинения / Н. И. Пирогов. – М. : Педагогика, 1985. – 496 с.
- 124 Платонов, К. К. Психология религии / К. К. Платонов. – М., 1967. – 215 с.
- 125 Попов, Л. М. Нравственно-этическая психология личности / Л. М. Попов, П. Н. Устин // Бехтеревские психологические традиции в казанском университете. – Казань : Отечество, 2010. – С.112-168.
- 126 Попова, М. А. Фрейдизм и религия / М. А. Попова. – М., 1982. – 198 с.
- 127 Раттер, М. Помощь трудным детям / М. Раттер. – М. : Прогресс, 1987. – 420 с.
- 128 Рейнвальд, Н. И. Психология личности : монография / Н. И. Рейнвальд. – М. : Изд-во УДН, 1987. – 200 с.
- 129 Роговин, М. С. Структурно-уровневые теории в психологии / М. С. Роговин. – Ярославль : ЯрГУ, 1977. – 79 с.
- 130 Роджерс, К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Роджерс. – М., 1994. – 480 с.
- 131 Романов, А. В. Вера, религиозность, культ (психологический аспект) : учебное пособие / А. В. Романов. – Екатеринбург, 1999. – 108 с.
- 132 Романов, А. В. Религиозность и агрессия / А. В. Романов // Пасхи. Психологический журнал. – 2002. – №1. – С. 120-127.
- 133 Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – 328 с.
- 134 Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2000. – 464 с.
- 135 Рубинштейн, С. Л. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – М. : Наука, 1997. – 191 с.
- 136 Рубцов, В. В. Основы социально-генетической психологии / В. В. Рубцов. – М. : Изд-во «Институт практической психологии» ; Воронеж, 1996. – 384 с.
- 137 Рукавишников, А. А. Личностный опросник «НЭП» / А. А. Рукавишников, Л.А. Соснина. – Ярославль, 1993. – 19 с.

- 138 Сенин, И. Г. Психодиагностика ценностно-ориентационной сферы личности как метод социально-психологического исследования : дис. ... канд. психол. наук / Иван Геннадьевич Сенин. – Ярославль, 2000. – 186 с.
- 139 Семикин, В. В. Психологическая культура в образовании человека / В. В. Семикин. – СПб., 2002. – 156 с.
- 140 Сермягина, О.С. Социально-психологические предпосылки межличностной напряженности в семье : автореф. ...канд. психол. наук :19.00.05 / Ольга Сергеевна Сермягина. – Л., 1985. –19 с.
- 141 Скрипкина, Т. П. Доверие в социально-психологическом взаимодействии / Т. П. Скрипкина. – Ростов-на-Дону : Изд-во РГПУ, 1997. – 250 с.
- 142 Слободчиков, В. И. Христианская психология в системе психологического знания / В. И. Слободчиков // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2007. –4 т. – № 2. – С. 90-97.
- 143 Смирнов, Д. О. Методика изучения религиозной активности / Д. О. Смирнов // Пасхи. Психологический журнал. – 2002– №1. – С. 138-154.
- 144 Солдатова, Е. Л. Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости : монография / Е. Л. Солдатова. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 267 с.
- 145 Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология : учебник для студентов вузов / Т. Г. Стефаненко. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 368 с.
- 146 Столин, В. В. Самосознание личности / В. В. Столин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 284 с.
- 147 Столин, В. В. Практикум по психодиагностике. Дифференциальная психометрика / В. В. Столин, А. Г. Шмелев. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – 158 с.
- 148 Стрелков, Ю. К. Операционально-смысловые структуры профессионального опыта / Ю. К. Стрелков // Вестник МГУ. – Сер 14. Психология. – 1990. – №3. – С. 50-54.
- 149 Сушков, И. Р. Психологические отношения человека в социальной системе / И. Р. Стрелков. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 412 с.

- 150 Тиллих, П. Избранное. Теология культуры / П. Тиллих. – М. : Юрист, 1995. – 479 с.
- 151 Тобалов, Ю. П. Совладание с трудными жизненными ситуациями у верующих : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Юрий Петрович Тобалов. – М., 2004. – 34 с.
- 152 Томашов, В. В. Ответственность как экзистенциальная проблема : Историко-философские очерки :19.00.05 / В. В. Томашов. – М. : Московский педагогический университет, 1998. – 120 с.
- 153 Томашов, В. В. Человек в пространстве выбора: проблема ответственности в экзистенциальной антропологии США / В. В. Томашов, 1998. – 134 с.
- 154 Угринович, Д. М. Психология религии / Д. М. Угринович. – М. : Политиздат, 1986. – 352 с.
- 155 Уманский, Л. И. Психология организаторской деятельности школьников : учебное пособие для пед. ин-тов / Л. И. Уманский. – М. : Просвещение, 1980. – 160 с.
- 156 Усенкова, М. М. Семья и религия / М. М. Усенкова. – Алма-Ата : Мектеп, 1986. – 253 с.
- 157 Ушинский, К. Д. Избранные педагогические произведения / К. Д. Ушинский. – М.: Просвещение, 1968. – 557 с.
- 158 Фетискин, Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – М., 2002. . – 362 с.
- 159 Философский энциклопедический словарь – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
- 160 Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 367 с.
- 161 Фрейд, З. Будущее одной иллюзии / З. Фрейд. – М. : АСТ, 2009. – 256 с.
- 162 Фрейд, З. Тотем и табу / З. Фрейд. – СПб. : Алетейя, 1997. – 222 с.
- 163 Фромм, Э. Догмат о Христе / Э. Фромм. – М. : Олимп, ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. – 416 с.
- 164 Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М. : Прогресс, 1990. – 336 с.
- 165 Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. - М. : Республика, 1992. – 429 с.



- 166 Хорни, К. Невротическая личность нашего времени; Самоанализ / К. Хорни М. : Издательская группа «Прогресс»-«Универс», 1993. – 480 с.
- 167 Чумакова, Д. М. Диагностика религиозности субъектов образовательного пространства / Д. М. Чумакова // Материалы Второй национальной научно-практической конференции. – М. : Общероссийская общественная организация «Федерация психологов образования России», 2005. – С. 106.
- 168 Чумакова, Д. М. Некоторые психометрические характеристики религиозной шкалы субъективного благополучия / Д. М. Чумакова // Психологическая теория и практика в изменяющейся России : сборник тезисов Всероссийской научной конференции. – Челябинск : Изд-во ЮурГУ, 2006. – С. 267-268.
- 169 Чумакова, Д. М. Методики диагностики религиозности личности / Д. М. Чумакова // Современная психодиагностика в изменяющейся России : сборник тезисов Всероссийской научной конференции. – Челябинск: Изд-во ЮурГУ, 2008. – С. 107-108.
- 170 Чумакова, Д. М. Некоторые аспекты возрастной динамики религиозности личности / Д. М. Чумакова // Сборник тезисов докладов научной конференции студентов Курганского государственного университета. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. – Вып.9. – С. 74-75.
- 171 Чумакова, Д. М. Религиозность личности : диагностика и возрастная динамика / Д. М. Чумакова // Психология сегодня : материалы 10 регион. студ. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 23-24 апр. 2008. – Екатеринбург, 2008. – С. 240-242.
- 172 Чумакова, Д. М. Связь субъективного благополучия личности в религиозной сфере и подверженности эмоциональному стрессу / Д. М. Чумакова // Сборник тезисов докладов научной конференции студентов Курганского государственного университета. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. – Вып.10. – С. 14-15.
- 173 Чумакова, Д. М. Субъективное благополучие в религиозной сфере и социальное взаимодействие в семье / Д. М. Чумакова // Психология – наука будущего: Материалы 3 международной конференции молодых ученых

«Психология – наука будущего» 5-7 ноября 2009 г., Москва. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – С. 484-486.

174 Чумакова, Д. М. Социально-психологическая компетентность родителей в области семейного взаимодействия / Д. М. Чумакова // Психология образования: психологическое обеспечение «новой школы» : материалы 5 Всероссийской научно – практической конференции. – М.: Общероссийская общественная организация «Федерация психологов образования России», 2010. – С. 139-140.

175 Чумаков, М. В. Введение в психологию религии : учебное пособие / М. В. Чумаков. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 1997. – 29 с.

176 Чумаков, М. В. Психология и религия: точки соприкосновения / М. В. Чумаков // Религия, человек, общество : доклады Международного научного религиоведческого конгресса (Курган, 22-24 сентября 1998 г.) Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 1998. – Ч.1. – С.134-139.

177 Чумаков, М. В. Принципы религиозной психологии Т. Флурнуа : столетие спустя / М. В. Чумаков // Практическая психология - 2002.: материалы региональной науч.-практ. конф. 28-30 марта 2002 г. - Екатеринбург, 2002. – Т.5. – С. 72-75.

178 Чумаков, М. В. Психология в системе наук : психология и теология / М. В. Чумаков // Практическая психология – 2002 : Материалы региональной науч.-практ. конф. 28-30 марта 2002 г. – Екатеринбург, 2002. – Т.5. – С. 75-76.

179 Чумаков М. В. Эмоциональные аспекты волевой регуляции / М. В. Чумаков. – Курган, 2005. – 168 с.

180 Шадриков, В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности / В. Д. Шадриков. – М., 1982. –184 с.

181 Шадриков, В. Д. Духовные способности / В. Д. Шадриков. М. : Магистр, 1998. – 179 с.

182 Шадриков, В. Д. От индивида к индивидуальности : Введение в психологию / В. Д. Шадриков. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – 656 с.

183 Шамяионов, Р. М. Психология субъективного благополучия личности / Р. М. Шамяионов. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2004. –180 с.

- 184 Шарахов, Ю. А. Гипноз, внушение, религия / Ю. А. Шарахов. – М., 1972. – С.16.
- 185 Шнейдер, Л. Б. Психология семейных отношений: Курс лекций / Л. Б. Шнейдер. – М. : Апрель – Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. – 512 с.
- 186 Шмелев, А. Г. Психодиагностика личностных черт / А. Г. Шмелев. – СПб., 2002. –480 с.
- 187 Щербакова, Ю. И. Религиозная идентичность личности как фактор толерантности в межличностных отношениях : дис. ... канд. психол. наук / Ю. И. Щербакова. –М., 2010. – 209 с.
- 188 Шибутани, Т. Социальная психология / Т. Шибутани. – Ростов на Дону : Феникс,1998. – 544 с.
- 189 Шорохова, Е. В. Тенденции исследований личности в советской психологии / Е. В. Шорохова // Психологический журнал. – 1980. – Т.1. – С.45-57.
- 190 Эйдемиллер, Э. Г. Психология и психотерапия семьи / Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис. – СПб. : Питер, 2001. – 656 с.
- 191 Эриксон, Э. Идентичность : юность и кризис / Э. Эриксон. –М.,1996. – 344 с.
- 192 Эриксон, Э. Детство и общество / Э. Эриксон. – СПб. : Речь, 2000. –416 с.
- 193 Юм, Д. Сочинения / Д. Юм. – М. :Мысль, 1996. –2 т. – 799 с.
- 194 Юнг, К. Г. Проблемы души нашего времени / К. Г. Юнг. – М. : Прогресс «Универс»,1993. – 336 с.
- 195 Юнг К. Г. О психологии восточных религий и философий / К. Г. Юнг. – М., 1994. –253 с.
- 196 Юнг К. Г. Ответ Иову / К. Г. Юнг. –М., 1998. – 384 с.
- 197 Янчук, В. А. Введение в современную социальную психологию : учебное пособие для вузов / В. А. Янчук. – Минск. : Асар, 2005. – 768 с.
- 198 Ященко, Е. Ф. Ценностно-смысловая концепция самоактуализации / Е. Ф. Ященко. – Челябинск : Изд-во ЮурГУ, 2005. –383 с.
- 199 Alireza Rajaei, Ahmad Sarvar Azimi Basic religions Beliefs and Fave Persoality Traits. The 12<sup>th</sup> European congress of Psychology, Istanbul, July 04-08, 2011, Abstracts and List of Authors, ECP.– 2011, p.1339.

- 200 Allport G.W., Ross J. M. Personal religious orientation and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1967. – №5. – P. 432-443.
- 201 Benson P., Spilka B., God-image as a function of self-esteem and locus of control, *Journal for the Scientific Study of religion*. – 1973. – №12. – P. 297-310.
- 202 Brambilla M., Manzi C., Regalia C. Parental practices and religious identity. A study about youths' religious internalisation. – 6<sup>th</sup> EFSR Congress: Families in a Changing Europe, challenges, conflicts and interventions. – 2012. – P 131.
- 203 DeJong G., Faulkner, J., Warland, R. Dimensions of religiosity reconsidered: Evidence from a cross-cultural study. *Social Forces*. – 1976. – №54. – p. 866-889.
- 204 Dubied P.-L. Introduction a la theologie pratique theologie de la communication/ Polycopie du cours. 1998. – 43 p.
- 205 Chumakov M., Schoebi D., Plancherel B., Perrez M. La punition corporelle des enfants en Suisse et en Russie // *La revue internationale de l'education familial*, 2006. – № 19 – C. 53 – 75.
- 206 Clayton R.R., Gladden J.W., 5-D or 1, *Journal for the Scientific Study of Religion*, 1971. – № 10. – p.37-40.
- 207 Gershoff, E.T., Corporal punishment by parents and associated child behaviors and experiences: a meta-analytic and theoretical review. // *Psychological Bulletin*, 128(4), 2002. – p. 539-579.
- 208 Glock C.J., Stark R., On the study of religious commitment, *Religious Education, Research Supplement*, 1962. – № 57. – p.98-110.
- 209 Glock C.J., Stark R., *Religion and society in tension*. Chicago, Rand McNally, 1965.
- 210 Glock C.J., Stark R., *Christian beliefs and antisemitism*, New York, Happer and Row, 1966. – 112 p.
- 211 Hill C., Hood Ralph W. *Measures of religiosity*. Religious Education Press. – Alabama, 1999. – 385 p.
- 212 Hjelle C.A., Relationship of a measure of self-actualisation to religious participation, *Journal of clinical Psychology*, 1975. –№ 9. – p. 179-182.

- 213 Hutsebaut D. Belief as lived relation, *Psychologica Belgica*, 1980. – № 20. – p.33-47.
- 214 Hutsebaut D., Reference figures in moral development, dans: *Toward moral and religious maturity*, Morristown (New Jersey), Silver Burdett Gy, 1980. – p. 193-221.
- 215 Melvin A. Kimble, Susan H. McFadden *Aging, spirituality, and religion.* – U.S.A, 1995. – 479 p.
- 216 Lindenthal J. Mental status and religious behavior, *Journal for the Scientific Study of Religion*, 1970. – № 9. – p. 143-149.
- 217 Munn S.Z. Child-control through a ‘coalition with God’, *Child Development*, 1964. – № 35. – p. 417 – 432.
- 218 Oser F., Gmunder P., Ridez L., *L’homme, son developpement religieux*, 1991. – p.344.
- 219 Otto R. *Le sacre. L’element non rationnel dans l’idee du divin et sa relation avec le rationnel*, Paris, Payot, 1929.
- 220 Parsons T. *The social system*, New York, The Free Press, 1951. – p.368.
- 221 Perrez, M., Ewert, U., Moggi, F., Plancherel, B. *La punition des enfant.* In J.-P. Pourtois *Blessure d’enfant.La maltraitance: theorie, pratique et intervention.* Bruxells: De Boeck Universite, 2000. – p. 147 – 161.
- 222 Perrez, M., Schoebi, D., Wilhelm, P. *How to assess Rgulation of stress and emotion in daily Family life? A computer – assisted family self – monitoring – System Clinical Psycholgy and Psychoterapy*, 2000. – № 7. – p.326 – 339.
- 223 Piaget J. *La psychology et les valeurs religieuses.*- Geneve, Labor, 1923. – 171p.
- 224 Ralph W. Hood, Jr., Bernard Spilka, Bruce Hunsberger, & Richard Gorsuch. *The psychology of religion: an empricial approach.* – New York, London: The Guilford Press, 1996. – 546 p.
- 225 W. Snijder, J.C. Tennison, *Some relationship between attitude toward the church and certain personality characteristics*, *Journal of counseling psychology*, 1968. – № 15. – p. 187-189.
- 226 Vanaerde M. *The attitude of adults towards God*, *Social Compass*, 1972. –№19. – p. 407-413.

- 227 Vercruysse G., The meaning of God: a factoranalytic study, Social Compass, 1972. – № 19. – p.347-364.
- 228 Vergote A., Religion, foi, incroyance. Etude psychologique, Pierre Mardaga, editeur 2, galerie des princes, Bruxelles, 1983. – 328 p.
- 229 Wulff, David M., Psychology of religion: classic and contemporary views, 1991. – 640 p.

## ПРИЛОЖЕНИЕ А

Индикаторы шкалы копинга, основанного на религиозности (Pargament, Ensing, Falgout, Olsen, Reilly, Van Haitsma, Warren)

Данная шкала представляет собой ряд индикаторов копинговой активности, в основе которой лежит духовность, стремление совершать хорошие поступки, удовлетворенность от взаимодействия с другими членами церкви, религиозное убеждение.

1. Я ощущаю любовь и заботу Бога.
2. Я допускаю, что порой ситуация находится не в моих руках, а в руках Бога.
3. В происходящих событиях я ищу уроки Бога.
4. Я исповедуюсь в моих грехах.
5. Я участвую в религиозных службах или религиозных ритуалах.
6. Я помогаю другим членам церкви.
7. Я принимаю помощь от священников.
8. Я прошу о чуде.
9. Я ставлю под сомнение мои религиозные убеждения и веру.
10. Я прошу у Бога улучшить мою жизнь.
11. Я молюсь или читаю Библию, чтобы оградить свой разум от проблем.

## ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Индикаторы шкалы субъективного благополучия в религиозной сфере (Paloutzian, Ellison)

Данная шкала состоит из двух подшкал: шкалы измерения субъективного благополучия, связанного с религиозным опытом и шкалы измерения экзистенциального субъективного благополучия.

Шкала измерения субъективного благополучия, связанного с религиозным опытом включает в себя следующие индикаторы.

1. Я верю, что Бог любит меня и заботится обо мне.
2. Я не нахожу большого удовлетворения в личном обращении к Богу с помощью молитвы.
3. Моя связь с Богом помогает мне не чувствовать себя одиноким.
4. У меня есть личная, значимая связь с богом.
5. Я верю, что Бог заботится о моих проблемах.

Индикаторы шкалы измерения экзистенциального субъективного благополучия.

1. Я чувствую большую удовлетворенность от жизни.
2. Я хорошо себя чувствую от осознания того, что моя жизнь направляется свыше.
3. Я считаю, что мое будущее будет хорошим.
4. Жизнь не имеет большого смысла.
5. Я верю, что у моей жизни есть какое-то реальное назначение.



## ПРИЛОЖЕНИЕ В

Индикаторы измерения общей религиозности личности (DeJong, Faulkner, Warland)

Шкала измерения общей религиозности личности состоит из шести измерений.

Примеры индикаторов измерения веры.

1. Верите ли Вы в Бога?

А) Я не верю в Бога.

Б) Я не знаю, есть ли Бог и, вероятно, нет пути это проверить.

В) Я не верю в конкретного Бога, но я верю в некую высшую силу.

Г) Я чувствую, что я верю в Бога, но, в это же время, я не в состоянии полностью объяснить, кто и что есть Бог.

Д) Я знаю, что Бог по-настоящему существует и у меня нет сомнений по этому поводу.

2. Каков Ваш взгляд на Библию?

А) Библия – это собрание мифов и фантастики.

Б) Библия – это собрание литературных и исторических писаний.

В) Библия включает в себя некоторые значительные человеческие моральные и этические мысли.

Г) Библия была написана вдохновленными людьми и содержит ценные духовные учения.

Д) Библия – это слово Божье.

Примеры индикаторов измерения религиозного опыта.

1. Был ли у Вас когда либо опыт, который Вы могли бы назвать религиозным? Если да, то какие из нижеприведенных высказываний наиболее точно отражают его главные особенности?

А) У меня никогда не было опыта, который я бы мог назвать религиозным.

Б) Я не припоминаю, чтобы у меня когда-то был опыт, который я бы мог назвать религиозным.

В) У меня были моменты, когда я испытывал необыкновенные ощущения, связанные с истиной, красотой, добродетелью и т.д

Г) Иногда у меня было ощущение божественного

Д) У меня был опыт, возможно не раз повторявшийся, когда я чувствовал взаимную связь между мной и Богом.

2. Мне знакомо такое чувство как раскаяние и переживание прощения греха.

Примеры индикаторов измерения религиозного поедения.

1. Как часто Вы посещаете церковные службы?
2. Принадлежите ли Вы в настоящее время к церкви?

Примеры индикаторов измернеия религиозных моральных принципов.

1. Согласны ли Вы, что воровство мелких предметов не является аморальным?
2. Согласны ли Вы, что при определенных обстоятельствах женщина может сделать аборт?

Измерение религиозных знаний основывается на узнавании принадлежности религиозных персонажей к Ветхому Завету или к Новому Завету. В данном измерении так же представлены персонажи, которые не упоминаются в Библии вообще. Подшкала представляет собой перечень из 10 перснажей, в который входят такие личности как Фома Аквинский, Моисей, Ииусус Навин, Лютер, Павел.

Примеры индикаторов измерения религиозных социальных норм.

1. Я поддерживаю точку зрения, что должна быть полная занятость всех.
2. Я думаю, смертная казнь должна быть отменена.

## ПРИЛОЖЕНИЕ Г

### Индикаторы социального взаимодействия в семье (М. Перре)

Опросник частоты применения родителями наказаний.

Ситуации социального взаимодействия, в которых определяется вероятность применения различных видов наказания.

1. Ссора брата и сестры из-за книги, в которой старший ребенок в порыве гнева разрывает книгу.
2. В ответ на физическое наказание ребенок пытается дать сдачи.
3. В ответ на привлечение ребенка к уборке он грубит.
4. Ребенок возвращается с плохими отметками в дневнике после длительного периода прибрежения домашними заданиями.
5. Классный руководитель ребенка жалуется на его грубость и неприемлемое поведение в классе.
6. Ребенок отказывается есть.
7. Ребенок не вернулся домой в положенное время.
8. Ребенок украл деньги.

Перечень наказаний.

1. Запрет смотреть телевизор.
2. Дать ребенку понять, что он огорчил своих родителей.
3. Оплеуха.
4. Поставить ребенка в угол и оставить его без внимания.
5. Сокращение карманных денег.
6. Отшлепать ребенка.
7. Пригрозить ребенку наказанием в будущем.
8. Потребовать от ребенка извинений.
9. Лишить ребенка чего либо, что ему как правило разрешается.
10. Запретить ребенку играть в компании своих друзей.

Тенденция испытуемого использовать данные виды наказания тестируются в каждой из восьми социальных ситуаций, что дает восемьдесят частных индикаторов.

Тест определения частотности применения родителями физических наказаний.

Данный тест содержит следующие виды физических наказаний.

1.Трепание ребенка за волосы. 2. Порка. 3. Шлепание. 4. Оплеуха. 5. Угроза ударить ребенка каким-либо предметом.

Из перечня не физических наказаний тест содержит следующие их виды:

1.Сердиться на ребенка. 2. Лишать просмотра телевизора. 3. Не давать ребенку десерт. 4. Направить ребенка в кровать без ужина. 5. Запретить ребенку покидать дом. 6. Угрожать ребенку наказанием.

Шкала измерения терпимости родителей к поведению ребенка.

Шкала фиксирует силу раздражения родителей в отношении различных социальных ситуаций взаимодействия со своими детьми. Это ситуации когда ребенок не слушается, плохо учится, проявляет нечестность, проявляет неточность, непунктуальность, устраивает беспорядок, грубит, невежливо себя ведет, отказывается помогать, злоупотребляет просмотром телевизора, кричит, плохо контролирует гнев, просыпается ночью, не проявляет достаточно ловкости и находчивости.

Тест измерения удовлетворенности семейной жизнью.

Данный тест определяет удовлетворенность супругов различными сферами социального взаимодействия в семье.

1. Взаимодействием по поводу обсуждения проблем и принятия решений.
2. Социально-психологическим климатом в семье.
3. Проявлением заботы членов семьи друг о друге.
4. Распределением обязанностей между членами семьи.
5. Способностью преодолевать стрессовые ситуации.

Тест определения реакции родителей на примененное наказание.

Тест определяет выраженность когнитивных реакций родителей на ситуацию наказания. Эти реакции относятся к числу защитных и они таковы

1. Я подумал: «Дети очень хорошо могут переносить, когда их периодически шлепают».
2. Я подумал: «Периодически крепко наказывать – это хорошее воспитательное средство».

К открытым, конструктивным реакциям относятся следующие ситуации социального взаимодействия.

1. Обсуждение ситуации с партнером по браку.
2. Утешение ребенка, получившего физическое наказание.
3. Попросить у ребенка, получившего физическое наказание прощения.

Еще две открытые реакции состоят в упреке родителем себя за то, что ударил ребенка и муки совести.